ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

ГОД ИЗДАНИЯ 45-й

№ 21 (4411)

23 мая 1973 г. СРЕДА

ПРОГРАММА МИРА — В ДЕЙСТВИИ

ВИЗИТ ГЕНЕРАЛЬНОГО СЕКРЕТАРЯ ЦК КПСС Л. И. БРЕЖНЕВА В ФРГ

Провозглашенная XXIV съездом КПСС Программа мира определяет сегодня главное направление движения человечества к будущему. Постановление апрельского Пленума ЦК КПСС — новое свидетельство того, что в нашей мирной программе сформулирован единственно перспективный и верный путь, отвечающий интересам СССР, интересам всех народов. С огромным одобрением относятся к советскому мирному наступлению, активно участвуют в нем братские страны социализма. Это еще раз подтверждено во время встреч Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева с партийными и государственными руководителями Польши и ГДР.

И вот в эти майские дни мир стал свидетелем логического продолжения ленинского внешнеполитического курса Советского Союза, согласованного со странами социалистического содружества и направленного на построение надежного и устойчивого здания европейского мира.

Гамма политических проблем, стоявших в центре переговоров Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева и канцлера ФРГ В. Брандта, весьма широка — от двусторонних отношений до европейских и мировых. Это естественно, если учесть ту роль, которую играют наши страны на международной арене, их экономический потенциал, их взаимное стремление начать новую главу в истории своих взаимоотношений, в истории Европы.

Во время пребывания Л. И. Брежнева в Бонне были подписаны соглашения о развитии экономического, промышленного и технического сотрудничества, о культурном сотрудничестве и Дополнительный протокол к Соглашению о воздушном сообщении. Было принято также Совместное Заявление о визите Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева в Федеративную Республику Германии. Вчитываясь в строки этих документов, еще раз с удовлетворением отмечаешь, какой путь прошли советско-западногерманские отношения за короткий период, открытый Московским договором 1970 года, отмеченный встречей Л. И. Брежнева с В. Брандтом в Ореанде в 1971 году.

Диалог, начало которому положил Московский договор, вносит добрые изменения в международный политический климат, конкретизирует, наполняет жизнью все сферы межгосударственных отношений СССР и ФРГ. Он вселяет оптимизм, поскольку определяется политикой мира и сотрудничества, политикой, устремленной в будущее.

Когда этот номер «ЛГ» подписывался к печати, многие десятки миллионов телезрителей с огромным вниманием слушали выступление Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева по западногерманскому телевидению.

Пребывание Генерального секретаря ЦК КПСС, члена Президиума Верховного Совета СССР товарища Л. И. Брежнева в ФРГ.

На снимке: *Л. И. Брежнев в ведомстве федерального канцлера ФРГ В. Брандта.*

Телефото спец. корр. ТАСС В. МУСАЭЛЬЯНА и В. СОБОЛЕВА

стр. 9, 14

Мирзо ТУРСУН-ЗАДЕ

ВСЕНАРОДНОЕ ОДОБРЕНИЕ

КОГДА МЫ, советские люди, в эти дни читали в газетах о переговорах Леонида Ильича Брежнева в Бонне, слушали по радио последние известия о ходе визита и при помощи телевидения становились непосредственными свидетелями этого важного исторического события, нам невольно вспоминались слова, сказанные товарищем Л. И. Брежневым накануне поездки. «...Мы едем в Федеративную Республику Германии, — подчеркнул он в интервью журналу «Штерн», — ощущая монолитную поддержку нашей партии, всего советского народа».

И действительно, все мы разумом, сердцем своим понимаем, сколь жизненна, по-ленински правильна и результативна внешнеполитическая стратегия нашей партии, ее Центрального Комитета. Стратегия, разработка и осуществление которой в современных условиях неразрывно связаны с именем и плодотворной деятельностью Леонида Ильича Брежнева. Советские люди горячо одобряют эффективные шаги Советского Союза на международной арене, решительно поддерживают внешнеполитический курс, определенный XXIV съездом партии.

Три недели назад, во время первомайских торжеств, Л. И. Брежнев сказал на Красной площади: «Мы, советские люди, испытываем законное чувство гордости в связи с тем, что освобождение труда было начато на нашей земле в дни Великого Октября, что именно наша страна вот уже 55 лет крепко держит знамя прочного мира и дружбы всех народов земли».

Над аэродромом Кёльн — Бонн в день прибытия Л. И. Брежнева было поднято красное советское знамя. Это — знамя прочного мира и дружбы всех народов. Над отелем «Петерсберг», где остановился высокий советский гость, развевалось советское знамя, знамя мира и дружбы. От имени двухсот пятидесяти миллионов советских людей, по их поручению вел переговоры с федеральным канцлером В. Брандтом Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев.

В Бонне речь шла о важных и серьезных вещах. О дальнейшем развитии связей между нашими государствами во всех областях — политической, экономической, научно-технической и культурной. Об укреплении взаимного доверия. О насущных европейских делах — общеевропейском совещании, о сокращении вооружений и вооруженных сил в Центральной Европе. О том, что важно не только для наших двух стран, но и для всех народов.

Да, если в мире сейчас происходит поворот к лучшему, то огромная заслуга в этом принадлежит активной, инициативной международной политике КПСС, опирающейся, как сказано в постановлении апрельского Пленума Центрального Комитета нашей партии, на могучую силу и авторитет Советского государства, на поддержку всего народа. Своим беззаветным трудом на благо Родины, высокой сознательностью, сплоченностью вокруг ленинской партии советские люди вносят новый большой вклад в обеспечение мира и социального прогресса человечества.

Именно об этом идет речь на собраниях партийного актива, обсуждающих итоги апрельского Пленума ЦК КПСС и задачи партийных организаций. Недавно состоялось собрание партийного актива Таджикистана. Все выступавшие подчеркивали, что проникнутый духом пролетарского интернационализма, последовательно миролюбивый внешнеполитический курс СССР целиком и полностью отвечает коренным интересам международного рабочего класса, всех народов.

Все мы испытываем чувство глубочайшего удовлетворения итогами визита Л. И. Брежнева в Федеративную Республику Германии. Это новый успех инициативной, целеустремленной политики нашей партии, направленной на дальнейшую разрядку напряженности, укрепление международного сотрудничества.

Под каждым из заключенных соглашений стоит и наша подпись!

Георгий ХОЛОПОВ

СОБЫТИЕ ВЫДАЮЩЕГОСЯ ЗНАЧЕНИЯ

Я принадлежу к поколению, познавшему все ужасы минувшей войны. Главной нашей мыслью после Победы было: сделать все, чтобы кошмар войны не повторился.

И кто, как не мы, может оценить всю справедливость истины, заключенной в словах Леонида Ильича Брежнева: «Видимо, есть своя логика в том, что работу по обновлению отношений между нашими странами взяли на свои плечи представители поколения, познавшего ужасы минувшей войны»!

Мы хорошо помним не только войну, но и то, что ей предшествовало. Помним, как Европа, как весь мир приближались к точке взрыва; в одном котле тогда перемешались жажда реванша и захватов, антисоветизм, недоверие, алчные интересы и неслыханная ложь...

Увы, совсем еще недавно наше поколение было свидетелем тревожных явлений, поневоле навевавших тягостные воспоминания. Потребовалось приложить немало усилий, чтобы повернуть ход событий в благоприятное русло. Огромную, исключительную роль при этом сыграла мудрая политика нашей партии. Годы, ознаменовавшиеся, наконец, поворотом от «холодной войны» к разрядке напряженности, неразрывно связаны с плодотворной, неутомимой деятельностью Леонида Ильича Брежнева на благо мира, на благо человечества.

Конечно, об окончательной ликвидации остатков «холодной войны» пока говорить еще рано. Они дают себя знать и в эти дни. В печати уже приводились примеры провокационных, откровенно недружелюбных действий, предпринятых врагами разрядки напряженности. Среди них особенно отличились маоисты и их подголоски.

Есть и более замаскированные вылазки против дела мира и установления доверия между государствами. На днях мне довелось прочитать статью некоего профессора, «специалиста по советским делам», опубликованную в шпрингеровской газете «Вельт». С ученым видом этот политикан от науки рассказывал о своем «анализе» советской политики. Выводы г-на профессора звучат так: Западной Германии угрожает смертельная опасность, она втягивается в «советскую орбиту»!..

К чести западногерманской общественности, она не дает себя одурачить подобными «прогнозами». Мирные люди Федеративной республики, как и всей Европы, понимают, что настало время для новой эры в отношениях, и горячо одобряют итоги визита Л. И. Брежнева в ФРГ.

В Бонне было подписано несколько важнейших документов. Мне особенно хочется отметить Соглашение о культурном сотрудничестве. Оно красноречиво говорит о больших перспективах, которые открываются для сотрудничества в области культуры, литературы, науки.

...Множество радостных лиц видели мы на экранах телевидения, ежедневно приобщавшего нас к визиту Леонида Ильича Брежнева. Этот визит с радостью и удовлетворением воспринят в ФРГ. В Европе. Во всем мире. А что касается нас, советских людей, то мы убеждены: с каждым днем сейчас все больше будет перемен к лучшему на нашей планете.

ФАНТАСТИКА ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

Заметки Н. Тихонова о творчестве Ольги Форш

Отрывок из нового романа С. Сартакова

Г. ТОВСТОНОГОВ: ПАРАДОКС О ЗРИТЕЛЕ

ЛИТЕРАТУРА И ИСКУССТВО

стр. 5, 6, 7, 8

СТРАНА ГОТОВИТСЯ К ВЫБОРАМ

В стране ширится подготовка к выборам в местные Советы. Среди самых достойных людей, выдвигаемых кандидатами в депутаты, трудящиеся называют имена и советских писателей.

В Ленинграде кандидатом в депутаты городского Совета выдвинут В. Торопыгин, кандидатом в депутаты Дзержинского районного Совета — Э. Яворская. Одного из старейших азербайджанских поэтов А. Джамиля и секретаря правления СП республики Д. Ноьруза бакинцы назвали кандидатами в депутаты городского Совета. Секретарь правления СП Латвийской ССР Л. Бридака выдвинута кандидатом в депутаты Рижского городского Совета, а Р. Эзеру назвали своим кандидатом в депутаты жители Кировского района столицы республики. Кандидатом в депутаты Вильнюсского городского Совета выдвинут заместитель председателя правления СП Литвы А. Малдонис. Р. Иванишвили и Г. Гогичайшвили названы кандидатами в депутаты Тбилисского городского Совета. Кандидатом в депутаты городского Совета столицы Киргизии выдвинут прозаик К. Каимов.

ПРАЗДНИК СЛАВЯНСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ

24 мая болгарский народ отмечает День Кирилла и Мефодия, создателей славянской письменности. Этот день — один из самых ярких праздников в истории болгарского народа, праздник болгарского просвещения и культуры, славянской письменности и болгарской печати.

С победой социалистической революции в стране этот праздник стал смотром достижений национальной культуры болгарского народа. Продолжая лучшие, прогрессивные традиции, социалистическая культура и искусство Болгарии добились замечательных успехов, которые широко известны во всем мире. Тесная духовная близость с искусством братских социалистических стран благотворно влияет на развитие болгарской культуры. Всестороннее сотрудничество Болгарии с СССР — неотъемлемая часть всего развития болгарской социалистической культуры.

Болгарское правительство по случаю праздника славянской письменности наградило орденом Кирилла и Мефодия группу деятелей культуры и искусства нашей страны. В их числе — писатели К. Федин, М. Шолохов, Л. Леонов, М. Бажан, Б. Брайнина, П. Бровка, Р. Гамзатов, О. Гончар, В. Катаев, С. Михалков, В. Соколов, Мирзо Турсун-заде.

Рисунок Богомила НИКОЛОВА из болгарского еженедельника «Народна култура»

НА ЗЕМЛЕ УЗБЕКИСТАНА

В течение недели посланцы литератур братских республик и социалистических стран были гостями покорителей Голодной степи, хлопкоробов Ферганской долины, города химиков и энергетиков Навои, древнего Самарканда. Писательскую бригаду возглавляли секретари правления СП СССР В. Кожевников и О. Гончар.

Вернувшись в Ташкент, гости приняли участие в творческой дискуссии, которую проводил Союз писателей Узбекистана по произведениям, посвященным трудовому подвигу хлопкоробов.

В ЦК КП Узбекистана состоялся прием. Кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь ЦК Компартии Узбекистана Ш. Р. Рашидов рассказал участникам Дней советской литературы о перспективах развития народного хозяйства республики в девятой пятилетке.

Вечером поэзии, посвященным 70-летию со дня рождения выдающегося советского поэта Гафура Гуляма, завершились Дни советской литературы в Узбекистане.

В поездке по республике принимали участие заместитель заведующего Отделом культуры ЦК КП Узбекистана В. В. Барабаш и зав. сектором Н. Нарзуллаев.

Подробный отчет о днях советской литературы в Узбекистане будет опубликован в следующем номере «ЛГ».

Вадим КОЖЕВНИКОВ

РАДОСТЬ, РАЗДЕЛЕННАЯ С ДРУЗЬЯМИ

ДРУЖБА и братство — девиз нынешних Дней советской литературы в Узбекистане. Этот большой праздник многонациональной советской литературы и культуры был посвящен третьему, решающему году пятилетки.

Уже на первом литературном вечере в столице Узбекистана мы ощутили горячую взаимную заинтересованность и искренность, возникшие между хозяевами и гостями. Слились воедино слова, идущие от души, и стихи, рожденные по велению сердца. А праздник наш нынче радостен вдвойне — ведь впервые принимают в нем участие ведущие писатели братских социалистических стран.

Поездка писательской делегации по Голодной степи была встречена тружениками полей, заводов и фабрик как яркая демонстрация успехов нашей социалистической культуры. А для многих из нас знакомство с Голодной степью стало открытием в буквальном смысла этого слова.

Голодная степь... «Какая же она Голодная, если жизнь здесь — полная чаша, — заметил один из наших зарубежных друзей. — Ей больше подходит название Гулистан — цветущий край!»

Героический труд советских людей, пядь за пядью осваивающих безводные земли, вдохнувших жизнь в мертвую пустыню, был бы немыслим без мудрой организаторской деятельности коммунистов,— эту мысль постоянно подчеркивали в своих выступлениях наши зарубежные друзья. Гостей поразила высокая культура земледелия в Голодной степи. Бывший агроном, ныне известный болгарский писатель К. Апостолов подчеркнул, что этот опыт заслуживает того, чтобы перенять и на его родине.

Степь осваивают и обживают представители более 80 национальностей. И, естественно, многие выступления литераторов были полны размышлений о том, как глубже, вдохновеннее рассказать в своих произведениях об этих замечательных плодах дружбы наших народов, о животворной силе братского сотрудничества социалистических стран.

Около двух тысяч километров — таков маршрут праздничной и в то же время очень деловой, наполненной впечатлениями поездки многонациональной писательской бригады. Своеобразным чудом в пустыне предстал перед нами Навои — город современных промышленных предприятий, химии и энергетики, город тенистых парков и скверов. Это молодой город, и работают в нем молодые — средний возраст новоийцев 27 лет. И не случайно самым популярным учреждением здесь является Дворец бракосочетаний.

Мне лично как писателю, как депутату Верховного Совета СССР от булунгурского избирательного округа Самаркандской области всегда радостно бывать на узбекской земле, встречаться со своими избирателями, делиться с ними творческими планами и мечтами. Нашу гордость за успехи трудолюбивого узбекского народа в борьбе за досрочное выполнение девятой пятилетки искренне разделяют друзья — писатели из социалистических стран.

см. стр. 2

С 15 по 18 мая в Москве, в Большом Кремлевском дворце, проходила работа Четвертого съезда художников СССР. Актуальные проблемы развития советского многонационального искусства, вопросы идейности и мастерства, эстетического воспитания трудящихся были в центре внимания этого представительного форума мастеров изобразительного искусства страны. Около 700 делегатов из всех союзных братских республик, гости съезда, представители партийных и общественных организаций заслушали и обсудили отчетный доклад правления Союза художников СССР «Советский художник — активный участник строительства коммунистического общества», с которым выступил первый секретарь правления Н. А. Пономарев, и доклад центральной ревизионной комиссии Союза художников СССР — докладчик председатель комиссии И. Ф. Титов.

Участники съезда, выступавшие в прениях, говорили о гражданственности искусства, о высокой миссии художника, отмечали, что первейшая обязанность деятелей культуры — быть активным участником коммунистического строительства.

Вместе с тем на съезде отмечалось, что не может не тревожить появление произведений невысокого идейно-художественного качества, далеких от кардинальных тем современности, проникнутых порой влиянием буржуазного модернизма. Высокий долг художника — быть предельно взыскательным к своему искусству, неустанно повышать идейный уровень творчества, создавать произведения, достойные нашей эпохи, повседневно укреплять связь с жизнью народа. Высокие принципы партийности и народности искусства социалистического реализма советские художники противопоставляют нигилизму и антигуманизму буржуазной культуры.

В принятом постановлении съезд подчеркнул, что метод социалистического реализма открывает перед художниками широчайшие возможности для творчества в различных видах и жанрах изобразительного искусства, способствует развитию индивидуальных манер и стилей, ведет к глубокому художественному познанию и отражению жизни. Съезд призвал многотысячный отряд художников еще теснее сплотиться вокруг КПСС.

С большим воодушевлением участники съезда приняли приветственное письмо Центральному Комитету КПСС.

Мудрое руководство Коммунистической партии, говорится в этом документе, является надежной гарантией всех наших творческих успехов, оно направляет нашу деятельность на создание значительных художественных произведений, раскрывающих героические подвиги советского человека — строителя коммунизма. Вместе со всем советским народом, прогрессивными людьми планеты участники съезда горячо одобрили Программу мира, принятую XXIV съездом КПСС, решения апрельского (1973 г.) Пленума ЦК КПСС и приветствовали присуждение международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами» Леониду Ильичу Брежневу, внесшему большой личный вклад в последовательное осуществление Программы мира.

***

Состоялся первый пленум нового состава правления Союза художников СССР. Председателем правления избран Н. А. Пономарев, первым секретарем правления — Т. Т. Салахов.

М. АНИКУШИН,
народный художник СССР, лауреат Ленинской премии

КРАСКИ ГЕРОИЧЕСКОЙ ЭПОХИ

Четыре дня почетная кремлевская трибуна была предоставлена художникам. И вполне понятно, что актуальные вопросы развития нашего многонационального искусства, которые обсуждал съезд, ораторы, выступавшие с этой трибуны, связывали с проблемами, волнующими сегодня не только делегатов и гостей, собравшихся в зале заседаний, но и весь тринадцатитысячный коллектив советских художников.

Творческий труд наших художников осуществляется в обстановке небывалого подъема производственной и политической активности советских людей, борющихся за выполнение планов третьего, решающего года девятой пятилетки. Долг советских художников — отдать все силы, весь свой талант служению родному народу.

Вопросы теории и практики искусства социалистического реализма и забота о будущем нашего искусства — молодежи, расцвет многонационального творчества рассматривались в дни работы съезда через соотношение двух понятий: художник и современность, связь художника с жизнью народа.

Сколько проблем предстоит нам решить! И сколько среди них первоочередных, наиважнейших! Да и как установить очередность, когда, говоря «художник и современность», мы вспоминаем: человек и мир, человек и труд, человек и природа, человек и будущее... Тут слиты воедино многие общественные и политические проблемы времени. Все они требуют внимания художников. Вместе со всем народом мы должны трудиться с полной отдачей сил, только тогда сумеем мы создать достойную эпохи художественную летопись.

Величие целей и задач, поставленных Коммунистической партией и Советским правительством, творческие горизонты, открытые XXIV съездом КПСС, — какой ответственности требуют они от каждого из нас! Произведения, над которыми мы трудимся, должны быть отмечены глубокой идейностью и высочайшим мастерством. Забота партии вдохновляет и требует, она зовет к активной, целенаправленной деятельности на благо Родины. Судьбы нашего изобразительного искусства неотделимы от судеб Родины, от жизни и устремлений народных. Не равнодушными регистраторами событий являются живописцы, скульпторы, графики, но активными строителями нового общества, глубоко изучающими законы жизни, обладающими своим видением нового мира и нового в мире. Постигнуть биографию страны и людей — какая это грандиозная и сложная задача! Ведь речь идет о советских людях, о качественно новом отношении к труду.

«...У нас утвердилась, стала реальной действительностью новая историческая общность людей — советский народ. Эта общность основывается на глубоких объективных изменениях в жизни страны как материального, так и духовного порядка...» Эти слова Леонида Ильича Брежнева уже приводились в отчетном докладе правления, но мне хочется повторить их, и вот в какой связи. Показать величие советского человека новой формации, раскрыть красоту человека труда, красоту тех, кто составляет эту новую историческую общность людей — советский народ, — в этом тоже задача художников.

Наша действительность опережает все прогнозы. Еще недавно из окон зала заседаний Большого Кремлевского дворца, на фоне обрамляющих набережную памятников старого Замоскворечья, виднелось множество строительных кранов. А сегодня на горизонте возвышаются новые мощные жилые массивы. На месте только что разрытых котлованов со сказочной быстротой вырастают выстроенные руками наших людей дома, фантастически быстро меняется облик земли. Разумеется, и художнику надо успевать, но не следует торопиться. В ответственном деле — а только таким мы видим труд художника — опасной поспешности быть не может. Только глубокое постижение событий и дел, проникновение в их суть приведут к желанной цели. Я часто вспоминаю строки поэта: «Прекрасное должно быть величаво». Величаво — в духовном и нравственном смысле слова. Прекрасное и величавое, как и у Пушкина, — всегда рядом.

Здесь мне хочется сделать небольшое отступление: сколько раз высказывались пожелания запечатлеть в искусстве портреты наших современников, которые своим повседневным трудом множат славу и могущество Родины, преображают облик страны, делают его еще более прекрасным и величавым. На XXIV съезде партии говорилось о дальнейшем укреплении связи между мастерами искусств и коллективами рабочих. Художник должен участвовать в жизни народа, прочувствовать ее всей душой. Только тогда он сможет отразить эту жизнь в своем произведении.

В первый день съезда на стол президиума была положена каска рабочего-монтажника со строительства Камского автомобильного автогиганта. Эту каску вместе с полным снаряжением монтажника — рабочим костюмом — передал как подарок съезду бригадир монтажников КамАЗа И. Фахрутдинов. Дорогой дар. Мы словно воочию увидели прекрасный город Набережные Челны, услышали героическую симфонию труда. И в выступлении на съезде председателя колхоза «Украина» Днепропетровской области В. Иваненко прозвучала та же тема о «творцах чудес» — советских хлеборобах. Каска монтажника как бы символизировала единство художников с трудовым народом. Вспомнились поездки творческих групп художников в промышленные центры страны: Днепропетровск, Казахстанская Магнитка, башкирские нефтепромыслы, Сахалин, Карелия.

Вспомнились строки замечательного ленинградского поэта С. Орлова: «Лишь в деле человечьих рук смысл обретает красота». В образной форме они говорят о красоте, которая воплощена в труде, в деятельности, направленной на благо Отечества.

Расцвет многонационального советского искусства был наглядно подтвержден десятками выставок в краях, республиках, в столице нашей Родины. На этих выставках мы вновь и вновь убеждались в том, что в нашей стране сложилось искусство социалистическое по содержанию, многообразное по своим национальным особенностям, по форме и интернационалистское по сути, которое своими успехами обязано вниманию партии.

У нас, ленинградских художников, впереди зональная выставка «Наш современник», а в будущем году Центральный выставочный зал столицы будет предоставлен мастерам изобразительного искусства города на Неве для ретроспективной выставки. Можно не сомневаться, что среди работ, экспонированных на этой выставке, ленинская тема займет достойное место. Работа над великим образом ответственна. Воплощая ленинский образ, мы вспоминаем о событиях тех незабываемых лет, когда жил и творил Владимир Ильич, об исторических преобразованиях, осуществленных в нашей стране по ленинским заветам, вспоминаем ленинские взгляды на искусство, ленинский план монументальной пропаганды.

...В ноябре 1968 года, в день закрытия нашего III Всесоюзного съезда, художники бережно приняли орден Ленина, которым был награжден союз. С той поры прошло более четырех лет. Мы работали много, однако результаты труда художника не всегда сразу видны — между замыслом и воплощением нередко проходят годы поисков, прежде чем приходит радость открытия. И надо трудиться еще больше, чтобы быть сопричастным к большому делу преобразования мира, чтобы наше искусство было необходимо людям, строящим коммунистическое общество.

НА ЗЕМЛЕ УЗБЕКИСТАНА

ФЕРГАНА. Начальник Большого Ферганского канала Усманходжаев Бузрукходжа, первый секретарь Ферганского обкома КП Узбекистана Ф. Ш. Шамсудинов, Камиль Яшен, Нгуен Ван Бонг (Вьетнам), участник борьбы за становление Советской власти в Туркестане Сайдахмед Арибаев

НАВОИ. Газоэлектросварщик химкомбината В. К. Степанков, Иван Прокипчак (ЧССР), Геннадий Семенихин, Звигнев Домино (Польша)

ГОВОРЯТ УЧАСТНИКИ ДНЕЙ СОВЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Олесь ГОНЧАР,
лауреат Ленинской премии

НОВАЯ ЖИЗНЬ ГОЛОДНОЙ СТЕПИ

Я впервые приехал в Голодную степь. То, что мы увидели здесь — гигантские каналы, отлично организованное орошение, крупные совхозы с бескрайними хлопковыми массивами, налаженная жизнь, — не может не радовать. Мне кажется, опыт Голодной степи имеет принципиальное значение для всего нашего народа, для всего человечества. Ведь на нашей планете еще много пустующих земель, и опыт голодностепцев, несомненно, поможет в будущем.

Нам рассказали старожилы этих мест, что было здесь прежде, да и сами мы собственными глазами видели первозданную, покрытую солончаками, не освоенную пока равнину, выжженную солнцем. Вот почему теперь мы, призвав на помощь воображение, можем зримо представить себе, что тут будет через 10—15 лет. А сколько в борьбе за новую жизнь края уже преодолено, какой титанический труд вложен в дело! Это и есть истинный подвиг народа.

Здесь обрело реальные черты великое чувство дружбы, которое связывает народы нашей Родины. Оно воплотилось в новые кварталы, сады, школы, ухоженные поля. Все, что видит здесь поэт, прозаик, достойно воспевания.

Берды КЕРБАБАЕВ,
Герой Социалистического Труда

СЕРДЕЧНЫЙ ПРИВЕТ

Я всегда радуюсь, когда приезжаю сюда — на землю славного Алишера Навои и Хамида Алимджана. В Узбекистане я чувствую себя среди родных, потому что здесь живут мои читатели, мои друзья. Мы живем и трудимся в тесной дружбе, рядом, пьем воду из одной реки — Амударьи. Дружба между туркменским и узбекским народами давняя, крепкая и нерасторжимая, как нерасторжимы узы братства, связывающие все народы нашей большой семьи социалистических наций и народностей.

Нас радуют успехи узбекского народа на ниве науки, культуры, экономики. И я воспринимаю их как успехи своего родного народа, от которого я привез самый сердечный привет участникам Дней советской литературы в Узбекистане — большого праздника на цветущей земле. Мы встречаем его вместе со своими друзьями — писателями из социалистических стран. А дружба представителей литератур разных народов земли — это сильное оружие в борьбе за справедливость и мир.

Нгуен Ван БОНГ
(Вьетнам)

КРАЙ ПРЕКРАСНОГО БУДУЩЕГО

Я в Узбекистане. Но мне кажется, что я дома, потому что в годы нашей борьбы сердца узбекского народа, так же как и всех других народов Советской страны, были с нами. В трудное военное время к нам приезжали узбекские писатели и кинематографисты, чтобы потом рассказать советским людям правду о нашей борьбе. В вузах Ташкента учатся вьетнамские юноши и девушки. Вот почему мы особенно хорошо понимаем, что такое дружба и солидарность.

Я счастлив, что мне довелось побывать у вас в Голодной степи. Мы проехали сотни километров, увидели очень много. И я расскажу своим соотечественникам об этом, когда вернусь на родину. И еще я хочу добавить: Голодная степь — это степь прекрасного будущего вьетнамских полей.

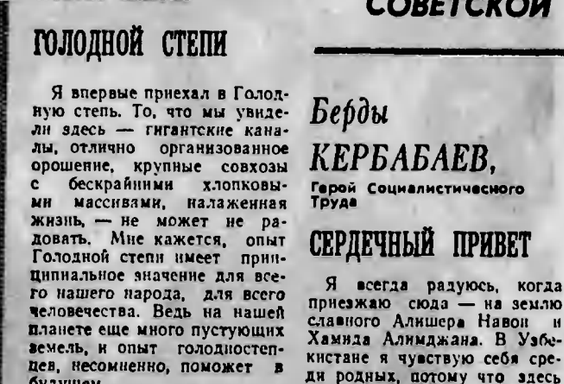
Звигнев ДОМИНО
(Польша)

СКРЕПЛЕННАЯ КРОВЬЮ БРАТЬЕВ

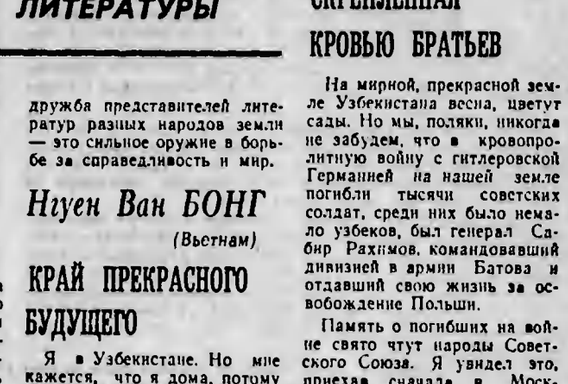
На мирной, прекрасной земле Узбекистана весна, цветут сады. Но мы, поляки, никогда не забудем, что в кровопролитную войну с гитлеровской Германией на нашей земле погибли тысячи советских солдат, среди них было немало узбеков, был генерал Сабир Рахимов, командовавший дивизией в армии Батова и отдавший свою жизнь за освобождение Польши.

Память о погибших на войне свято чтут народы Советского Союза. Я увидел это, приехав сначала в Москву, а потом сюда, в солнечный Узбекистан. Слава погибшим солдатам! Слава народам, борющимся сегодня за мир во всем мире! И в эти дни я понял, как советские люди горды тем, что Л. И. Брежневу присуждена международная Ленинская премия «За укрепление мира между народами». Ведь это признание великих заслуг всей Коммунистической партии.

Я счастлив, что приглашен участвовать в этой интересной поездке по Советскому Узбекистану. Нам, представителям литератур стран социализма, не только предоставлена возможность увидеть своими глазами одну из республик Советского Союза, но и обменяться мнениями по вопросам, касающимся различных сторон нашей жизни, нашего творчества.



Группа писателей на Янгиерском комбинате железобетонных изделий



Римма Казакова и Олесь Гончар среди читателей
Фото специального корреспондента «Литературной газеты» В. ИРОХИНА

В СЕКРЕТАРИАТЕ ПРАВЛЕНИЯ СП РСФСР

БУРЯТИИ ЧЕКАННАЯ СТРОКА...

В Москве закончились Дни литературы и искусства Бурятии, проходившие в связи с пятидесятилетием Бурятской АССР. На расширенном заседании секретариата правления СП РСФСР состоялся большой творческий разговор, посвященный этому событию. Начиная его, секретарь правления СП РСФСР С. Орлов сказал, что литераторы встретились для того, чтобы поговорить о бурятской литературе, о ее успехах, достигнутых за годы Советской власти, о проблемах, которые встают сегодня перед писателями.

Содержательным и ярким было выступление председателя правления СП Бурятии Д. Жалсараева, подробно рассказавшего о грандиозных сдвигах, которые произошли в республике за минувшие полвека.

— Наши писатели — и те, кто закладывал основы бурятской советской литературы, и те, кто работает в ней сегодня, — внесли и вносят достойный вклад в культурное развитие родного народа. В своих произведениях, представляющих все жанры художественной литературы, они отобразили наиболее важные этапы исторического пути бурятского народа, создав тем самым летопись непреходящего значения. Это романы Х. Намсараева «На утренней заре», Ж. Тумунова «Степь проснулась», А. Бальбурова «Поющие стрелы», Ч. Цыдендамбаева «Доржи, сын Банзара», Ш.-С. Бадлуева «Лицо человека», Ц.-Ж. Жимбиева «Степные дороги», пьесы Н. Балдано, Ц. Шагжина, поэмы и стихи Ц. Галсанова, Ц. Номтоева, Ц.-Д. Дондоковой, Н. Дамдинова, Д. Улзытуева, критические работы В. Найдакова и многих других.

Д. Жалсараев особо подчеркнул, что большая заслуга в популяризации лучших произведений национальной прозы и поэзии принадлежит переводчикам Москвы.

Затем выступил главный редактор журнала «Дружба народов» С. Баруздин. Он привел интересные данные: за годы существования журнала в нем было опубликовано 287 произведений бурятских писателей и 317 литературно-критических статей и рецензий на их книги.

Выступившие в прениях единодушно отметили, что современная бурятская проза и поэзия характеризуются глубокой связью с жизнью. Сегодня критики оценивают достижения этой литературы с высоты больших современных требований. О художественных особенностях прозы Ц.-Ж. Жимбиева («Степные дороги», «Год огненной змеи»), Ц. Галанова («Дарима»), М. Жигжитова («Тропа Самагира»), В. Митыпова («Ступени совершенства»), Ц. Шагжина («Материнская правда»), А. Бальбурова («Белый месяц») говорили М. Прилежаева, М. Годенко, С. Шуртаков, Н. Асеев, В. Тендряков, В. Разумневич.

К. Горбунов, П. Проскурин, А. Борщаговский, Ю. Прокушев подвергли детальному анализу трилогию Д. Батожабая «Похищенное счастье», ставшую крупным явлением не только в бурятской, но и во всей нашей многонациональной советской литературе. Этому роману присуще чувство историзма. Он представляет собой оригинальный сплав фольклорного начала с традициями русской и европейской литературы.

Высокой оценки удостоился и роман И. Калашникова «Разрыв-трава». Автору удалось показать сложный исторический период, охватывающий события с конца 20-х годов до послевоенного времени. В романе отображен закономерный процесс перехода крестьянства к коллективным формам хозяйствования, к строительству социалистического общества.

Обзор бурятской поэзии сделал В. Гусев. Он подчеркнул, что главные ее мотивы — это братство народов, уважение к человеку труда, забота о духовном богатстве людей, цельности их характеров, разнообразии и благородстве их внутренней жизни.

В поэзии Бурятии много традиционной народной образности. В ней одинаково сильны эпические и лирические элементы. Это хорошо видно на примере творчества Н. Дамдинова, поэта, широко известного и в других республиках страны.

О произведениях Д. Жалсараева, Д. Улзытуева, Ц.-Д. Дондоковой, В. Петонона, М. Самбуева с чувством глубокой заинтересованности говорили Е. Долматовский, В. Сорокин, С. Липкин, И. Бауков, С. Куняев.

Размышляя о бурятской поэзии, Д. Кугультинов сказал, что он ощущает себя счастливым человеком, ибо видит воочию, что может совершить народ, чьи потенциальные возможности так полно раскрылись за годы Советской власти. Литературу можно сравнить с лесом, в котором растут и высокие, и средние, и маленькие деревья. Но если самое высокое дерево пересадить в пустыню, то лес не вырастет, будет лишь одинокое высокое дерево.

— Я с большой радостью вижу, — продолжал Д. Кугультинов, — что в своих разномасштабных поэтических произведениях бурятские писатели демонстрируют высокую культуру. Чем выше эта культура, тем ближе писатель к народным истокам. Н. Дамдинов, Д. Жалсараев в своем творчестве исходят из истинно народных начал.

А. Симуков посвятил выступление драматургии Ц. Шагжина. Его пьесы отличаются правдивым изображением сложных жизненных ситуаций, гуманистическим пафосом.

А. Овчаренко и З. Османова проанализировали работу бурятских критиков.

Итоги заседания подвел В. Тельпугов, который сказал, что подобные плодотворные обсуждения взаимно обогащают писателей. Отрадно, что они уже стали традицией.

***

18 мая в Центральном Доме литераторов состоялся большой литературный вечер, посвященный 50-летию Бурятской АССР. Вечер открыл председатель правления СП РСФСР Герой Социалистического Труда С. Михалков. Об успехах в развитии экономики и культуры республики рассказал первый секретарь обкома партии Бурятии А. У. Модогоев. На вечере выступили Ц.-Д. Дондонова, М. Самбуев, А. Бальбуров, О. Дмитриев, Ц.-Ж. Жимбиев, Г. Чимитов, И. Калашников, Н. Дамдинов, С. Куняев, В. Патонов, С. Липкин, Д. Жалсараев, Н. Балдано.

ПРИСУЖДЕНИЕ ПРЕМИЙ

Секретариат правления Союза писателей СССР и секретариат правления Союза журналистов СССР приняли постановление о присуждении совместных премий за лучшие литературно-критические работы, анализирующие современный литературный процесс, опубликованные в 1072 году. Эти премии, как известно, были учреждены в минувшем году в соответствии с постановлением пленума правления Союза писателей СССР и являются одной из мер стимулирования и поощрения труда критиков, предпринимаемых в соответствии с постановлением ЦК КПСС «О литературно-художественной критике».

Премии присуждены:

1. **Вучису Альгимантасу Антиетовичу** (Вильнюс) — за статьи «Параллели и пересечения» («Дружба народов», № 11), «Современный роман Прибалтики» (сборник «Единство», издательство «Художественная литература», 1972), «Литературный процесс и критическая мысль» (журнал «Пяргале», № 1), «В ряду первых» (еженедельник «Литература кр мянас», № 39).

Молодой литовский критик А. Бучис знаком всесоюзному читателю по многочисленным выступлениям в периодической печати. Работы критика отличают общественный темперамент, точность эстетических наблюдений. Являясь литовской литературы А. Бучис рассматривает в широком контексте многонациональной советской литературы. Особый интерес вызывает его статья «Параллели и пересечения», в которой критик проводит сопоставление литовской прозы с произведениями писателей Армении, Латвии, Эстонии.

2. **Ломидзе Георгию Иосифовичу** (Москва) — за книгу «Ленинизм и судьбы национальных литератур» (издательство «Современник», 1972), статьи «Творческая окрыленность и братское единение» («Знамя», №№ 11, 12) и «Животворная сила» («Правда», 9 декабря).

Г. Ломидзе — один из авторитетных исследователей многонациональной советской литературы. Единство и многообразие многонациональной литературы, сочетание национального и интернационального — эти вопросы постоянно находятся в центре внимания критика. Книга Г. Ломидзе «Ленинизм и судьбы национальных литератур» приурочена к 50-летию образования СССР и посвящена этому знаменательному событию.

3. **Михайлову Александру Алексеевичу** (Москва) — за статьи «Поэзия и время» (журнал «Коммунист», № 7), «Сибирская мозаика» («Москва», № 10), а также за ряд статей, посвященных молдавской поэзии («Дружба народов», №№ 1 и 4; «Советская Молдавия», 5 февраля).

Статьи и рецензии Ал. Михайлова о современной советской поэзии отличаются широтой обобщений, умением определить закономерности развития литературы. Глубину социального анализа, постановку важных теоретических вопросов Ал. Михайлов сочетает с тонким проникновением в художественный мир автора, с точными наблюдениями об эстетических особенностях поэзии.

4. **Редакции газеты «Молодой коммунар»** (орган Воронежского обкома ВЛКСМ) — за постоянное, глубокое внимание к проблемам литературы, постановку важных вопросов эстетического воспитания молодых читателей, широкое освещение явлений современного литературного процесса.

Авторам газеты — **Абрамову Анатолию Михайловичу, Ласунскому Олегу Григорьевичу.**

Воронежская молодежная газета «Молодой коммунар» (главный редактор В. Чикиров), представленная на соискание премии Центральным Комитетом ВЛКСМ, сумела привлечь и сотрудничеству ведущих писателей, критиков, литературоведов Воронежа и области. Среди наиболее активно и успешно выступающих в газете авторов — литературные критики А. Абрамов и О. Ласунский. В газете регулярно публикуются статьи, рецензии, рассказывающие о новинках отечественной и зарубежной литературы, книгах местных авторов. Редакция совместно с авторским активом постоянно ведет ряд интересных рубрик «Эстетический семинар «Молодого коммунара», «круглые столы» критиков, творческие портреты молодых писателей.

МАЛК: «КРУГЛЫЙ СТОЛ» КРИТИКОВ

22 мая в Москве состоялось заседание исполкома Международной ассоциации литературных критиков (МАЛК) и начал свою работу «круглый стол» МАЛК. Эта представительная встреча, в которой принимают участие видные критики, ученые, писатели Бельгии, Болгарии, Венгрии, ГДР, Дагомеи, Индии, Ирана, Италии, Испании, Кубы, Монголии, Польши, Португалии, Румынии, США, СССР, Турции, Финляндии, Франции, ФРГ, Чехословакии, Швейцарии, Югославии, Японии, проходит в дни, когда сложились предпосылки для создания в Европе прочной системы безопасности, когда происходит поворот от «холодной войны» к разумным совместным усилиям по укреплению мира на земле.

Корреспонденты «ЛГ» обратились к участникам встречи с просьбой высказать свое мнение по поводу проходящей московской встречи, рассказать о задачах МАЛК, о том, как МАЛК способствует делу сотрудничества деятелей культуры и установлению мира в Европе, о роли критики, о своих последних работах. Сегодня мы публикуем ответы Ива ГАНДОНА, президента МАЛК, французского писателя, лауреата премии Французской академии; Ришарда МАТУШЕВСКОГО, вице-президента МАЛК, известного польского критика и переводчика, члена главного правления Союза польских писателей, лауреата Государственной литературной премии; Зейна ал-Абадина РАХНЕМА, вице-президента МАЛК, известного иранского критика и переводчика; Александра МИХАЙЛОВА, вице-президента МАЛК, автора ряда книг, посвященных советской поэзии; Ивана ЦВЕТКОВА, главного редактора болгарского журнала «Родна реч»; Клауса ЯРМАЦА, известного критика, члена правления Союза писателей ГДР.

В следующем номере «ЛГ» мы продолжим публикацию интервью участников встречи в Москве, расскажем о том, как проходили заседания «круглого стола» МАЛК.

Ив ГАНДОН,

президент МАЛИ

(ФРАНЦИЯ)

МАЛК призвана укреплять связи между литературными критиками разных стран, изучать наиболее интересные проблемы критики и повышать ее роль в современном литературном процессе. Наша ассоциация организует встречи критиков на основе, так сказать, профессиональной солидарности, стремясь к взаимопониманию различных литератур.

Цель критики вообще состоит в том, чтобы знакомить людей с динамикой литературного мастерства. Мы стремимся дать читателям правильное представление о литературе, соответствующее традициям гуманизма.

В настоящее время во Франции существуют разные школы литературной критики. Но самые интересные, с моей точки зрения, имена — это Ролан Барт и Жан-Пьер Ришар.

Что касается меня, то из последних своих книг могу назвать «Демона стиля» и «О классическом стиле». Кстати, мне очень приятно, что только что в Москве вышел мой роман «Господин Миракль».

В заключение хочу подчеркнуть, что Международная ассоциация литературных критиков, созданная четыре года назад, надеется, что ее деятельность будет способствовать укреплению мира в Европе и на других континентах. Знакомясь с разнообразными явлениями мировой литературы, читатели разных стран лучше узнают друг друга. Мы думаем, что литературные связи—хороший способ для достижения взаимопонимания и мира между народами. Не случайно, что за четыре года существования нашей ассоциации ее влияние возросло. Сейчас в нее входят уже 30 стран. В этом году мы надеемся принять в ее состав Монголию и Кубу. Число участников МАЛК, несомненно, будет расти и дальше.

Ришард МАТУШЕВСКИЙ,

вице-президент МАЛК

(ПОЛЬША)

Вряд ли нужно говорить о том, как велики роль и задачи критики в наши дни. Необходимость международных творческих контактов литературных критиков, взаимный обмен информацией, поддержка прогрессивного и гуманистического направления в литературе — все это определяет работу МАЛК. Собравшиеся в Москве представители ряда зарубежных литератур будут говорить не только о проблемах творчества, разговор, естественно, выйдет за узкопрофессиональные рамки — это продиктовано состоянием всей международной обстановки в Европе и мире. Литература должна быть непосредственно связана с жизнью, а критика призвана обобщать и направлять творческие поиски писателей. Мне очень приятно, что после многих встреч в очень гостеприимных городах Европы мы наконец собрались в столице Советского Союза — Москве.

Нынешняя встреча, на мой взгляд, несомненно, оправдает возлагаемые на нее надежды. Мы собрались в Москве, и мне кажется, что наша встреча, ее деловая творческая атмосфера самым благоприятным образом скажутся на результатах.

Зейн ал-Абедин РАХНЕМА,

вице-президент МАЛИ

(ИРАН)

Так сложилось, что московское заседание «круглого стола» МАЛК — первое, в котором я принимаю непосредственное участие, хотя я являюсь вице-президентом ассоциации. Разного рода обстоятельства мешали мне присутствовать на сессиях ассоциации, возглавляемой моим большим другом французским писателем Ивом Гандоном. Я очень хотел приехать в Москву — город, где жил великий гуманист, гений добра Лев Толстой, город, который излучает тепло и любовь. Для меня самое важное в человеке и писателе — его душа и сердце. А трагедия современного человека в том, что у него слишком мало души.

Это отражается и в литературе, и в критике. Критика должна обрести право на самостоятельный голос, помнить о той ответственной роли воспитателя и наставника, какую она призвана выполнять, равняться на лучшие образцы прошлого. Порой труды некоторых критиков слишком легковесны, ибо диктуются законами купли-продажи, чуждыми подлинному творчеству. Если нет вдохновения— не может быть ни писательского, ни литературоведческого, ни любого другого творчества. В книге «Пророк», посвященной мусульманскому пророку Мохаммеду, переведенной на многие языки, я размышляю о том, что дает мне силы писать, о том, как обрести в себе и в окружающем мире эти силы.

Мы, критики, порой сетуем на то, что сейчас нет великих писателей масштаба Фирдоуси, Расина, Толстого. Надеюсь, что будущие поколения дадут таких писателей. В своем предисловии к корану, который я перевел с арабского на родной язык, я пишу о том, что молодое, еще неузнанное поколение принесет настоящие плоды. Задача критиков — сделать все возможное, чтобы родился новый Фирдоуси.

Сейчас на европейском континенте происходят важные перемены, свидетельствующие о материальной и духовной силе Советского Союза. Найти общий язык со всеми людьми — мечта каждого здравомыслящего человека. У нашего великого персидского поэта Джалалиддина Руми есть притча о Моисее и пастухе. Он хотел сказать ею, что язык сердца — искренний, чистый, простой — доходчив и понятен всем, он может объединить людей. Нужна только добрая воля.

Советское правительство искренне и честно служит благу своего народа. Оно предоставило ему неограниченные возможности учиться.... Я шел по утренним московским улицам и видел, как люди радуются солнцу и алым тюльпанам. Если бы люди всей земли так же могли радоваться друг другу!

Александр МИХАЙЛОВ,

вице-президент МАЛК

(СССР)

После учредительного конгресса нашей ассоциации в Парме в 1969 году, помимо чисто организационной работы, исполком провел ряд дискуссий за «круглым столом», которые, как мне кажется, способствовали сближению точек зрения критиков по целому ряду актуальных проблем литературного развития. Задача ассоциации — служить сближению литератур разных народов посредством литературной критики.

Естественно, что мы, профессиональные критики, придаем большое значение своей работе. И, как показывает опыт международных встреч (а их проведено довольно много и у нас в стране, и за рубежом), критики помогают выявлять общие закономерности художественного развития, решительно выступают против подмены подлинной литературы ремесленными поделками под нее.

Наша ассоциация с самого начала мыслилась ее организаторами как орган конструктивного сотрудничества людей, представляющих разные взгляды на мир и искусство, но считающих искусство лучшим оружием в борьбе за утверждение гуманистических идеалов.

Сейчас, когда на европейском континенте создалась благоприятная ситуация для упрочения мира, безопасности и сотрудничества, литература может внести весомый вклад в общее дело сохранения устойчивого порядка на земле.

Я думаю, что заседание исполкома МАЛК и дискуссия за «круглым столом» в Москве явятся продолжением и развитием того духа конструктивного сотрудничества, который сложился за эти годы в ассоциации, энергично поддерживается ее президентом г-ном Ивом Гандоном и который позволяет ставить на обсуждение общие для всех актуальные проблемы литературного развития.

Иван ЦВЕТКОВ

(БОЛГАРИЯ)

По моему мнению, деятельность МАЛК носит весьма конструктивный характер. Наши предыдущие встречи дали возможность надеяться, что работа МАЛК окажет положительное влияние на развитие литературного процесса, прежде всего в области взаимного ознакомления и взаимопонимания отдельных литератур. А здесь особенно важна роль критики. Укреплять творческие контакты, больше и лучше знать достижения братских литератур, прогрессивные тенденции в развитии литератур капиталистических стран — вот к чему, на мой взгляд, должны стремиться писатели.

Мастера культуры должны добиваться в своей работе полной победы мирных принципов, нормализации взаимоотношений между народами, свободных от рецидивов «холодной войны». Это основной принцип работы МАЛК, объединяющей людей разных взглядов и национальностей, но единых в главном — стремлении к миру и взаимопониманию.

Московская встреча, несомненно, явится новым этапом в разработке тех принципов, на которых зиждется работа МАЛК, поможет нам лучше узнать друг друга, обменяться опытом.

Клаус ЯРМАЦ

(ГДР)

Основной задачей МАЛК, на мой взгляд, должно быть содействие развитию дружбы народов через литературу, взаимный обмен опытом и более углубленное знакомство читателей с литературами других стран. Я считаю, что ассоциация может и будет играть важную роль не только в деле пропаганды социалистической литературы в капиталистических странах, но и способствовать широкому ознакомлению социалистического общества с прогрессивной литературой капиталистических стран. Это явится важным вкладом в разрядку напряженности, а следовательно, и в распространение идей гуманизма во всем мире. В задачи МАЛК входит также и изучение проблем, встающих перед литературными критиками различных стран, поддержка и помощь в их деятельности, утверждение гуманистического мировоззрения.

Я от всей души приветствую решение созвать наш очередной «круглый стол» именно в Москве. Трудно найти более подходящее место для подобной встречи, страну, где сложилась бы более благоприятная для нее атмосфера. Ведь Советский Союз обладает славными традициями и богатым опытом в деле развития многонациональной литературы и литературной критики, подает благородный пример своей активной борьбой за установление взаимопонимания между народами и упрочение мира в Европе. Я нисколько не сомневаюсь в том, что беседы за московским «круглым столом» обогатят наш опыт, укрепят и разовьют успешное сотрудничество критиков разных стран, окажут нам неоценимую помощь в нашей дальнейшей работе.

Писатель, генерал-лейтенант Н. А. Романов со своими читателями — моряками-пограничниками.

Фото В. СМИРНОВА

28 МАЯ — ДЕНЬ ПОГРАНИЧНИКА

МУЖЕСТВУ ПОСВЯЩАЕТСЯ...

НА РАССВЕТЕ боевой корабль вернулся с моря, с границы, а днем на его палубе состоялся очень важный, как сказал нам командир корабля, разговор моряков-пограничников с писателем генерал-лейтенантом Н. А. Романовым.

Не раз я бывал на читательских конференциях, встречах с литераторами. На такой, признаться, присутствовал впервые. И гость, и хозяева корабля — крепкие, лихие парни в бескозырках, — несмотря на различие в воинских званиях, принадлежали к одному боевому племени: все они — пограничники! У всех была, есть и остается одна служба, одна главная забота, одно самое важное в жизни боевое дело — охрана границ. И то, что литературный «коллоквиум» проходил в море, всего в нескольких километрах от государственного рубежа, — все это свидетельствовало о том, что здесь литературу не просто любят, она стала частью жизни стражей морской границы.

— Что вас заставило взяться за перо, товарищ генерал? — несколько неожиданным вопросом начал разговор матрос Конов.

— Заставило? Так, пожалуй, сказать нельзя, — отвечал писатель. — Давно, еще в молодости ощутил в себе эту глубокую потребность... Еще в Московском артиллерийском училище, куда я поступил учиться, начал писать стихи. Однажды мне даже выпала честь прочитать свое стихотворение в присутствии Горького. Он вернулся из Италии в Москву — и в зале ЦДКА происходила торжественная встреча с великим писателем. Я так увлекся, что даже не заметил, как Алексей Максимович подошел, положил руку на мое плечо... Тридцать пять лет я был в строю — кадровым командиром и политработником, был начальником Политуправления пограничных войск страны. Вот так жизнь шла, я служил и, признаюсь, втайне продолжал писать...

— Теперь вы, кажется, в отставке, а пишете о пограничниках... Интересно узнать, откуда вы берете героев своих романов? — спросил старшина первой статьи Петрайтис.

— Я написал пока три книги...

— Знаем, знаем, товарищ генерал, — заметил кто-то «из зала». — Ваши повесть «Встреча с границей», романы «Граница — рядом» и «Материнское дыхание» мы все читали и даже обсуждали...

— Благодарю вас, товарищи, за внимание, — продолжал немного смущенный автор. — Так вот, я тоже не один год был пограничником — это во-первых. Во-вторых, я уверен, что ничего нельзя написать всерьез, не пережив все самому. Героев своих книг нужно хорошо знать, а это, быть может, важнее, чем просто любить их. И вообще литературного героя, по-моему, очень трудно выдумать, сконструировать, сочинить — и особенно такого непростого, каким является пограничник...

— Не задумали ли вы сейчас, товарищ генерал, что-то новое? Может быть, теперь о нас напишете? — выражая мнение своих товарищей, сказал матрос Дюжаков.

— Несколько лет я работаю над новой книгой, но, увы, не о моряках, ведь я сухопутный человек. Роман «После отбоя» расскажет о том, как две тысячи пограничников, закончив службу, приехали в сибирский город строить алюминиевый комбинат. Между прочим, в процессе работы над этим романом мне пришлось засесть за основы строительного дела и цветной металлургии... Некоторые из вас скоро закончат службу на границе. Позвольте полюбопытствовать — каким делом вы займетесь после того, как расстанетесь с боевым кораблем?

...Минули две недели после этой беседы на одном из участков нашей южной морской границы. Мы встретились с Николаем Александровичем в Москве. Оказывается, тогда, после беседы на боевом корабле, он совершил небольшое путешествие по местам своей былой службы — был на знакомых заставах, в горах и долинах, и живые воспоминания сейчас волновали его.

Мы продолжаем тот начавшийся с моряками разговор о высоком долге пограничника, особом «микроклимате» его бессонной службы, о том, что солдат на границе чаще всего несет службу в дозоре один или с товарищем, и поэтому все здесь зависит от его личной сметки и решительности... Николай Александрович давно занимается психологией пограничной службы, — таковая, несомненно, существует! — это было необходимо для лучшей организации политической работы в войсках, а сейчас очень помогает писателю.

Но как произошел тот крутой и, скажем прямо, необычный поворот в жизни генерала, поворот в сторону профессиональной литературной работы, где и как началась его писательская тропа? Книги его обрели широкого читателя. «Граница — рядом» была отмечена литературной премией Министерства обороны СССР. Пограничники увидели себя в этих суровых, правдивых произведениях, получивших, кстати, и высокую профессиональную оценку на недавнем Всесоюзном совещании по художественной литературе о пограничниках в Батуми. И все-таки, как же началась его литературная судьба?

— Трудно сказать, но, видимо, я давно двигался к ней, к этой тропе... Мне довелось написать много статей для газет и журналов — публицистика очень важна в политработе. В журнале «Пограничник» я напечатал «Записки политработника». Потом сочинил пьесу, написал повесть «Близнецы». И все же всерьез я взялся за перо в пятьдесят пять лет. Говорят, поздновато. Не знаю, не думаю... Вторую часть жизни хочу посвятить только литературе.

— Вы всегда пишете, как я заметил, только о границе и пограничниках...

— Да, только! И это не связано с самоограничением. Нет, дело в ином. Граница, охрана рубежей нашей Родины — большой и сложный мир, который требует от воина мужества. Советская литература за полвека посвятила воинам границы много великолепных произведений. Я не стану их здесь называть — они у всех на памяти. Но, к сожалению, в последнее время появляются и книги, в которых приключенчество оттесняет на задний план человека — солдата, пограничника. В этих книгах есть поиск, погоня, стрельба, но почти нет тех, кто делает трудную боевую работу — охраняет границу... А меня прежде всего волнуют и увлекают они, наши люди, их боевая жизнь, их радости, испытания, тревоги и надежды. Сколько в наших пограничных войсках служило и служит умных, смелых, образованных людей...

...Слушая писателя, я думал о том, что в библиотеках погранотрядов его книги заслуженно пользуются постоянным вниманием читателей, и вспоминал читательскую конференцию на корабле, в конце которой один из пограничников сказал романисту:

— Позвольте пожелать вам, товарищ генерал, творческих успехов. И все-таки нам очень приятно, что вы тоже пограничник, так сказать, зеленые погоны...

Н. МАР

ПОЗДРАВЛЯЕМ ЮБИЛЯРА

В. Б. АЗАРОВУ — 60 лет

В связи с 60-летием со дня рождения Всеволода Борисовича Азарова секретариат правления Союза писателей СССР и Комиссия по военно-художественной литературе правления Союза писателей СССР направили юбиляру приветствие, в котором говорится:

«Сердечно поздравляем Вас, широко известного поэта, прозаика, драматурга, с Вашим боевым 60-летием.

Более сорока лет служите Вы своим талантливым пером нашей Родине, нашему Военно-Морскому Флоту. Ваши поэтические сборники «Крутая волна», «У двух морей», «Вечный огонь», «Свет маяка», «Голоса моря», «Океанский проспект», «Поздний мед», «На Марсовом поле», «Солнце и море» стали любимыми книгами моряков и нашей молодежи. Героическая комедия «Раскинулось море широко», написанная Вами совместно с В. Вишневским и А. Кроном, воскрешает прошлые мужественные подвиги моряков.

Ваши документальные повести рисуют бесстрашие советских моряков в борьбе с фашизмом.

Активный участник Великой Отечественной войны, Вы все 900 блокадных дней с честью выполняли свой писательский долг в героическом Ленинграде.

Сейчас, в дни мирной жизни, Вы ведете большую общественную работу по военно-патриотическому воспитанию молодежи. На военно-морских базах, в портах, на боевых кораблях, в воинских частях, школах Вас встречают как любимого писателя.

Мы желаем Вам еще много смелых, ярких рейсов в поэзию, здоровья, счастья в личной жизни, дальнейших успехов в творческой работе».

Поздравил юбиляра также секретариат правления Союза писателей РСФСР.

■

Всеволоду Борисовичу Азарову 60 лет, из которых четыре десятилетия были отданы плодотворному литературному труду. Человек широкого, любознательного ума и острой наблюдательности, он всецело посвятил себя лирическому отображению советской действительности, ее великих завоеваний. Круг его творческих интересов необычайно разнообразен. Книги, выпущенные им, многочисленны. Это и стихотворные сборники, и баллетризованные очерки, и повести о героях Великой Отечественной войны, и сюжетные биографии — портреты выдающихся людей советской науки и искусства.

Всеволод Азаров родился в Одессе, и его юные годы прошли под плодотворным влиянием морской романтики и революционных воспоминаний старшего поколения.

Море — главная творческая тема Вс. Азарова. Наше военное море и его мужественные люди. В дни одесской юности оно было окутано для него дымкой романтики. В годы Отечественной войны он как флотский корреспондент работал в писательской бригаде Всеволода Вишневского, о котором впоследствии написал книгу, согретую чувством дружбы и боевого товарищества.

К дню своего 60-летия и 40-летия литературного труда В. Б. Азаров — на крутой волне творческих достижений. Впереди — новые книги, новые замыслы. Можно быть уверенным, что при удивительной трудоспособности поэта, вдохновляющегося высокой гражданственностью, он еще подарит читателям много интересного и идейно значительного.

Вс. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ

**

«Литературная газета» присоединяется к этим теплым поздравлениям.

УКАЗ
ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

О награждении писателя Садретдинова М. Х. орденом «Знак Почета»

За заслуги в области советской литературы и в связи с шестидесятилетием со дня рождения наградить писателя Садретдинова Мухамеда Хабибулловича орденом «Знак Почета».

Председатель Президиума Верховного Совета СССР
Н. ПОДГОРНЫЙ.
Секретарь Президиума Верховного Совета СССР
М. ГЕОРГАДЗЕ.

МОСКВА, КРЕМЛЬ.
18 мая 1973 г.

УКАЗ
ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

О награждении писателя Тлюстена Ю. И. орденом «Знак Почета»

За заслуги в области советской литературы и в связи с шестидесятилетием со дня рождения наградить писателя Тлюстена Юсуфа Ибрагимовича орденом «Знак Почета».

Председатель Президиума Верховного Совета СССР
Н. ПОДГОРНЫЙ.
Секретарь Президиума Верховного Совета СССР
М. ГЕОРГАДЗЕ.

МОСКВА, КРЕМЛЬ.
18 мая 1973 г.

ХРОНИКА

«Писатель и пятилетка» — этому вопросу был посвящен состоявшийся в Алма-Ате пленум правления Союза писателей Казахстана. Первый секретарь правления А. Алимжанов, литературовед, член-корреспондент АН Казахской ССР М. Каратаев, поэт О. Сулейменов и другие выступавшие говорили об активной роли литераторов как пропагандистов трудового героизма рабочих, колхозников, интеллигенции.

Пленум направил приветствие Генеральному секретарю ЦК КПСС товарищу Л. И. Брежневу в связи с присуждением ему международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами».

■

На днях состоялось партийное собрание писателей Грузии. С докладом об итогах февральского (1973 г.) Пленума ЦК КП Грузии и задачах литераторов республики выступил первый секретарь правления Союза писателей Грузинской ССР Г. Абашидзе. О многих актуальных вопросах общественной и творческой жизни говорили в своих выступлениях З. Маградзе, Д. Шенгелая, Р. Джапаридзе, Г. Донгашвили, Н. Цулейскири, Х. Берулава, В. Канделаки, М. Мачавариани, Г. Мерквиладзе, О. Челидзе.

На собрании с большой речью выступил первый секретарь ЦК КП Грузии Э. А. Шеварднадзе.

■

На родине великого пролетарского писателя прошли традиционные Горьковские чтения. Главная тема нынешнего форума литературоведов и писателей — «А. М. Горький и литература народов СССР».

В старинном волжском городе собрались филологи России, Украины, Белоруссии, Грузии, Молдавии, Туркмении, Литвы, Латвии и других союзных республик, видные советские писатели.

Участники чтений заслушали свыше 20 докладов и сообщений. Состоялись многочисленные встречи литературоведов и писателей с трудящимися и студенческой молодежью города.

■

Один из зачинателей советской поэзии, Демьян Бедный снискал своим творчеством большую популярность. Его произведения, пронизанные пафосом социалистической революции, издавались тиражом почти двенадцать миллионов экземпляров.

17 мая в Центральном Доме литераторов имени А. А. Фадеева состоялся вечер, посвященный 90-летию со дня рождения выдающегося поэта.

— Демьян Бедный, — сказал, открывая вечер, Сергей Васильев, — был воинствующим публицистом, остроумным баснописцем, автором многих широко известных стихов и поэм, воспевающих новую жизнь. Своим самобытным талантом, всем творчеством он служил утверждению идеалов революции.

На вечере выступили писатели, деятели культуры и искусства.

О жизненном и творческом пути Д. Бедного рассказывают экспонаты выставки, открывшейся в фойе Центрального Дома литераторов.

■

Через Кабоцу шла
Она, прорвав дорога жизни,
фашистскую блокаду,
Соединила сердце Ленинграда
С родной Москвой,
с Советскою Отчизной.

Эти строки, принадлежащие перу замечательного советского поэта Александра Прокофьева, ныне высечены на каменной стеле, установленной в центре старинного ладожского села. На днях здесь, на родине поэта, собрались многочисленные читатели, ленинградские писатели, сотрудники Института русской литературы АН СССР (Пушкинский дом).

В местной школе, где некогда учился А. Прокофьев, состоялось открытие экспозиции мемориальной комнаты-музея, любовно подготовленной научными работниками Пушкинского дома. На стендах — в стихах, фотографиях, редких изданиях книг — представлен путь поэта, тесно связанный с жизнью нашей страны.

На торжественном открытии музея выступили секретарь правления Ленинградской писательской организации А. Чепуров, заведующий музеем Пушкинского дома А. Хватов, М. Комиссарова, В. Бахтин, А. Минчковский, директор Ленинградского отделения издательства «Советский писатель» Г. Кондрашов, сестра поэта Анастасия Андреевна. Писатели передали в дар учащимся книги для школьной библиотеки.

ИНТЕРВЬЮ «ЛГ»

ПЕРВЫЙ ВЫПУСК СТУДИИ МОЛОДЫХ

В течение двух лет занимались молодые прозаики, поэты, драматурги в Литературной студии, организованной Московским городским комитетом комсомола и правлением писательской организации столицы.

На днях в Центральном Доме литераторов имени А. А. Фадеева состоялся вечер, посвященный первому выпуску. На вечере студийцам были вручены памятные свидетельства.

Корреспондент «ЛГ» обратился к первому секретарю МГК ВЛКСМ Сергею Купрееву и к секретарю правления Московской писательской организации Александру Рекемчуку с просьбой рассказать, как проходила учеба молодых литераторов.

А. РЕКЕМЧУК. Вначале несколько слов о появлении этой студии «на свет». Всем известно, какое огромное значение имеют совещания молодых литераторов — и всесоюзные, и московские... Но интервал между этими совещаниями слишком велик: как правило, четыре, а то и пять лет. Получалось, что мы не всегда могли, как говорится, держать руку на пульсе молодых, не всегда были в курсе их творческих дел. Словом, отсутствовала постоянная, стабильная связь с ними. Чтобы ликвидировать это «белое пятно», мы и создали Литературную студию...

С. КУПРЕЕВ. Желающих поступить насчитывалось довольно много — более четырехсот человек. И это были не школьники-десятиклассники, жаждущие литературной славы, а люди, прошедшие серьезную школу жизни. Многие из них уже имели высшее образование, у других за плечами — работа на производстве. Был прочитан цикл лекций по вопросам литературного мастерства, на занятиях выступали многие известные поэты и прозаики — Константин Симонов, Сергей Наровчатов, Вениамин Каверин, Евгений Евтушенко, Давид Самойлов, Андрей Вознесенский и другие.

А. РЕКЕМЧУК. Студийцы занимались в семи семинарах: в двух прозаических, трех поэтических и двух драматургических. Руководили ими и широко известные, и молодые писатели: А. Арбузов, С. Антонов, Б. Слуцкий, Е. Винокуров, Ю. Трифонов, Н. Воронов, Б. Можаев, В. Амлинский, В. Огнев, А. Михайлов, В. Цыбин, В. Синорский, Л. Кривенно, В. Соловьев, А. Зак, А. Кузнецов, Т. Глушкова. Возглавлял творческий совет студии критик Е. Сидоров.

За два года работы несколько человек были переведены, так сказать, из «учеников в мастера» — их приняли в Союз писателей. И вообще хотелось бы отметить довольно высокий профессиональный уровень молодых прозаиков, поэтов, драматургов — наших выпускников.

С. КУПРЕЕВ. Несколько студийцев дебютировали в центральных газетах и журналах со своими произведениями. У некоторых «на счету» — поставленные в театрах пьесы... В процессе учебы мы старались ориентировать студийцев вот на что. У нас еще мало книг, посвященных молодым рабочим и воинам, мало книг, рассказывающих и о нашей замечательной столице. Неплохо было бы увеличить их число. Из произведений наших выпускников мы составили сборник «Садовое кольцо», который выйдет в издательстве «Московский рабочий». Сами же литераторы скоро поедут на ударные стройки пятилетки по путевкам ЦК ВЛКСМ.

В ближайшее время будет объявлен новый конкурсный набор в Литературную студию. Начало занятий — осенью нынешнего года.

Навстречу 70-летию II съезда РСДРП

16 мая в Центральном Доме литераторов имени А. А. Фадеева состоялся вечер «Образ коммуниста в литературе и искусстве». Вечер был посвящен знаменательной дате — 70-летию со дня открытия II съезда РСДРП.

— Советская литература и искусство во многих произведениях правдиво и глубоко отразили роль партии, Владимира Ильича Ленина в борьбе за победу Великой Октябрьской социалистической революции, за построение социализма в нашей стране, — сказал, открывая вечер, секретарь правления Союза писателей СССР В. Озеров.

Выступившая затем М. Прилежаева прочла главу из книги «Жизнь Ленина», посвященную участию вождя в работе II съезда РСДРП, а В. Казин прочел отрывок из поэмы «Великий почин». Со своими стихами выступили также А. Межиров и М. Лисянский.

Присутствовавшие на вечере с интересом слушали рассказы народной артистки СССР В. Марецкой о ее работе над образом Александры Соколовой — героини кинофильма «Член правительства» — и народного артиста РСФСР П. Чернова, создавшего образ Семена Давыдова в кинокартине «Поднятая целина».

А. Борщаговский сообщил о том, как он разыскивал материалы о замечательном большевике-ленинце Иване Васильевиче Бабушкине.

Выступление В. Тельпугова было посвящено созданию образов коммунистов — участников Великой Отечественной войны.

А. Салынский рассказал о том, как он работал над образами коммунистов в пьесе «Марина» и других.

КРИТИКА: ОПЫТ, ПРОБЛЕМЫ, ЗАДАЧИ

ОТВЕЧАТЬ ТРЕБОВАНИЯМ ВРЕМЕНИ

Бесо ЖГЕНТИ

Статья видного грузинского критика Бесо Жгенти «Отвечать требованиям времени», опубликованная недавно на страницах республиканской газеты «Заря Востока», перепечатывается нами с небольшими сокращениями. Принципиальный и содержательный анализ работы критико-библиографических отделов литературной периодики Грузии, сделанный автором статьи в свете постановления ЦК КПСС «О литературно-художественной критике», представляет, на наш взгляд, интерес для широкой литературной общественности и читателей.

Более года прошло после принятия постановления ЦК КПСС «О литературно-художественной критике». Этот важнейший партийный документ вызвал оживление литературно-критической мысли во всей нашей стране. На страницах центральных и республиканских органов печати, специальных литературно-художественных журналов и газет за минувший период появилось немало серьезных, содержательных, профессионально - квалифицированных работ, свидетельствующих о том, что большинство наших критиков и литературоведов правильно поняли и трезво оценили высокие требования, предъявляемые к ним партией и народом.

«Долг критики, — подчеркивалось в постановлении ЦК КПСС, — глубоко анализировать явления, тенденции и закономерности современного художественного процесса, всемерно содействовать укреплению ленинских принципов партийности и народности, бороться за высокий идейно-эстетический уровень советского искусства, последовательно выступать против буржуазной идеологии».

Такое определение долга и назначения критики полностью соответствует духу XXIV съезда партии, с трибуны которого с предельной ясностью и полнотой было сказано о серьезных недостатках нашей литературно-художественной критики.

Знакомясь с последними номерами целого ряда союзных литературно-художественных журналов, литературной периодики братских республик, приходишь к выводу, что время осмысления и обсуждения задач нашей критики, путей и способов преодоления ее недостатков в основном уже миновало, наступила полоса плодотворной, позитивной, весьма трудоемкой, но столь же благодарной работы в этой области.

Очевидным симптомом обновления и оздоровления обстановки в области критики и литературоведения в нашей республике стал выход в свет первых двух номеров альманаха «Критика». За всю историю грузинской литературы и печати впервые появилось периодическое издание, всецело посвященное литературной критике и литературоведению, призванное глубоко и последовательно с позиций марксистско-ленинской эстетики анализировать явления живого литературного процесса, бескомпромиссно бороться за повышение идейного и художественного уровня нашей литературы.

В редакционной статье первого номера альманаха «Критика» изложены и аргументированы задачи, стоящие перед этим изданием. Статья пронизана духом постановления ЦК КПСС «О литературно - художественной критике», стремлением осмыслить всю проблематику современной литературной критики в свете основополагающих принципов марксистско-ленинской эстетики, теории социалистического реализма.

Несмотря на ограниченный объем альманаха, редакции удалось опубликовать в первых же его книгах статьи теоретического характера, жанровые и тематические литературные обзоры, развернутые рецензии на отдельные новые произведения, литературные портреты, полемические выступления и т. д.

Из статей теоретического характера, опубликованных в альманахе, в первую очередь привлекают внимание своей актуальностью работа Г. Ломидзе «Новая историческая общность людей и литература социалистического реализма», статья профессора М. Дудучава «О своеобразии познавательной сущности художественного творчества», посвященная гносеологическим проблемам социалистического реализма, и др.

Подавляющее большинство опубликованных в альманахе материалов посвящено проблемам современной литературы, новым произведениям грузинских писателей. Хочется отметить мастерски написанную обзорную статью талантливого критика А. Бакрадзе «Разве драматургия падчерица литературы?». Автор подвергает строгому критическому разбору пьесы, напечатанные в журнале «Сабчота хеловнеба», убедительно вскрывает искусственность сюжетных ситуаций и схематичность образов персонажей в пьесе Л. Милорава, надуманность сюжетной основы пьесы Л. Саникидзе, некоторые недозволенные отступления от исторической правды в пьесе А. Гецадзе. Эти суждения критика правильны и справедливы. Однако читатель, знакомый с современной грузинской драматургией и театром, не может согласиться с высказыванием автора во вступительной части этой умной и хорошей статьи. Приступая к разбору пьес, опубликованных в журнале «Сабчота хеловнеба» за 1971 год, А. Бакрадзе пишет: «Большинство этих пьес слабы, но они все же дают возможность составить представление о сегодняшнем состоянии грузинской драматургии». С этим, разумеется, нельзя согласиться. Судить о современной грузинской драматургии следует как раз не по тем пьесам, о которых идет речь в статье А. Бакрадзе, а по многим другим, которые с успехом ставятся в лучших театрах Грузии, Москвы, Ленинграда, столиц ряда братских республик, многих городов нашей необъятной страны. Это «Не тревожься, мама!» и «Обвинительное заключение» Н. Думбадзе, «Пока арба не перевернулась» О. Иоселиани, «Святые в аду» А. Гецадзе, «Непрошеный гость» и «Забытая история» Т. Чиладзе, «Судья» Г. Хухашвили, «Мост» А. Чханидзе и другие.

Интересно анализирует Г. Хухашвили рассказы и новеллы, опубликованные в 1971 году в журнале «Цискари». Но мы не можем окончательно судить об этом обзоре, так как пока опубликована только первая его часть. Таким образом, полное представление о предмете статьи мы получим с опозданием на два года. Не является ли это еще одним подтверждением «отставания критики»?

За последнее время на страницах грузинской литературной периодики появился ряд имен молодых талантливых критиков. Это — Д. Гвинджилия, Д. Титмерия, С. Сигуа, Т. Цивцивадзе, Л. Алимонакли. Своими острыми, свежими, квалифицированными критическими выступлениями они привлекли внимание широких кругов читателей. Особенно радует справедливая строгость их критических суждений. Обидно только, что в большинстве случаев свой наступательный пафос они проявляют лишь по отношению к начинающим писателям, избегая критиковать именитых литераторов. А в литературной критике суждение только тогда может быть ценным и убедительным, когда оно делается «невзирая на лица». Хочется, чтобы молодые критики усвоили эту истину в самом же начале своей литературной деятельности.

К числу положительных фактов истекшего литературного года следует отнести создание постоянно действующей группы критиков в Институте истории грузинской литературы имени Ш. Руставели. Эта группа систематически проводит публичные обсуждения важнейших проблем современного литературного процесса, и резонанс от ее деятельности выходит далеко за рамки института. Активнее стали участвовать в «текущей» литературной жизни ученые-филологи, работающие в Тбилисском государственном университете и других вузах республики. Внимательнее стал заниматься вопросами литературной критики и Союз писателей Грузии.

Но все это далеко еще не означает, что произошла существенная перестройка нашей литературной критики, которой требует постановление ЦК КПСС. В журналах «Мнатоби», «Цискари», «Литературная Грузия» почти полностью исчезли отделы библиографии. В течение года во всех этих изданиях едва ли можно было встретить 3—4 отзыва на новые произведения грузинской литературы. Нередко номера журналов выходят без литературно - критических статей по вопросам современной грузинской литературы. Если просмотреть комплект журнала «Мнатоби» за 1972 год, то в №№ 2, 3, 7, 8, 11 вы не найдете ни одной литературно-критической статьи. То же самое можно сказать о втором и третьем номерах этого журнала за нынешний год.

Отсутствуют литературно-критические материалы и во многих номерах журнала «Цискари». Выходящий на русском языке журнал «Литературная Грузия», как это не раз отмечалось в центральной прессе, чрезмерно увлекается изысканиями в области теории литературы в ущерб статьям о сегодняшнем состоянии грузинской литературы. Литературно - критический отдел журнала ведется небрежно, в результате чего зачастую допускаются досадные ошибки.

Все еще не стала трибуной принципиальной, боевой критики газета «Литературули Сакартвело». Ее литературно - критические выступления преимущественно сводятся к высказываниям поэтов о поэтах. Их авторы, как правило, восхваляют друг друга в восторженно - комплиментарных интонациях. К сожалению, в полной мере применимы к грузинской литературной жизни слова из постановления ЦК КПСС «О литературно-художественной критике»: «До сих пор в критике проявляются примиренческое отношение к идейному и художественному браку, субъективизм, приятельские и групповые пристрастия».

Встречаются и у нас случаи деления писателей на «своих» и «чужих», проявления вкусовщины, игнорирование общественного мнения, объективных критериев в истолковании художественных ценностей. Несправедливым и незаслуженным выпадом против писателя прозвучала, например, статья одного из самых активных и квалифицированных наших критиков Г. Гвердцители «Новый горизонт или старый». В ней автор подверг уничтожающему разносу трехтомный роман Ладо Авалиани «Новый горизонт», над которым в продолжение многих лет упорно и добросовестно работал талантливый и умный мастер прозы. Эта книга давно снискала в широких читательских кругах славу как одно из значительных произведений грузинской литературы о жизни рабочего класса. Роман Л. Авалиани имеет отдельные недостатки в области композиции, стилистики, психологической мотивировки некоторых ситуаций. Критик, разумеется, не только имеет право, но и обязан заметить и разъяснить подобные просчеты художника. Но, анализируя полезное и нужное произведение, он обязан соблюдать дружеский и доброжелательный тон.

Говоря о литературной критике последних лет, нельзя обойти молчанием статьи Г. Натрошвили «Слово и земля», Г. Джибладзе «Дни и стихи Ладо Асатиани», Г. Вардосанидзе «О романе Н. Думбадзе «Не тревожься, мама!», Т. Чиладзе «Традиция и время», А. Топурия «Критический пафос и позиция писателя», Р. Мишveладзе «О поэмах Галактиона Табидзе» и др.

Интересные наблюдения и оригинальные обобщения содержит также во многом спорная монография Р. Тварадзе «Легенда о жизни Галактиона», напечатанная в «Цискари» в прошлом году.

Да, за истекший период грузинские критики не сидели сложа руки, однако в свете требований сегодняшнего дня сделано еще недостаточно.

Программа нашей работы с предельной четкостью указана в постановлении ЦК КПСС «О литературно-художественной критике».

ТБИЛИСИ

ХУДОЖНИК И КНИГА

Иллюстрации художника П. Пинкисевича к роману А. Головко «Артем Гармаш». Издательство «Советский писатель»

СРЕДИ КНИГ И ЖУРНАЛОВ

ЗАМЕТКИ ПИСАТЕЛЯ

ПРИШЕДШИЕ ИЗ ТЬМЫ

Микола ЗАРУДНЫЙ

Есть на Волыни, в Ратнинском районе, село Кортелисы. Через тихие леса ведет к нему добротная звонкая дорога. Уже на околице встречают вас приветливые домики с раскрашенными ставнями и нежные березки. В центре села — светлое здание школы, общежития, Дом культуры, лесничество, магазины, сельсовет...

...Кортелисская трагедия. Она разыгралась во время войны, когда в село ворвались фашистские карательные отряды и уничтожили его. Около трех тысяч человек было расстреляно под шум моторов грузовиков, детей бросали в криницы, стариков и женщин — в пылающие хаты... В живых осталось случайно только несколько человек. Они поведали миру о страшном злодеянии...

Карателями были оуновцы (члены организации украинских националистов) Лугинского, которые верой и правдой служили фашистам. Каратели сделали свое черное дело — от Кортелис не осталось и следа на земле. Люди обходили это место стороной, селились на хуторках вдалеке. Но вот вернулись фронтовики, возвратились партизаны в родные места и решили: быть Кортелисам, ибо непобедим дух свободного народа.

И поднялись из пепла Кортелисы. Правительство Советской Украины приняло специальное постановление о строительстве нового села, были выделены средства и строительные материалы, приехали архитекторы и художники. Так началась новая история Кортелис, села, ставшего символом правды нашей жизни, непобедимости советского строя, который принес на земли Западной Украины свободу, дружбу и счастье. На глазах меняется Советская Волынь, край задумчивых лесов и синих озер, выросли новые шахты, заводы, богатеют колхозы, но обелиски напоминают о войне, о тех, кто погиб в боях за Родину на фронте, в партизанских отрядах, о тех, кто пал от рук проклятых народом бандеровцев, строя новую жизнь...

Все это вспоминалось мне, когда я прочел роман Аркадия Первенцева «Секретный фронт». О кортелисской трагедии рассказывает в книге секретарь Богатинского райкома партии Павел Иванович Ткаченко.

Образ Ткаченко — один из интереснейших в романе Аркадия Первенцева. В нем как бы собраны лучшие черты партийных работников — скромных тружеников мирного фронта, организаторов новой, советской жизни в освобожденных областях Украины. Ткаченко умеет найти путь к душам людей, убедить их, открыть глаза многим, вышедшим из тьмы. Ярко выписана в романе и комсомолка Устя — бесстрашный вожак добровольной дружины самообороны. Трогательна и чиста ее любовь к Георгию Кутаю — лейтенанту-пограничнику, смелому чекисту.

Аркадий Первенцев, располагая богатым фактическим материалом, сумел отобрать из него самое главное. В произведении живут и действуют живые люди. Писатель находит краски, запоминающиеся детали, точную речевую характеристику для своих героев. Лирические отступления соседствуют в романе с острой сатирой — автор беспощаден в изображении врагов. Очень убедительными получились представители оуновской верхушки, обосновавшиеся в Западной Германии, и исполнители их черной воли — убежденный «идейный» националист Стецко и матерые «лесные волки», убийцы и предатели Очерет, Бугай, Гнида, любовница куренного Катерина, начальник школы Лунь и заплечных дел мастер Капут.

Писатель прослеживает путь этих предателей украинского народа, поднявших руку на его свободу, на великую дружбу народов нашей страны.

«Наша власть должна быть страшной!» — бросил изуверский лозунг выкормыш фашистской разведки Степан Бандера, и оуновцы на советской земле лезли из кожи, чтобы выполнить приказ этого обер-бандита: вырезали семьи активистов, организаторов колхозов, из-за угла убивали партийных работников, комсомольцев. Предчувствуя свой крах, они шли на все, эти пришельцы из тьмы.

Кольцо сужалось, хотя не было линии фронта. Был фронт секретный, и он проходил через души людей. Разрозненные банды еще нападали на отдельные села, выходили темными ночами «на акцию», но с каждым днем им приходилось все труднее, ибо против них действовали не только отряды пограничников и наши славные чекисты — против них поднялся народ. Аркадий Первенцев красной нитью провел через всю книгу тему единения армии и народа. Генерал Дудник, капитан Галайда, пограничники Кутай, Денисов, Сушняк, майор Муравьев и их боевые товарищи достойно представили в романе солдат Советской страны, защитников завоеваний народа. Они не только храбрые воины — со страниц романа они предстают умными политиками, интернационалистами, воспитателями отсталой части населения. Это с помощью наших чекистов выходит на светлую дорогу оуновец Ухналь, далеко не безгрешный, но слепой исполнитель воли бандеровских вожаков. Труден путь Ухналя к честной жизни, но он его прошел. В романе запоминаются яркие страницы, повествующие о встрече Ухналя с секретарем райкома, во время которой Ткаченко впервые назвал его Петром Шамраем — настоящим именем.

Роман Аркадия Первенцева — остросюжетный, многоплановый, писатель не соблазнился возможностями приключенческого жанра, от этого произведение только выиграло глубиной изображения событий и характеров. Наверное, наша критика более подробно и детально разберется в достоинствах и недостатках романа Аркадия Первенцева. Мне же хотелось бы, в частности, отметить некоторую перегруженность произведения «украинизмами»: это в отдельных главах затрудняет чтение.

Аркадий Первенцев написал роман политически острый, идейно направленный, он раскрыл причины, истоки буржуазного национализма. В те, уже далекие теперь, годы бандеровцы хотели мечом и огнем убить свободу украинского народа, оторвать его от единой семьи братских народов Советского Союза и кинуть его судьбу в руки иноземных поработителей. Не вышло! Наш народ смел предателей со своего пути и в едином строю с народами-братьями, спаянный ленинской дружбой, идет к новым победам великого дела партии. И хотя еще сейчас мы слышим из-за кордонов злобный вой недобитых бандеровцев, хотя они и сейчас наполняют эфир мутными волнами националистической пропаганды — черные их замыслы обречены на провал. Нет такой силы, что пошатнула бы дружбу советских народов. И не будет! Этой высокой идеей и пронизан новый роман Аркадия Первенцева «Секретный фронт».

КИЕВ

А. Первенцев. «Секретный фронт». Роман. Воениздат, 1972.

АНФАС И В ПРОФИЛЬ

Генрих ГОФМАН

Мустай КАРИМ

Юлий ЧЕПУРИН

ДРУЖЕСКИЕ ШАРЖИ И. ЛИСОГОРСКОГО

ИРОНИЧЕСКАЯ РЕПЛИКА

АХ, КАК ОБРАДОВАЛСЯ БЫ САЛЬЕРИ!..

«Сальери больше не будет завидовать Моцарту. Он сам станет Моцартом», — возвещает герой рассказа «Согласен быть вторым» Романа Подольного (журнал «Искатель», № 1, 1973). Путь перевоплощения сальери в моцартов фантастически обыкновенен: «карандаш и логарифмическая линейка».

Герой рассказа, стареньний фотограф Филипп Алексеевич, называет это «наукой последнего мазка». Автор рассказа делает нас свидетелями чуда: «последний мазок», кинутый рукой фотографа, сообщает полотнам заурядных художников печать талантливости и даже гениальности.

Правда, тут же возникает грозная опасность перезабытка рембрандтов. Но к концу рассказа мы несколько успокаиваемся: автор туманно намекает, что и при наличии «формулы совершенства» талант тоже сохранит некоторую силу, поэтому, вероятно, не там уж их много и будет, рембрандтов. Не страшно.

Автор указывает даже точное время, которое нужно, чтобы подойти, обладая «формулой совершенства», к посредственным картинам, поднять кисть и совершить чудо перевоплощения в гениальные полотна. Пятнадцать минут.

Почему именно пятнадцать — ни больше ни меньше — остается тайной.

Кончается рассказ оптимистически: молодой человек, от лица которого идет повествование, некогда в детстве обещавший стать великим музыкантом, великим шахматистом, великим поэтом, великим биологом, великим артистом и, увы, не оправдавший ни одной из вышеуказанных надежд и уже согласившийся великодушно на роль «второго» (по старой терминологии — Сальери), понимает, что он будет великим художником, хотя живописью никогда раньше не занимался.

Более того: «Миллионы людей будут художниками. Каждый, кто по-настоящему захочет».

Но, читая рассказ, не испытываешь желания стать художником, даже великим. Чересчур это легко и нудно. У пушкинского Сальери был ряд пороков и одна бесспорная добродетель: благоговение перед гением. Сальери сегодняшнему, судя по рассказу Р. Подольного, не хватает именно этой добродетели — бесконечно далек он от того, чтобы ощущать перед талантом какой-либо трепет.

Вряд ли в рассказе, даже в фантастическом, позволительно изображать восхождение с легкостью необыкновенной на Эвересты искусства, которое в реальной действительности требует подвижничества, бессонных ночей, риска, а иногда и тяжких жертв.

У иного легковерного читателя могут возникнуть соблазны, которые скажутся не лучшим образом на развитии его личности. Описанные лихо «последние мазки» и «формулы совершенства» воспитывают опасную уверенность в достижимости шутя того, что порой и вовсе недостижимо...

Что же касается художественного уровня самого рассказа, то он наглядно убеждает в том, что в области беллетристики, увы, «последнего мазка» наука еще не изобрела. В противном случае стиль его вряд ли изобиловал бы такими находками: «Пушкин остался в компании с Пущиным», «Чайковский потянул за собой в историю баронессу фон Мекк» (строки по бестактности редкостные!), «ботинок натирает ногу на оттого, что тесен, а оттого, что он двигается относительно (!) ноги», «вздутые яростью губы», «усталый подбородок», «седые ресницы, обрамлявшие большие выцветшие глаза», «ирония куда-то испарилась по дороге и губам», «это обошлось нам с тобой в дружбу» и т. д. и т. п.

Старые истины: гений — это труд, и гений — это терпение — отнюдь не устарели, и было бы полезнее, чтобы молодежный журнал именно об этих истинах напоминал своему читателю.

Ю. ТИМОФЕЕВ

МОЛОДОСТЬ — НАДЕЖДА НАША

До сих пор мы знали Мирмухсина-поэта. Сегодня мы встретились с ним как с прозаиком, автором произведения, запечатлевшего важнейшие процессы, происходящие в жизни сегодняшнего Узбекистана.

Может быть, для молодых, выросших после войны, эти процессы и не покажутся чем-то необыкновенным: уклад жизни, быт, человеческие отношения в романе «Умид» в обшем-то схожи с жизнью всей нашей многонациональной Родины. Но для меня, прожившей в Туркестане без малого первую четверть XX века, изменения эти говорят о многом, особенно ощутимы они в психологии нынешней молодежи, ее мироощущении, идеалах, духовном росте. Вот почему роман Мирмухсина — прежде всего свидетельство великих социалистических перемен на востоке нашей страны.

Многое в романе говорит о поэтическом восприятии мира, но особенно поэтична глава о детстве главного героя. Читатель глазами Умида видит горы Узбекистана с белоснежными шапками вершин, бурными реками, хлопковые поля, уютные махалля, величавые чинары...

Нелегкое детство выпало на долю Умида — недолго жил отец, вернувшийся с фронта, вскоре умерла мать. Но, несмотря на невзгоды, живут в юноше оптимизм, стремление сделать что-то большое и значительное, принести пользу людям. Детская доверчивость, живой интерес к окружающему миру в сочетании с безграничной добротой, уважением к старшим — вот что привлекает нас в юном герое.

Умиду в романе противопоставлен образ Хафизы. Мы застаем молодых людей в решающий момент их жизни: Умид завершает университетское образование, Хафиза поступает в вуз. Умид мечтает стать селекционером и идет работать в институт, где собирается заняться проблемами селекции хлопка. И хлопок, вполне естественно, становится одной из главных тем романа, в борьбе за него выявляются характеры и устремления действующих лиц. Умид попадает под начало немолодого профессора, известного селекционера, и надеется под его руководством начать серьезную научную работу. Однако профессор Абиди, поглощенный лишь собственными интересами, заставляет своего аспиранта писать за себя статьи, компилировать из старых работ брошюры, отыскивать и переводить высказывания знаменитых ученых, русских и иностранных, которые сам профессор не в состоянии прочесть в подлиннике... Умид, конечно, поначалу представлял себе занятия в аспирантуре, но, уважая в Абиди ученого, он все же усердно выполняет на первых порах его просьбы. Близость учителя и ученика становится совсем «домашней», когда дочь профессора, хорошенькая легкомысленная Жанна, выходит замуж за Умида. Теперь он оказывается в полной зависимости от своего шефа.

Но постепенно Умид прозревает: профессор не только уже ничего нового не создает, но, напротив, стремится оберегать все то, что открыто и создано его коллегами. Особенно остро чувствует это молодой ученый, побывав в колхозе и встретившись там со старым опытным хлопкоробом Кошчи-бобо; образ этот выписан Мирмухсином очень достоверно, с большой теплотой и любовью — он олицетворяет лучшие черты узбекского народа.

Крах ложной «карьеры» Умида завершается довольно быстро: он покидает дом Абиди, и для него начинается новая жизнь, в которой он, наконец, без остатка отдается любимой работе, теперь уже по-настоящему самостоятельной. И, пожалуй, подлинным его руководителем становится старый, умудренный жизнью Кошчи-бобо. Удача приходит не сразу, как не возвращается к Умиду и любовь Хафизы: Мирмухсин не готовит своим героям легкого пути.

Не все, как мне показалось, равноценно и глубоко в книге. Хафиза, например, после разрыва с Умидом исчезает со страниц романа, и мы встречаемся с ней лишь в самом конце повествования. А между тем развитие ее взаимоотношений с Умидом составляет основное сюжетное движение произведения.

Жаль, что страницы, посвященные работе Умида по селекции хлопка, даны как-то отвлеченно, без необходимой конкретности (особенно, как мне кажется, новой и интересной для русского читателя).

В целом же роман Мирмухсина привлекателен прежде всего своей обращенностью к живой современности, увиденной яркими главами писателя.

В. СМИРНОВА

Мирмухсин. «Умид». Роман. Авторизованный перевод с узбекского Эмиля Амита. Издательство «Советский писатель». М. 1972.

В РЕДАКЦИЮ «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ»

Разрешите через вашу газету передать большую благодарность всем организациям и товарищам, которые поздравили меня с пятидесятилетием.

Гиви КАРВЕЛАШВИЛИ

Научно-техническая революция
Человек
Литература

ФАНТАСТИКА ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

ДИАЛОГ: Юлий КАГАРЛИЦКИЙ — Еремей ПАРНОВ

профессор, доктор филологических наук — писатель, кандидат химических наук

КРИЗИС ЖАНРА?

Ю. Кагарлицкий. Сейчас на Западе много пишут о кризисе научно-фантастического жанра. Тому есть даже чисто внешние свидетельства: упали тиражи журналов, занимающихся фантастикой, резко сократилось число самих этих журналов. Читатель, наверное, устал от массового «чтива», которое ему преподносится под видом новинок. Но ведь в этом потоке романов и сборников рассказов конфликты все те же, характеров нет, стиль безлик. В общем, кризис уже не отрицается, говорят о другом — о причинах его. О том, что делать дальше...

Е. Парнов. Честно говоря, я сомневаюсь: кризис ли это?

Ю. Кагарлицкий. А разве не заметен перепад качества в сравнении с предшествующим периодом?

Е. Парнов. Перепад — еще не кризис.

Ю. Кагарлицкий. Я далек от сравнения литературы с болезнью, но термин «кризис» здесь можно понимать и в медицинском смысле слова: после кризиса иногда следует смерть...

Е. Парнов. А я термин «кризис» готов рассматривать с точки зрения физики — как критическое состояние между двумя фазами...

Ю. Кагарлицкий. Хорошо, вернемся к литературе. Чем вы объясните, что начали как фантаст, а последние ваши книги к фантастике отношения не имеют?

Е. Парнов. Странно было бы говорить о всеобщих категориях на основе единичных явлений... Но разговор о себе сделает меня неравным партнером в споре. Легче анализировать чужое, чем свое.

Ю. Кагарлицкий. Тогда я объясню, почему вы утратили интерес к фантастике.

Е. Парнов. Приму как откровение...

Ю. Кагарлицкий. Вам захотелось больше говорить о людях, а не о технике.

Е. Парнов. Не совсем так... В последние годы я много ездил, много видел, и мне захотелось говорить о более реальных вещах. Не заглядывать в дали времен, а оглянуться вокруг. Мне кажется, для писателя такая реакция вполне естественна. Ведь для фантастики — по самому ее строю, по комплексу приемов — характерна некоторая аналитическая бесстрастность. А у меня было сильное желание сказать, что я люблю и что ненавижу, за что стою и против чего борюсь сегодня. Понимаете, в чем дело? Хороший фантаст может описать то, что никогда не видел, и навязать другому свои представления. Иное дело, когда речь идет о дне сегодняшнем. Здесь читатель знает реальный мир отнюдь не хуже, чем автор.

Ю. Кагарлицкий. Вы хотите сказать, что каждый писатель создает свой собственный мир? Что есть мир Шекспира, Достоевского, Бертольта Брехта?..

Е. Парнов. И есть мир Уэллса. Так вот, мир Шекспира в общем-то обжит. Читатель сразу принимает «правила игры». У фантаста задача сложнее: свои «правила игры» он должен навязать. Хороший писатель делает это легко, быстро, непринужденно, но все равно мир фантаста — это мир его фантазии, и только.

Говоря о марсианских цветах, писатель может достичь определенного успеха: поскольку читатель на Марсе тоже не был, он верит на слово. Иное дело, если реалист описывает, скажем, Север. Это красно-синее небо — его нужно видеть, чтобы понять, как переворачивает оно всю душу, до дна. Серый, красный гранит, поросший мхом, забрызганный желтыми пятнами лишайника... Если читатель видел что-либо подобное, достаточно намека. Это тот айсберг, о котором говорил Хемингуэй, когда семь восьмых скрыто от глаза. Если найдутся точные фразы, в сознании повелительно встанет картина северного моря — свинцовой неистовой воды и трагического неба. Тут уже в творчестве участвуют оба — и автор, и читатель. Так вот, разбудить читателя для такого творчества — задача благодарная и интересная. Сама по себе.

Ю. Кагарлицкий. С какого-то момента вы ведете речь о судьбе фантастики сегодня, потому что «правила игры» сейчас заданы последним двадцатилетием развития жанра. Ведь случилось так, что литература и фантастика работали по принципу дополнительности: взаимно дополняя друг друга, они создали какую-то законченную картину мира.

Е. Парнов. И новизна фантастики сейчас немножко стерлась, потому что фантастический мир стал привычным.

Ю. Кагарлицкий. Не значит ли это, что у автора больше возможностей проявиться как писательской индивидуальности?

Е. Парнов. Как реалисту, но не как фантасту.

Ю. Кагарлицкий. А разве сейчас, когда картина фантастического мира стала банальной, не появилась возможность понять ее заново? Возвысившись над привычностью этой картины?.. Речь идет о том, о чем столько раз уже говорилось. Например, и Толстой, и Чехов в какое-то десятилетие описывали современный для них мир. Но при том, что это была та же самая реальность, которую видели все, чеховский мир оказался вдруг миром новым. Понимаете? И еще одна вещь. Если мы фантастическую ситуацию подменим обычной, не будет ли она иметь тот же эффект? Не становится ли здесь художественная грань между фантастикой и обычной литературой очень зыбкой?

Е. Парнов. А я лично вообще не верю в эту грань. Мне кажутся фальшивыми разговоры о том, что отдельно существуют поток большой литературы и фантастика. И что лучшие образцы последней влились в первую. Разве кто-нибудь когда-нибудь говорил, что «Фауст» Гёте — нечто иное, чем большая литература? Но ведь и «Фауст» — фантастика. У фантастики есть своя специфика, но ограничения ее от литературного потока, на мой взгляд, не существует.

Ю. Кагарлицкий. В известной мере. Однако, если фантастика стирает свои жанровые признаки, не значит ли это, что тем самым она оказывается в состоянии кризиса как жанр? Сливаясь с иной литературой, она перестает быть фантастикой.

Е. Парнов. Это и так, и не так. Разбирая любые явления природы, мы никогда не находим их в абсолютно чистом виде. Все существует в определенных смесях. Мне кажется, это справедливо и по отношению к литературе. Иногда, сравнивая фантастику и обычную литературу, говорят так: «Где-то на одном крыле стоит абсолютно реалистическая литература, на другом — абсолютная фантастика...» Но ведь ничего подобного нет. А есть различные смеси, и в каждой — разные дозы того и другого.

Ю. Кагарлицкий. Тогда не связаны ли какие-то кризисные явления в современной фантастике с тем, что обычная литература уже воспользовалась многими завоеваниями фантастики?

Е. Парнов. Но тогда уже надо говорить не о кризисе фантастики, а о ее большой победе.

Ю. Кагарлицкий. Значит, фантастика пришла к кризису в момент своей великой победы...

«ЗЕЛЕНЫЕ ЧЕЛОВЕЧКИ»

Е. Парнов. Я думаю, мы упускаем из виду еще одно обстоятельство, очевидно, доминирующее: уровень научно-технических свершений сегодняшнего дня. По сути дела, реальностью стало все, о чем писала традиционная фантастика.

Ю. Кагарлицкий. Традиционная — какая? Жюль-верновская?

Е. Парнов. Не только. Возьмем парадоксальный роман, которым мы в детстве зачитывались: «Голова профессора Доуэля» Александра Беляева. Недавно я читал, что пересажены головы двум обезьянам. Выходит, принципиальная осуществимость фантастической до того идеи доказана практически. Я помню, как Н. Амосов, хирург и фантаст, однажды писал, что пересадка головы уже не вопрос хирургической техники, а вопрос этики. Значит, и это уже не прерогатива фантастики, это атрибут сегодняшнего дня. Или, скажем, атомная энергия. Впервые о ней в общем-то робко сказал Уэллс...

Ю. Кагарлицкий. Ну, не робко. «Освобожденный мир» — это уже картина атомной войны.

Е. Парнов. Я имел в виду чисто физическое явление атомного взрыва — Уэллс не представлял себе ни супербомб, ни всей той дьявольской техники...

Возьмем высадку человека на Луну. Абсолютно рядовая ситуация, с точки зрения фантастики. Фантасты столько раз твердили о возможности высадки, что общество им поверило. Это была запрограммированная фантастикой реальность. Она осуществилась, и мы, по чести говоря, приняли ее как нечто должное. Ведь полету на Луну мир удивился гораздо меньше, чем первому кругосветному путешествию Магеллана, доказавшему экспериментально, что ли, шарообразность Земли. Вот был переворот действительно! Но он не был подготовлен ни фантастикой, ни литературой, ни философией... Я хочу сказать, что фантастика психологически подготавливает общество к свершениям научно-технической революции. Она и оберегает нас, снимая отрицательные эмоции, снимая стресс. Фантастика не дает принять за чудо то, что сваливается нам буквально на голову. Поскольку все эти чудеса более или менее предвидимы, они фантастикой уже описаны.

Вот в чем дело: ей уже нечем нас особенно удивить. Тут проявляется своеобразная диалектика: сначала фантастика научила нас не удивляться науке, а теперь научила не удивляться самой себе.

Ю. Кагарлицкий. В этом, как ни странно, кроется еще одна опасность, которая прямо привела к кризису жанра. Когда столько прогнозов оказались осуществимыми, часть публики на Западе начала воспринимать фантастику как доказательство того, что наука абсолютно все может. Фантастика, как ни удивительно, оказалась одним из оснований современного мистотворчества — на ее совести, в частности, этот массовый психоз с летающими тарелочками и еще много странных заблуждений подобного рода. Обжитый фантастикой мир науки, очевидно, таит в себе определенные опасности не только для самой фантастики, но и для психического здоровья каких-то слоев населения.

Е. Парнов. Тут, я думаю, лучшая иллюстрация — недавно прошедший по экранам фильм «Воспоминания о будущем», полный самых откровенных спекуляций. Например, космические капсулы-скафандры, изображения которых Дэникен, по книге которого поставлен фильм, находит в древности повсеместно. Но что это на самом деле? Что делают дети, когда играют в классы? Они рисуют людей и обводят их четырехугольником — это квартира. А ведь когда-то строили не прямоугольники, а круглые вигвамы, яранги, чумы...

Ю. Кагарлицкий. Сфера — символ замкнутого пространства, не более того.

Е. Парнов. То есть мы видим плановую проекцию жилища, вид сверху, а не космонавта в скафандре. Это наш, вполне земной человек в своей хижине...

Ю. Кагарлицкий. Я вас прерву на минуточку. Опасность создания какого-то второго мира, мифического, достаточно велика, и я хочу привести один забавный пример. У меня есть товарищ, физик, директор одного из институтов. Однажды он так долго говорил о том, какой интересный фильм «Воспоминания о будущем», что мне пришлось остановить его и спросить: «Слушай, если бы на этом уровне доказательности какой-то подчиненный выполнил свою работу, что бы ты с ним сделал?». Он сказал, ни минуты не раздумывая: «Прогнал, конечно». Понимаете? Этот человек поддался обывательскому сознанию — при том, что он ученый.

Е. Парнов. Это говорит о его слишком узком профессионализме. Человек может быть блестящим специалистом в физике элементарных частиц, но может совсем не знать, что происходит в биологии. А вот фантастика как раз и заполняет этот вакуум. Она занимается всем и ничем. Беря от различных наук то, что ей нужно, она создает какую-то картину мира в целом. Правда, часто эта картина оказывается неверной...

Ю. Кагарлицкий. Боюсь, что создавать общественную атмосферу всеверия опасно, людей надо оберегать от нее. Я имею в виду определенную психическую настроенность человека: способен ли он без проверки принять какое-то положение или нет.

Е. Парнов. Возьмем традиционную тему фантаста — ту, что сейчас ученые хотя и обсуждают всерьез, но, так сказать, еще не обрушили нам на голову: пришельцы. Фантастика уверила нас, что миры обитаемы. Она была здесь не оригинальна. Еще Джордано Бруно писал о множественности обитаемых миров. Но сколько раз мир был готов поверить в пришельцев...

Ю. Кагарлицкий. И в ту новую мифологию, которую создает фантастика. Вспомните хотя бы панику в Нью-Йорке в 1938 году. Тогда Орсон Уэллс, дебютировавший в режиссуре, взялся поставить на радио «Войну миров» Уэллса. Режиссер был уверен, что роман устарел, поэтому для большей убедительности место действия он перенес в Америку и дал репортаж якобы с места приземления марсиан. Если бы Уэллс знал, что последует за радиопостановкой! В это поверили миллионы. Началась паника. Люди стали удирать из города. Одни при этом звонили в полицию и требовали противогазы, другие уже реально слышали взрывы, третьи забирались на крыши, чтобы увидеть приближение марсиан...

Е. Парнов. Но вот пример реакции не обывателя, а серьезной науки на возможность подобной мифологической ситуации. Это случилось несколько лет назад в одной из лучших астрофизических обсерваторий — английской «Джордрел Бэнк». Там зарегистрировали импульс, поступающий из отдаленных областей пространства и имеющий очень строгую периодичность. Налицо была кодированная информация, исходящая от разумных существ. Ученые прекрасно понимали, что начнется, если они скажут, что приняты сигналы внеземной цивилизации. Поэтому, назвав для себя явление «маленькие зеленые человечки», они решили воздержаться от любых публикаций. Я представляю себе, чего им это стоило...

Ю. Кагарлицкий. То есть опасность стала уже осознанной?

Е. Парнов. Именно. Потом они убедились, что открыли ту долгожданную нейтронную звезду, которая была постулирована, но еще не обнаружена. И 1969 год вошел в историю науки как год пульсаров.

Ю. Кагарлицкий. У фантастики есть периоды, когда она начинает спешно обживать в конкретных, чаще технических формах то, что перед тем дала наука. Это прежде всего Жюль Верн. Он, в общем, обживал предсказанный наукой мир в конкретных технических формах. Но он был первым писателем, который убедительно показал, как человек начинает жить в новой среде обитания, в мире, где средой обитания стала уже сама техника. Даже не творя, так сказать, никаких научных и технических открытий, в литературном, нравственном плане он делал работу удивительно новаторскую.

Е. Парнов. Иногда говорят: время обгоняет фантастов. При этом часто забывают, что фантастика уже писала об обитаемой Луне — руками пощупали: никого нет... Писалось и о жителях Марса — оказалось, даже каналов нет...

Ю. Кагарлицкий. Но при этом «Марсианские хроники» Брэдбери живут...

Е. Парнов. Потому что сила Брэдбери как художника и философа заставляет забыть, что Марс необитаем. Больше того, для нас это не имеет никакого значения.

Ю. Кагарлицкий. Марс становится некоей условностью.

Е. Парнов. Условностью. Как и Марс Алексея Толстого...

ВЫСТРЕЛ В МИРАЖ

Ю. Кагарлицкий. Знаете, мне все же кажется, что как реалист Алексей Толстой проявил себя больше, чем как фантаст. А. Толстого-фантаста мы по праву числим среди своих предшественников.

Е. Парнов. Не только. Он — наш современник. Я не буду ссылаться на сентиментальные впечатления детства. Скажу только, что произведения А. Толстого, на мой взгляд, — это классическая научная фантастика, мастерски продемонстрированная в остросюжетных авантюрных ситуациях. Возьмем «Гиперболоид инженера Гарина». Тут налицо новая парадоксальная идея. Причем фабула вращается не только вокруг тепловых лучей смерти. Дается картина мира, очень верная для того времени. Писатель видел, куда движется буржуазное общество. Другое дело, что потом продемонстрировал миру фашизм. В этом смысле режим, установленный на острове Гариным, выглядит пасторально. А прекрасный, емкий образ мальчишки Гусева?

Ю. Кагарлицкий. К чему это?

Е. Парнов. Вот к чему: А. Толстой видел, какие силы могут противостоять фашизму. А что касается «Аэлиты», то, очевидно, к ней нужно подходить примерно так, как мы подходим к произведениям Р. Брэдбери. Марс у А. Толстого так же условен, как и Марс у Р. Брэдбери. Он населил его выходцами из Атлантиды, как Конан-Дойль в «Маракотовой бездне» тех же атлантов отправил на дно морское, где они основали подводную цивилизацию... Что ни говори, а сейчас Аэлита стала нарицательным именем — и кафе, и песни, и корабли... Она живет. И эту «звездную тоску», и пленительную любовь, и разлуку, пролегшую через бездны времени, — все потом подхватили другие писатели-фантасты. Другими словами, все лучшие черты современной научной фантастики в зачатке мы находим в вещах А. Толстого.

Ю. Кагарлицкий. Кстати, еще одно. Я не решаюсь спорить с вами по техническим вопросам, но ведь идея гиперболоида была довольно бродячей. Еще Уэллс в «Войне миров» описал тепловой луч марсиан.

Е. Парнов. Но тепловой луч — одно, гиперболоид — другое. И главное: А. Толстой дал на современном ему научном уровне последовательную инженерную разработку идеи. Вспомните лаборатории в подвалах, различные модели, описание испытаний, резки металла, когда луч, как спицей, протыкает точечные отверстия, пирамидки быстрого сгорания из шамонита, важигание вначале от спички, затем от магнето... Понимаете? Благодаря этому идея становится зримой. В нее веришь. Гораздо больше, чем в тепловой луч Уэллса: его принимаешь без доказательств, поскольку их вообще нет. Это правомерный прием, но — другой прием. А. Толстой дал даже чертеж своего гиперболоида. Все это настолько убеждало, что иные читатели, инженеры и ученые всерьез пытались претворить этот чертеж в жизнь. Они, правда, забывали, что фантастика не может подсказывать идеи науке. Наоборот, она питается идеями науки.

Ю. Кагарлицкий. Я не вполне уверен, что фантастика так уж никогда не может подсказать какую-то идею науке — просто это, вероятно, бывает очень редко... Мы, кстати говоря, забыли еще об одном аспекте: иногда идея сама по себе может быть и не очень нова. Но тогда задача фантаста — привести человека в необычный мир, где он раскроется по-новому. Я думаю, что и у такой фантастики есть будущее, при том, что она не откроет ни новых машин, ни новых планет. Вспомним, что кризис — порой и предвестник выздоровления.

Е. Парнов. Можно оставить мир и таким, какой он есть. Тут мы подходим к сущности фантастики как жанра... Я хочу привести аналогию из математической теории игр. Мы можем рассматривать фантастику как своего рода игру с компонентами мира — реально существующими плюс некими фантастическими. Вот мы вводим человека в обычный мир, но убираем только один реально существующий компонент — тень, которую свернул черт, и получаем ситуацию знаменитого Петера Шлемиля Шамиссо. Но, как вы помните, без этого элемента изменилось все: получилась новая игра. Точно так же, как возникнет новая игра, если с шахматной доски убрать одну клетку.

Ю. Кагарлицкий. Значит, фантасты могут создавать «другие миры» и минимальными средствами.

Е. Парнов. Безусловно. Или — случай, когда компоненты не убираются, но изменяются. Чуть-чуть. Обращаемся к Александру Беляеву: в рассказе «Светопреставление» он изменил скорость света. Только. Но мы получаем новый мир. Вот человек ушел, только этого еще никто не заметил: для всех он еще сидит здесь. Раздается выстрел — пуля попадает не в человека, а в его мираж, в его изображение, не успевшее исчезнуть... По мы можем и вообще ничего не изменять. У Стругацких есть ранний рассказ, декларативно названный «Почти такие же». Он написан еще до полета Юрия Гагарина. Космолетчики — речь о них — почти такие же, как окружающие: милые, добрые, веселые, склонные к шутке. Авторы берут сегодняшний мир, но вводят туда межпланетные перелеты и наблюдают, как наши современники справляются с пиковыми нагрузками. Так раскрываются их лучшие черты. Но вот другой рассказ о космонавтах — «Двое с Луны», опубликованный в США тоже до полетов в космос. Там показаны двое побывавших на Луне. Все видят на их лицах то, что человеку не присуще. Это следствие. А причина в том, что космолетчики видели нечто такое, чего человеку вообще видеть нельзя. И они уже убиты для земной жизни. Когда рассказ читался в то время, он убеждал. Казалось, действительно: человек, увидев другой мир, становится иным существом. Но жизнь оправдала схему Стругацких. Вот пример того, как одинаковые исходные посылки — наш мир плюс космические сообщения — в эксперименте дают разный результат.

НЕФЕРТИТИ И УРАВНЕНИЕ ПОЛЯ ДИРАКА

Ю. Кагарлицкий. Большая литература — фантастика в том числе — всегда задумывалась о мире и человеке в нем. Но XX век заставил нас думать об этом по-новому и дал какие-то новые решения. Известно, что еще в конце прошлого века знаменитый естествоиспытатель Томас Хаксли, ученик Дарвина, писал, что когда-нибудь мы придем к очень точным научным формулам, описывающим красоту искусства, например. И все равно, сказал он, мы будем так же чувствительны к красоте. Одно не заслонит от нас другого.

Е. Парнов. Мало того, я видел цветные электронные снимки человеческого мозга в динамике — это неземные пейзажи. То, что мне мерещилось, когда я читал в «Солярисе» о структуре, возникающей из Океана, бледнеет перед электронными фотографиями отдельных нейронов. А если рассмотреть под электронным микроскопом кристаллы германия в искривленном магнитном поле, вы увидите еще более потрясающие полотна.

Ю. Кагарлицкий. То есть наука помогает нам открывать новые области красоты.

Е. Парнов. Я уж не говорю о самой науке. Можно привести классический пример. В 1928 году Поль Дирак постулировал существование положительно заряженных электронов — частиц антивещества. Такой вывод следовал из его уравнения, где нужно было извлечь квадратный корень. Как известно, квадратный корень дает два значения — плюсовое и минусовое. И одно из значений, когда он получил электрон, заряженный положительно, как бы противоречило реальности. Это было невероятно. Но Дирак говорил: уравнение было настолько красиво, что я решил — позитрон существует. Прошло несколько лет, и позитрон открыли в космических лучах. Следовательно, здесь уже эстетический критерий сыграл роль доминанты. Другое дело, что познать истинную красоту уравнений может только специалист. Эта эстетика — пока для немногих. Но о том, что она существует, должны знать все, иначе любые эстетические представления будут ограниченны. Люди должны знать, что не только головка Нефертити — символ красоты. У прекрасного есть символы и принципиально другого ряда. Мы познаем дальние галактики благодаря спектральному анализу. Но тут не просто познание, а еще и познание красоты мира, потому что красота атомных спектров в радиограммах — это музыка иных сфер, музыка космоса. Как раз фантастика впервые заговорила об этой красоте. О красоте научного творчества, о красоте открытия. Так что эстетика человека и эстетика природы — не различные вещи. В основе лежит одно и то же. Строгая математика, она дает и эстетический эффект. Я бы даже сказал, что алгебру можно проиллюстрировать гармонией... Почему мы говорим, что фантастика работает на научно-техническую революцию? Потому что она улавливает цели, она вербует людей и является одной из тех, кто мобилизует общество на решение глобальных научно-технических задач. Могу засвидетельствовать, что академик С. П. Королев был большим поклонником фантастики. Он прекрасно знал фантастику — и старую, и современную, любил Жюля Верна и Герберта Уэллса, очень любил Александра Беляева. Естественно, зачитывался и фантастическими произведениями Циолковского. Сергей Павлович неоднократно говорил, что его любимейшими книгами были сочинения о путешествиях на Луну и Марс. Что фантастические книги, в общем-то, сформировали его жизненную цель.

Ю. Кагарлицкий. То есть был бы Королев тем, кем он стал, если бы не эти книги?

Е. Парнов. Именно. Думаю, не случайно наши космонавты на всех пресс-конференциях, отвечая на вопросы об отношении к фантастике, отдавали должное и великим предшественникам, и современным фантастам. Герман Титов сказал, что любит Брэдбери и Лема. О том же говорили и Феоктистов, и Егоров. Не случайно Лем, приехав в Советский Союз, стал гостем Звездного городка... Я бы назвал фантастику уникальным явлением XX века; сейчас она перестала быть «только фантастикой». Она переплетена с реальностью и работает на научно-технический прогресс. Прежде всего фантастика позволяет обществу «переварить» научно-технические достижения. Она чутко улавливает то главное, что родилось сегодня и расцветет завтра, а это уже создает общественное мнение. Если сегодняшние школьники зачитываются фантастикой, разве это в ряде случаев не определяет их будущую профессию? Грубо говоря, фантастике ставит цель и вербует кадры. Без фантастики, я думаю, было бы просто трудно успешно решать многие проблемы научно-технической революции. Вот почему мы можем обсуждать, как развивается и куда идет фантастика, но вовсе исчезнуть она не может.

Ю. Кагарлицкий. Сейчас явственно прослеживается одна тенденция фантастики — стремление говорить не столько о технике, сколько о человеке. Может быть, это и приведет к тому, что фантастика перейдет к какой-то следующей ступени, чтобы, сохранив все, что было в ней хорошего, дать возможность больше говорить о человеке? Чтобы выйти из затянувшегося кризиса?

Е. Парнов. Ну вот, опять вы о кризисе...

Запись диалога
Григория ЦИТРИНЯКА

ПОЗДРАВЛЯЕМ ЮБИЛЯРОВ

М. Л. ХАШБЕ — 70 лет

Писателю Мушни Лаврентьевичу Хашбе исполнилось 70 лет. Секретариат правления Союза писателей СССР и Совет по грузинской литературе направили юбиляру приветствие, а котором говорится:

«От души поздравляем Вас с семидесятилетием со дня рождения.

Вы являетесь одним из зачинателей абхазской советской литературы. Ваши повести, рассказы и стихи пользуются заслуженной популярностью среди читателей. Многое сделали Вы для развития абхазской журналистики, в течение ряда лет редактируя

газету «Апсны напш». Достойно оценены Ваши переводы на абхазский язык произведений Л. Толстого, А. Фадеева, И. Крылова, Н. Бараташвили.

Много сил и энергии отдаете Вы партийной деятельности и работа в писательской организации.

Желаем Вам крепкого здоровья, долголетия, больших творческих успехов».

Н. Г. ФЛЕРОВУ — 60 лет

Исполнилось 60 лет Николаю Григорьевичу Флерову. Секретариат правления Союза писателей СССР и Комиссия по военно-художественной литературе правления Союза писателей СССР направили юбиляру приветствие, в котором говорится:

«В день Вашего боевого 60-летия сердечно поздравляем Вас, широко известного поэта, певца морей, фронтовика.

Вы рано начали свою трудовую деятельность и с честью идете по избранному Вами по велению сердца творческому пути. Моряк по призванию, Вы чувствуете себя, наш дома, на Балтике, и в студеном Северном море, и в штормовых водах Тихого океана. Великую Отечественную войну Вы прошли в морских боях в составе нашего героического Военно-Морского Флота. Вы были на берегах Норвегии и Кореи, на бастионах Порт-Артура. Все свое творчество,

весь свой талант, пыл своего моряцкого сердца Вы без остатка отдали воинам в тельняшках. Ваши стихи и поэмы, песни и сюиты звучат в кубриках и в кают-компаниях, под небом Родины и в заграничных походах.

Рожденный литобъединением «Вальцовка» на завода «Серп и молот», Вы впоследствии стали руководителем этой литературной школы рабочих.

Строфы Ваших стихов и поэм благодарные читатели находили и находят на страницах «Правды», «Октября», «Смены», «Советского воина», «Литературной газеты», «Красной звезды». Ваши книги, изданные «Советским писателем», Воениздатом, «Молодой гвардией» и другими издательствами, не залеживаются на полках книжных магазинов и стеллажах библиотек.

Желаем Вам крепкого морского здоровья, штормовой силы Вашим стихам и песням, потребное количество чистой воды под ниль Ваших творческих странствий по морям и океанам поэзии. Пусть ветер счастья всегда наполняет Ваши творческие паруса».

Поздравил юбиляра также секретариат правления Союза писателей РСФСР.

Б. В. ЯКОВЛЕВУ — 60 лет

В связи с 60-летием со дня рождения Бориса Владимировича Яковлева секретариаты правлений союзов писателей СССР и РСФСР, а также Московская писательская организация направили юбиляру приветствие, в котором говорится:

«Сердечно поздравляем Вас с 60-летием. Вы прошли славный путь публициста, литературоведа-исследователя, критика, редактора и переводчика.

В годы Великой Отечественной войны Вы были военным корреспондентом. Мы помним Вашу многолетнюю работу в журнале «Дружба народов», укрепляющую творческие связи русской советской литературы с братскими литературами народов нашей Родины.

Главным делом вашей жизни стало глубокое изучение и пропаганда литературного наследия В. И. Ленина. За годы лет литературной деятельности Вам удалось сделать немало: напечатано более трехсот очерков, публицистических статей, обзоров, повествующих жизни, трудам и произведениям В. И. Ленина. В числе их — книги «Ленин-публицист», «Ленин в Красноярске», «Гражданин планеты» и составленные Вами сборники «Ленинские страницы», «Стихи о Ленине» поэтов народов СССР, «Повести о Ленине». Они выходили на языках многих народов Советского Союза, неоднократно переводились и издавались за рубежом.

Вы заслужили известность как сценарист документальных фильмов о Владимире Ильиче; созданная Вами литературно-драматическая композиция «Ленину посвящается» с успехом поставлена на сцене Государственного академического театра имени Моссовета и показана по Центральному телевидению.

Шестидесятилетие застает Вас в расцвете сил, когда Вы полны творческих планов и замыслов. От всей души желаем Вам воплощения их в новых книгах».

***

«Литературная газета» присоединяется к этим теплым поздравлениям.

К 100-летию со дня рождения Ольги ФОРШ

«ТАЛАНТЛИВЕЙШИЙ ЧЕЛОВЕК ВЫ...»

Николай ТИХОНОВ

В ДЕНЬ славного юбилея выдающейся советской русской писательницы Ольги Дмитриевны Форш мы не можем со всей любовью и признательностью не вспомнить ее жизненный путь, который был торжеством вечно бодрствующей мысли, неустанного высокого творчества.

Она родилась, можно сказать, за облаками, в высокоскальном Гунибе, и ниже ее колыбели, ныряя в глубокое Кегерское ущелье, летали орлы. Чувство высоты и свободы осталось в ее сердце на всю жизнь.

Она происходила из семьи, одаренной многими талантами. Двоюродный брат ее В. Л. Комаров был известным ученым-ботаником и возглавлял Академию наук СССР. Прошли годы, сменились поколения, и теперь молодая Ольга Дмитриевна, внучка писательницы, пошла тоже по пути науки. Увлекаясь ботаникой, она работала на Дальнем Востоке в одном из заповедников, близком к Тихому океану.

Ольга Дмитриевна Форш по своему выдающемуся уму могла бы в юности избрать путь науки, стать, как и ее брат, ученым и, несомненно, внесла бы много нового в избранную ею область. Она могла пойти и по другому пути — по пути педагога, так как в ней глубоко жил интерес к воспитанию всего лучшего в молодых поколениях, что могло бы помочь формированию характера современного передового человека. Она могла бы, наконец, стать и большим художником. Всем сердцем любя искусство, отлично зная отечественных и мировых мастеров, влюбленная в живопись, она была ученицей славного учителя многих русских знаменитых талантов — П. П. Чистякова. Ему она посвятила проникновенный очерк, раскрыв в самом названии глубокий его смысл — «Художник-мудрец».

Она писала о мастере и мудреце: «Острая зоркость к жизни и такое прочное пребывание в стихии искусства, а через искусство в каком-то непреходящем бытии».

Вот таким искусством, несмотря на ее успехи в живописи, стала для нее литература. Она победила все остальные увлечения в жизни, она победоносно потребовала всего человека, она принесла радость творчества и вдохновения.

Ранние произведения О. Форш отразили всю ту сложность, которую таили в себе процессы, охватившие предреволюционную интеллигенцию, но борьба с ними для Ольги Дмитриевны облегчалась тем, что она с самых ранних лет преодолевала в себе духовную оторванность интеллигента от народной стихии. С дней юности она знала, что такое деревня, что такое жизнь крестьян, солдат, что такое судьба крестьянок. Об этом были написаны ее первые рассказы.

Мечта о подвиге, о служении благу народному жила в ней еще в институтские ее годы, когда все воспитание было направлено как раз на забвение общественных вопросов, не говоря уже о народной жизни.

Она работала среди народа и в голодный 1891 год в «толстовских столовых» в Тульской губернии. От этой поры до Москвы в послеоктябрьские дни, до работы в Отделе реформы школы на должности помощника заведующего «эстетическим развитием народа» — путь самый естественный.

К этому времени она уже была писательницей. В ее произведениях жили и темы, оставшиеся от времен индивидуалистических исканий. Но в ней все росло желание создать что-то большое, что-то главное, воплощающее судьбу русской интеллигенции, судьбу народа, нашедшего свое будущее в победе Октября.

В кипении страстей рождалась новая, советская литература. Пришел конец былого «русского интеллигента». Настал день рождения новой интеллигенции.

Ольга Дмитриевна Форш видела ясно, что ей надо выбрать главную тему своей литературной работы. Она выбрала исторический роман. Стала создательницей первого исторического советского романа, первого исторического советского фильма.

Роман «Одеты камнем» встретил восторженное отношение читателей, которое сохранилось и до сего дня во впечатлениях читателей новых поколений.

Максим Горький, который давно следил за судьбой литературных произведений О. Форш, писал ей из Сорренто в 1926 году: «Я — давний и почтительный поклонник Вашего добротного таланта и умного — удивительно умного! — сердца Вашего. Мне давно хотелось сказать Вам это, и вот я очень рад, что говорю, наконец... А «Одеты камнем» — уже большая вещь, высоко ценю ее как одну из книг, кои начинают на Руси подлинный исторический роман, какого до сей поры — не было». И там же о романе «Современники»: «Современники» — значительнейшая вещь, на мой взгляд...»

Когда книга «Одеты камнем» была переведена на английский язык, Горький написал маленькое предисловие.

Для О. Форш стало ясно, что ее призвание — заново переосмыслить, заново пересказать по-своему исторические события, не утаивая ничего, воскрешая то, что было замолчано, представляя заново людей, не прикрашенных, как прежде, торжественными, официальными, пустыми описаниями. Исторические романы прошлого не могли показать трагические судьбы первых русских искателей свободы, первых интеллигентов, боровшихся с казавшейся непобедимой твердыней царизма, показать их высокий подвиг, их неустрашимость, их верность народу, веру в его будущее.

Здесь же звучала и другая тема — судьба культуры, судьба искусства в условиях прошлой трагической действительности. Все это вместе взятое, рассказанное новому читателю, должно было произвести на него и впечатление высокого нравственного подвига, представить ему такие характеры, которые могли помочь в понимании морального долга, увлечь своим героическим служением интересам общества.

О. Форш говорила, что словно нравственным долгом стала для нее задача воскресить и закрепить для будущего то, что русская история забыть не может и не должна.

«Одеты камнем», «Современники», трилогия о Радищеве, «Михайловский замок», «Первенцы свободы». Суровым холодом и мраком крепостничества дышат страницы этих книг. Стены казематов сменяются дворцовыми залами и кабинетами. Из лагеря Пугачева вы переноситесь на заседание слуг «казанской помещицы» — властительной Екатерины, трепещущей перед глухим гулом народного восстания.

Автор как будто нарочно ведет читателя по страшным местам застенков и казней, показывает одно царствование за другим, чтобы у читателей не осталось никаких сомнений относительно того, что смена царей не могла означать перемену народной жизни к лучшему. Все эти «миропомазанники», беспощадно убирая со своего пути соперников, даже прикрываясь модной «вольной» философией, оставались палачами мысли и свободы, и чем гуманнее хотел показаться такой деспот, тем чернее были его злодеяния и преступления против народа.

Погибающий в каменном мешке Бейдеман, стоя одной ногой в гробу, все же страшен для взбешенного и испуганного царя. Радищев, великий в своем ощущении грядущего возмездия тиранам, безгранично смелый и неподкупный, заставляет содрогнуться всесильного временщика Потемкина и царицу, заигрывавшую с Вольтером...

Пугачев, поколебавший трон царей; Гоголь и Александр Иванов — жертвы чудовищного времени, обреченные гиганты, поглощенные тьмой безвыходности, порабощения искусства; создатели великого города на Неве — художники, архитекторы, ученые; революционеры — первенцы свободы герои-декабристы — всех их вызвал блестящий талант писательницы, создав образы незабываемые, красочные, сильные. Правдивым раскрытием картин прошлого миллионам советских людей О. Форш заслуживает имени народной писательницы.

Помимо этих книг, рожденных многолетним трудом писательницы, Форш создала острые, полные незлобивого юмора рассказы и блестящую сатиру о людях и днях Запада, дала советскому экрану популярные фильмы, написала много статей и очерков, пьес и исследований.

Она писала живописным, убедительным, экономным, с предельной точностью и яркостью языком.

Сила художественной изобразительности мастера удивительна по своему разнообразию. Вы можете глазами маленькой девочки, сидящей на дереве в саду, видеть ночной, играющий множеством огней Тифлис в рассказе «Виев круг», вы можете наслаждаться и парижскими зарисовками в книге «Под куполом», о коих Максим Горький писал, между прочим: «Книжку Вашу прочитал с наслаждением, — очень хорошая, «сытная» книжка, эдакая кулебяка, начинки — много, начинка — разнообразная, и все анафемски вкусно». В этом же письме он писал: «Талантливейший человек Вы, дорогая Ольга Дмитриевна! И — умница. Такая — настоящая, русская умница. Человек умной души».

Ольга Дмитриевна была чудесным рассказчиком. Она рассказывала как бы в лицах, передавая самые разные интонации. Смеялась откровенно, искренне, любила молодежь и подолгу беседовала на всевозможные темы, работала над рукописями своими с таким прилежанием и трудолюбием, как начинающий литератор, не считаясь с временем, даже в ночные часы.

В статье «О капризе и новаторстве» она писала:

«Здесь, мне кажется, уместно поставить вопрос: что значит вообще выражение «писать просто»?

Не замедлю формулировки многочисленными примерами, скажу, что сложнейшее и труднейшее письмо может быть названо простым, если автору именно таким, а не иным приемом удастся найти наилучшую полную форму, выражающую взятую тему.

Сказать о вещи, человеке, событии с этой определенной напряженностью, страстью, яркостью, дальше которой уже не пойти, — это и значит сказать просто и сказать прямо».

Вместе с тем в той же статье она отдавала должное поискам и говорила свое слово в защиту работы лабораторной:

«...работы впрок и на собственный страх. Эта работа важна для истории нашей литературы. Эта работа уже не может быть относима к искусству мелкобуржуазному или к капризам персональным».

И заканчивала статью так:

«И пусть же наступит дальнейшее развитие и процветание советской литературы согласно замечательным словам Ленина о том, что в литературном деле «безусловно необходимо обеспечение большего простора личной инициативе, индивидуальным склонностям, простора мысли и фантазии, форме и содержанию».

Одна книга писательницы, к сожалению, осталась недописанной. Она заранее была названа автором «Живописной автобиографией». В ней должна быть изложена в кратких, но выразительных новеллах вся жизнь писательницы. В этой книге воспоминания должны были чередоваться с документами, литературными портретами, с рисунками самого автора.

О. Форш обладала какой-то удивительной силой особой жизненности, силой вечной молодости. В ней жили солнечная легкость и неиссякаемая энергия, которую она сохранила до последних дней своей жизни. Она преодолевала в своей долгой жизни многие трудности. Одно время она стала очень плохо видеть, и это переживание для нее — так жадно глядевшей на окружающий мир — было очень болезненно, но переносила она это состояние с большим терпением. Зато, когда катаракты были удалены и зрение вернулось, она сразу схватилась за цветные карандаши и начала свои зарисовки любимых ленинградских видов.

В одном из номеров «Правды» за несколько недель до смерти О. Д. Форш написала статью о весне и о жизни, полную торжества бодрого духа и творческой силы. Между прочим, в статье говорилось о том, что

«...одна очень талантливая актриса, умирая в преклонном возрасте, от страха призвала на помощь бога, в которого никогда не верила. А ведь она творила десятки лет, жила многими жизнями, не раз умирала на сцене со всей силой недюжинного таланта. А умирая в действительности, она даже не сумела сыграть, она отреклась от своего таланта, от себя и зашептала незнакомые, чужие ей молитвы. Какое унижение!

Значит, творчество не стало ее кровью, оно не стало ее жизнью. Оно было ее шестым пальцем...

А творчество, если оно стало кровью художника, бегущей по жилам, оно не даст стареть чувствам, скудеть мыслям».

Кровь настоящего творчества до последнего мгновения бежала по жилам нашего старого друга. Поэтому, говоря с ней, когда ей уже было много-много лет, мы не ощущали ее преклонных лет. Она властвовала над своими недугами. Ее сильная воля была сосредоточена на новых замыслах, на книгах, которые надо написать. Она занималась живописью и рисованием, как в молодости.

Много писателей разных народов были ее друзьями. Много молодежи приходило к ней говорить о жизни, об искусстве, о литературе, со своими вопросами и сомнениями.

Ее писательский талант никогда не мог бы получить такого развития в старое время, какое получил в нашу неповторимую, великую советскую эпоху, подымающую человека на вершины знания и творчества.

Исторические произведения Ольги Дмитриевны, ее лучшие творения всех жанров, проникнутые духом живого советского патриотизма и воинствующего гуманизма, еще долго будут читаться новыми поколениями, так как большое искусство и большая правда, породившие их, обеспечили им большую и долгую жизнь.

ЧиП

Собирательство, коллекционирование стало в наше время страстью весьма распространенной. Только филателистов насчитывается более десяти миллионов. Одни увлекаются коллекционированием художественных открыток, другие — экслибрисов, этикеток спичечных коробков... Подсчитано, что количество предметов собирательства перевалило за тысячу.

Несомненно, подлинное коллекционирование — страсть благородная, заслуживающая уважения. Здесь и романтика поиска, исследования тайн, восторг первооткрывателя, радость находки. Сошлемся на слова Альберта Эйнштейна: «Коллекционирование учит сосредоточивать память»...

Но всегда ли оно заслуживает уважения?

Не бывает ли, что это увлечение превращается в бесполезную тщеславную причуду? Конечно, человек имеет право и на причуду... Но стоит ли отдавать никчемному делу свое время, силы?

Эти несколько строк мы решили предпослать письму писателя Антти Тимонена и комментарию известного коллекционера А. А. Сидорова.

Может быть, читатели сочтут затронутую тему интересной и выскажут свое мнение о страсти и собирательству.

«ПРИШЛИТЕ АВТОГРАФ...»

К писателям часто обращаются с просьбой выслать книгу и непременно с автографом. Эти просьбы понятны. Пишут школьники, собирающие библиотеку по какой-нибудь определенной теме; общественники ищут нужные книги для интернатов или домов престарелых; моряки, уходя в дальнее плавание, берут с собой полюбившиеся произведения... Писатели охотно откликаются на эти письма.

Обращаются к нам и обладатели частных коллекций, библиофилы. Разумеется, мы стараемся помочь им в их благородном деле.

Однако недавно я усомнился: всегда ли благородным и полезным делается собирание частной коллекции? Усомнился, прочитав вот это письмо:

«Многоуважаемый Антти Николаевич!

Это Вас беспокоит своим письмом книголюб Сергачев Иван. У меня к Вам вот какая просьба: многие годы я собираю книги писателей с их автографами. В моей коллекции автографы Леонова, Тихонова, Маршака, Федина, Смирнова, Шолохова и других, а всего более трех тысяч книг.

Имею книги с автографами писателей многих зарубежных стран — ГДР, Польши, Финляндии, Англии, Чехословакии. Мне хотелось бы получить и Вашу книгу с автографом. Вот я обращаюсь и к Вам. Не откажите.

С уважением И. Сергачев».

Более трех тысяч книг! Если все они от разных авторов, то чуть ли не половина всей писательской организации нашей страны была занята обогащением коллекции Сергачева. А ведь каждую книгу надо найти, нередко и купить, отправить. Для этого необходимо время. Зачем? Чтобы занять, например, 3111-е место на полке собирателя? Ему, вероятно, из справочника известны адреса всех писателей, но сама книга ему, как видно, безразлична, он ведь не читатель, а коллекционер! Ему автограф нужен!

Не мне одному, конечно, шлют подобные письма. Может быть, я ошибаюсь, но таких собирателей мне как-то и не хочется считать истинными коллекционерами-книголюбами.

Антти ТИМОНЕН

ПЕТРОЗАВОДСК

БЛАГОРОДНОЕ УВЛЕЧЕНИЕ ИЛИ ПУСТАЯ ЗАБАВА?

Мы ознакомили с этим письмом видного искусствоведа, члена-корреспондента Академии наук СССР, известного коллекционера книг, произведений графики, акварелей, рисунков Алексея Алексеевича СИДОРОВА.

— Немало написано трудов, посвященных коллекционированию: как собирать, для чего собирать, чего опасаться. Это увлечение одинаково охватывает всех — академиков, ученых, писателей, школьников. Собирательство — показатель культуры.

Читая письмо, с которым меня любезно ознакомила «Литературная газета», я испытывал двоякое чувство. С одной стороны, я с пониманием отношусь к И. Сергачеву, к его страсти собирательства, ведь порой она, эта страсть, не поддается никакому осмыслению, и, пожалуй, не всегда логике в силах объяснить мотивы, побуждающие человека собирать, на первый взгляд, никчемные, никому не нужные вещи... Но это лишь на первый взгляд. История коллекционирования не раз опровергала подобную точку зрения. Недавно, например, узнал я о замечательной коллекции спичечных этикеток, к собиранию которых, не скрою, относился до этих пор с полнейшим безразличием. В альбоме собраны этикетки всех стран мира, и по ним можно отчетливо проследить не только историю изменения стилей рекламного плаката, но также развитие экономики той или иной страны на определенном этапе, методы пропаганды и, кроме того, чрезвычайно познавательную специфику местных различий производства. Вот вам и спичечные этикетки! Коллекция таким образом превращается в научную ценность. Или другой пример. Еще в конце прошлого века известный русский писатель Н. Д. Телешов начал собирать писчие перья. С того времени прошло около ста лет, коллекция перешла сначала к сыну, а теперь уже и к внуку Николая Дмитриевича, обогащаясь и пополняясь. Сейчас это уникальное и, насколько мне известно, единственное в нашей стране собрание подобного рода.

И таких примеров множество.

Вместе с тем письмо И. Сергачева заставляет задуматься и над другой стороной собирательства, а именно: когда оно становится бесцельным, нелепым и превращается в манию? Можно понять и писателя А. Тимонена, его недоумение. Как должно поступать в таких случаях, когда получаешь письмо от совершенно тебе неизвестного человека, не поклонника твоего таланта, нет, а просто осведомленного, что ты писатель, с просьбой выслать книгу с автографом? Оставим в стороне щепетильный разговор о том, что не всегда автор располагает лишним экземпляром той или иной давно уже вышедшей книги, и попытаемся разобраться в другом, не менее щепетильном вопросе: что же должен написать автор своему любезному, вежливому просителю? Как обратиться к нему? «Глубокоуважаемый...»? Вроде бы такой зачин здесь не к месту. «Дорогой»?— тоже как-то неуместно. Трудно дать какой-либо совет в этих очень личных взаимоотношениях автора и собирателя автографов. Каждый поступает по-своему. Что же касается меня, то я стараюсь по мере возможности разъяснить своему корреспонденту, что надписываю книги только знакомым мне людям и почти никогда не пользуюсь в подобных случаях услугами почты. И еще одно сомнение — не слишком ли легко достается коллекционеру такой автограф? Да и приносит ли он истинную радость собирателю? Ведь за ним не стоят поиск, какая-либо интересная история, личность автора, да хотя бы просто разговор, о котором впоследствии было бы приятно вспомнить. Конечно, рассылание бесчисленных открыток с просьбой прислать книгу с автографом, ориентируясь лишь на справочник Союза писателей, — головокружительная затея и, думается, несколько даром потраченное время.

Вспомнился мне в связи с этим письмом американский роман Э. Кунн «В гостиной». Там приведена, конечно, схематичная, но довольно любопытная классификация коллекционеров книг и автографов. Они разделены на четыре типа. Первый — собиратели книг вообще, то есть обыкновенные составители личных библиотек, второй — библиофилы, как правило, это собиратели редчайших изданий, имеющие свой план, свои цели, третий — собиратели-фанатики, которые приобретают все, что попадется под руку, без какого-либо плана и системы, всякий пустяк сгодится... и четвертый — библиоманы: вот это как раз и есть одержимые собиратели книг с автографами! Что ж, в коллекционировании, как и в любом живом деле, есть свои странности.

А теперь самое главное. Пожалуй, то, с чего следовало бы начать наш разговор по поводу письма И. Сергачева, — цель и общественный долг коллекционера. Собирание может быть поистине вдохновенным, если ему поставлена светлая цель. У собирателя должна быть своя «муза». И в конце концов коллекция сама властно потребует: откройся людям, зрителям, ценителям, учащимся, всем, кто любит. Это первый долг советского коллекционера, который собирает не для праздной забавы и не ради денежной выгоды или каких-либо наград.

Мое полувековое собирательское служение закончено. И сегодня я познал еще одну самую великую радость, пожалуй, не менее сильную, но, безусловно, более целеустремленную, — радость дарения! Мою коллекцию я безвозмездно отдал в дар государственным собраниям. Что ж, она уже не имеет права быть собственностью одного человека, а должна стать достоянием народа. Высшего счастья для истинного коллекционера, думается, быть не может.

Книге Евгения Титаренко «Никодимово озеро» (издательство «Молодая гвардия», 1973) предпослана аннотация, в которой роман охарактеризован как «остросюжетный». Далее кратко излагается содержание произведения. Упоминается про пожар, трупы, расследование, спасение заблудшего друга и т. д. Затем следует вывод: «Роман утверждает благородство, честь, верность, мужество, чистоту сердца и помыслов — лучшие черты морали советской молодежи».

Однако уже с первых строк мне пришлось усомниться в правильности столь высоких оценок данного произведения.

Суть романа такова. Приехавшие на летние каникулы в деревню десятиклассники Сергей и Алена расследуют случившееся там преступление — поджог избы и убийство двух человек. На пути к решению этой «детективной» задачи — масса ситуаций, порой надуманных, но в результате школьники раскроют преступление.

Главной героиней романа является десятиклассница Алена, «бесшумная, гибкая» с «экстра-походкой». Особая примета Алены — волосы: «темно-русые и всегда распущенные... почти до пояса. Зато (!) жесткие». Они «тяжело перемещались на спине», «вызывающе роскошные... бросались в глаза». Еще у Алены необыкновенные брови, «тонкие, взлетающие к вискам», брови, между которыми (!) порой «залегало напряжение». И глаза «зеленоватые издалека, серые, в крапинках, если увидеть близко... младенчески-чистые белки с просинью».

По ходу действия Алену преследуют мучительные раздумья: ей кажется, что она подкидыш в семье. Основания? Пожалуйста. «Покажи

ЧИТАТЕЛЬ СЕРДИТСЯ

КОМУ ДАТЬ «ПЕНДЕЛЯ»?

мне,— обращается она к Сергею (тоже главному герою), — где ты видал, чтобы все голубые, а один кто-то фиолетовый? Почему я черная?» Заметим: ранее автор утверждал, что Алена темно-русая... Сергей утешает ее: «Ну выродок». Однако у Алены имеется еще одно веское доказательство: старший брат Аркаша, когда Надя (сестра Алены) «прогуливает допоздна... возьмет ее за шкирку да еще пенделя даст, чтобы не шлялась. А меня не берет за шкирку!» Куда убедительнее!

Училась Алена, конечно, «на пятерки и двойки, не видя золотой середины», и была такой своенравной, что «немножко психованный тонконогий и тонкорукий учитель истории» уверял: «Лучше сто малолетних правонарушителей, чем одна» она. Вот героиня так героиня!

Выясняя причины и обстоятельства поджога избы и убийств, Алена встречается с весьма любопытными личностями, занимающимися ни более ни менее, как кражей золотого песка с приисков: с Галочкой-соблазнительницей, под влиянием которой отличный парень Лешка превратился в трусливого и подлого мерзавца, с Костей, у которого «крылья носа... то раздувались, то опадали», а воротник рубахи был расстегнут «почти до пояса».

Герои Е. Титаренко умеют многое, что не под силу читателю. Попробуйте, например, «выпрямиться как пружина и, закусив руку у предплечья, другую выставить перед собой», «потоптаться на неспокойных ногах», «двумя пальцами сдернуть с себя куртку» и пойти, «поводя слегка разведенными в стороны руками».

А вот речевые характеристики Сергея и Лешки. Сергей оценивает женскую красоту: «А фигурка у ней... Придави ногтем — только щелкнет!» Он же объясняет: «Я... стерплю, если мне дадут по зубам, но сам их на подставлю...». При этом у него «нервно дернулся мускул на правой щеке» и он «кивнул, не думая, потому что уже поч вернулся и пошел».

Речь Лешки: «...Таскаешься!.. А она — за мной! И ты хочешь сначала обделать меня перед ней, потом упечь в каталажку, а уж потом — на свободненькое местечко, когда никто не будет мешать!.. Давай... Может, хоть так тебе девка достанется! Сука ты. Иди! Продавай!» (Напоминаю, что герои — десятиклассники.) Он же объясняет: «Начитались моралей! А кто не ворует?.. Я знаю, что они, врачи, налево делают. Только называют это иначе, а занимаются там же воровством!» (Это о людях, спасших герою жизнь.)

Вы, вероятно, не догадались, что Сергей — положительный герой, а Лешка — отрицательный.

Если взяться выписывать все «перлы», коими столь богата книга, то придется переписать две трети романа. Издательство оказало плохую услугу автору и читателям, дав путевку в жизнь произведению, над которым еще надо работать и работать.

Тамара ХАРЛАМОВА

МОСКВА

ПОЗДРАВЛЯЕМ ЮБИЛЯРА

Г. Н. ДЖИБЛАДЗЕ — 60 лет

Грузинскому писателю Георгию Николаевичу Джибладзе исполнилось 60 лет. Секретариат правления Союза писателей СССР, Совет по критике и Совет по грузинской литературе направили юбиляру приветствие, в котором говорится:

«От души поздравляем Вас с шестидесятилетием со дня рождения.

Широкие круги литературной общественности знают Вас как боевого критика-публициста, автора эссе и очерков о литературе и искусстве.

Большой популярностью пользуются Ваши книги «Критические этюды», «Проблема прекрасного в природе и творчестве», «Очерки художественного творчества», «Искусство и действительность», ставшие настольными учебными пособиями для студентов высших учебных заведений. Творчеству виднейшего грузинского революционера посвящена Ваша книга «Литературные взгляды Александра Цулукидзе».

Хорошо известна Ваша партийная и общественная деятельность в качестве секретаря Тбилисского городского комитета КП Грузии, редактора газеты, секретаря правления Союза писателей Грузии, депутата Верховного Совета Грузинской ССР.

Ваша многолетняя трудовая деятельность отмечена высокими правительственными наградами, Вы удостоены звания заслуженного деятеля науки республики.

Желаем Вам долгих лет жизни, крепкого здоровья и новых творческих успехов».

■

Литературно-критическая и общественная деятельность Георгия Джибладзе началась еще в студенческие годы, в начале тридцатых годов. Его перевел книге «Вопросы литературы» вышла в 1934 году. За этой книгой последовали другие. Критик обнаружил широкую эрудицию и глубокую образованность. Его имя вскоре стало популярным в Грузии.

Из года в год все напряженнее работал Георгий Джибладзе. Его труды отличаются глубиной мысли и яркой формой. Он разрабатывает проблемы грузинской, русской и западноевропейской эстетики. Георгию Джибладзе принадлежат фундаментальные исследования по вопросам прекрасного, возвышенного, трагического и комического, формы и содержания. Критик не боится трудностей, не обходит молчанием противоречия, напротив, указывает на них, дает интересное, научное освещение их и решает сложные проблемы эстетики. Надо сказать, что в разработке этих вопросов Георгию Джибладзе принадлежит одно из видных мест в советской литературе.

Мне нравятся его горячность, его страстность в споре и непреклонное стремление к истине, упорство при постановке и решении многих вопросов литературоведения, критики и эстетики. Георгий Джибладзе является автором почти трехсот работ, издал около тридцати книг. Многие из них переведены на русский язык — «Романтики и реалисты в грузинской литературе XIX века», «Искусство и действительность», «Принцип эстетического воспитания», «Педагогика высшей школы как наука» и другие.

Наряду с фундаментальными исследованиями Георгий Джибладзе много сил отдает текущей литературной критике, его веское слово о том или ином новом художественном произведении часто бывает первым.

Георгий Джибладзе исследовал творчество целого ряда грузинских классиков, а также классиков русской литературы — Пушкина, Лермонтова, Белинского, Толстого, Некрасова, Чернышевского...

В 19[illegible] году Георгий Джибладзе избирается академиком Академии наук Грузинской ССР. Он академик Академии педагогических наук СССР, профессор, доктор филологических наук. По совместному участию в работе Академии педагогических наук мне довелось еще ближе и лучше узнать, оценить и полюбить Георгия Джибладзе — литератора, ученого, человека.

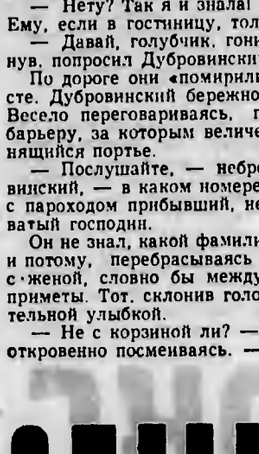
Сегодня Георгий Джибладзе находится в расцвете творческих сил. И мне доставляет особенное удовольствие пожелать ему во всех его трудах и днях большого счастья.

Дмитрий БЛАГОЙ,
член-корреспондент Академии наук СССР

«Литературная газета» присоединяется к этим теплым поздравлениям.

ОБЫЧНЫЙ ДЕНЬ

Сергей САРТАКОВ



Герой нового романа писателя Сергея Сартакова «А ты горн, звезда!», роману, которому его автор посвятил около восьми лет и сейчас завершает над ним работу, — видный революционер Иосиф Федорович Дубровинский. Имя этого замечательного человека недостаточно известно широкому читателю, особенно молодому. Может быть, еще и потому, что он не дожил до Октябрьской революции и события, происшедшие после его смерти (он погиб в туруханской ссылке 37 лет от роду), несколько заслонили собой происходившее ранее. Дубровинский был видным организатором революционного движения, близким другом В. И. Ленина в годы второй его эмиграции. Действие романа начинается с зарождения первых марксистских кружков в России и заканчивается периодом жестокой столыпинской реакции. И. Ф. Дубровинский — один из организаторов московского «Рабочего союза», агент ленинской «Искры». Он вместе с В. И. Лениным участвовал в создании газеты «Пролетарий» и был одним из ее редакторов.

В отрывке, публикуемом сегодня, — страницы из его жизни самарского периода.

Дубровинский издали любовался, как ловко жена управляется с дочкой. Вот уже и одела совсем, готовится кормить, на левой руке держит ее, правой — помешивает кашу в кастрюльке, а Верочка даже ни разу не пискнула.

Он любовался, а между тем думал. Как быть теперь? Малышка станет притягивать к дому, словно магнит. Но одно дело в ссылке, хотя бы в той же Астрахани, где за черту города, без риска оказаться в тюрьме, все равно нельзя было удаляться; другое дело — здесь, в Самаре, на свободе, с единственным ограничением: воспретить проживание в столицах. Теперь как раз, выполняя сложные и опасные поручения партии, не стоит долго задерживаться на одном месте, чтобы не мозолить глаза полицейским властям. Самое лучшее — ездить и ездить. Но ведь не станешь ездить вместе с женой и крохотной девочкой!

Анна понесла малышку укладывать спать, а Дубровинский, засучив рукава, взялся за стирку пеленок, чепчиков и подгузничков, отмокавших в тазу.

Он не успел закончить, как в дверь постучали. Дубровинский торопливо вместе с табуреткой поставил таз в угол комнаты, отвернул рукава и крикнул:

— Войдите!

А сам стеснительно уставился глазами в пол, по неумелости забрызганный мыльной водой.

— Николай Иванович! Что случилось? На вас лица нет!

Дубровинский сразу забыл обо всем, едва взглянул на вошедшего. Николаю Ивановичу Боброву, служащему казначейства, опытному искровскому агенту, поручалось встретить транспорт с литературой из Астрахани и проследить, чтобы он безопасно был доставлен на квартиру инженера-путейца Резнова, совершенно надежную квартиру. Явно стряслась какая-то беда.

— Что случилось, Николай Иванович? — повторил Дубровинский.

— Иосиф Федорович, простите... Здравствуйте! Анна Адольфовна, здравствуйте! — кивнул Бобров и в ее сторону. А сам держался рукой за левую половину груди. Видимо, очень спешил, бегом поднимался к ним по лестнице на второй этаж... — Несчастье... Не знаю, как и сказать... Словом, на пристани стою, дожидаюсь... Вижу, поднимается с корзиной человек... Точно по приметам, как вы описали. Значит, Трофимов... И корзина с правильными приметами... Тут бы мне к нему — паролями обменяться, откуда ни возьмись, за спиной урядник. Похлопал меня по плечу. И начинает о ком-то расспрашивать, не проходил ли здесь, дескать. Меня в жар: не о Трофимове ли спрашивает? Но слово за слово, понял: нет, не о нем. А пока мы с урядником объяснялись, Трофимов уже вышел в гору и за домами исчез. Соображаю: чувствует он себя беспокойно—никто с паролем к нему не подошел у пристани. Стало быть, думаю я, сейчас он рассчитывает только на себя. Адрес Резнова знает, конечно, и корзину все одно ему занесет. Но вдруг там, возле резновского-то дома, какой-нибудь шпик вертится. Или еще какая неожиданность подстерегает. Все одно надо пойти и мне туда. Ну, шагаю в гору так, чтобы подозрения не вызвать. Поднялся. Нет никого. В какой переулок свернул Трофимов? Я наугад в первый. Глядь, он и вправду, поодаль, там. И надо же — оглянулся! Прибавил ходу. Наверно, заприметил, как я с урядником разговаривал, и посчитал меня за филера. И вот идем, крутимся по переулкам, а я обычным шагом никак догнать его не могу. Подбежать бы — обязательно назло кто-нибудь мешает. Ударится Трофимов в бег, тогда все пропало. Мне бы, чудаку, лучше так и оставить его: иди, как знаешь. А я все думаю: нагоню. Так мы и мимо резновского дома прошли. Ну, ничего, переулков много, пропаримся, да все же сойдемся. А Трофимов вдруг на главную улицу круто свернул. И понимаете, Иосиф Федорович, вперся со своей корзиной в гостиницу...

— Боже мой! — воскликнул Дубровинский. — Это что же, в «Центральную»? Самая шикарная гостиница...

— Да, конечно, вид у него не для этой гостиницы! Себя кляну, дал маху, а он — так и почище моего! С отчаяния, наверно. Молодой, видать, в нашем деле опыта нет никакого.

— И как вы полагаете, Николай Иванович, где он сейчас? Неужели взял номер?

— То-то я дело, что взял! Раза два мимо подъезда я потихонечку прошелся и видел сквозь стекла, как с корзинкой он на второй этаж поднимался. А в «Центральной» этой подряд все служащие охранкой купленные. И вот вам новый промах товарища: вижу, идет Трофимов по лестнице и сам—понимаете, сам!—несет свой багаж, а коридорный гоголем шагает рядом. Выходит, побоялся Трофимов дать ему в руки корзину. А это уже обязательно подозрение! Видано ли в «Центральной», чтобы постояльцы отказывались от услуг!

— Вы правы, Николай Иванович! Надо что-то экстренно предпринимать. Но что?

Дубровинский в волнении заходил по комнате. Бобров стоял и горестно всплескивал руками: «Эх, и надо же такому случиться!»

— Ося, я все слышала, — сказала Анна, подойдя к нему. — Я ничем не могу пригодиться?

Он остановился: «Чем она может помочь?» И вдруг его озарило:

— Да, да! Аня, Николай Иванович, я придумал! Веруська спит?

— Спит.

— Прекрасно! Тогда так. Вы, Николай Иванович, как там хотите, а оставайтесь здесь, приглядывайте за Верочкой. Проснется — вы тоже отец, — сами знаете, что надо делать. Аня, покажи Николаю Ивановичу, где сухие пеленки. И пойдем, пойдем с тобой скорее!

— Иосиф Федорович!

— Ося!

Враз вскрикнули оба, Бобров и Анна.

— Идем, Аня, идем! — торопил Дубровинский. — Тебе все расскажу по дороге, а Николаю Ивановичу — когда вернемся. Ясно же, Трофимов в гостинице долго не задержится, раз убежден он, что за ним филер пристроился. И либо сам попадется вместе с литературой, либо бросит корзину и скроется. А это тоже не радость.

Схватил пиджак, взял Анну за руку, накинул ей на плечи праздничный цветистый платок и потащил из комнаты.

На первом же перекрестке Дубровинский купил два букета цветов. Один отдал жене, другой понес сам. Они вышли на главную улицу.

— Мысль у меня очень простая, — объяснил Дубровинский, прихорашивая пышные белые астры. — Мы встречали Трофимова на пристани и прозевали. Он, не зная нашего адреса, решил поселиться в гостинице. Мы искали, искали по городу и все же нашли его. Трофимов меня знает в лицо и, я думаю, сообразит, как себя надо вести в этом случае.

Он кликнул извозчика, проезжавшего мимо, посадил Анну, вспрыгнул сам.

— Гони, голубчик, к «Московской», — распорядился озабоченно.

Дубровинский громко выговаривал Анне: вечная копуша, никогда ничего вовремя не приготовит, за ворота выйти — полчаса перед зеркалом вертится. Упустили прибытие парохода. Где теперь найдешь Павла Семеныча? Какое огорчение ему причинили! Анна, войдя в роль, еще громче, чем он, всю вину валила на мужа, тупицу, который никогда ничего толком объяснить не умеет.

Так, в перебранке, они доехали до «Московской». Дубровинский выпрыгнул из экипажа, подал руку Анне. Она фыркнула и отказалась. Извозчик покачал головой: дамочка с характером.

Минут через пять Дубровинский вышел из подъезда обескураженный, разводя руками. Анна тут же набросилась на него:

— Нету? Так я и знала! Павел Семенович с причудами. Ему, если в гостиницу, только в самую лучшую...

— Давай, голубчик, гони в «Центральную», — вздохнув, попросил Дубровинский.

По дороге они «помирились» и вошли в гостиницу вместе. Дубровинский бережно поддерживал Анну под руку. Весело переговариваясь, приблизились к полированному барьеру, за которым величественно восседал тучный, лоснящийся портье.

— Послушайте, — небрежно обратился к нему Дубровинский, — в каком номере остановился у вас только что с пароходом прибывший, немного эксцентричный, чудаковатый господин.

Он не знал, какой фамилией мог назвать себя Трофимов, и потому, перебрасываясь незначительными репликами с женой, словно бы между прочим, сообщал портье его приметы. Тот, склонив голову набок, слушал со снисходительной улыбкой.

— Не с корзиной ли? — спросил, теперь уже и совсем откровенно посмеиваясь. — А позвольте: его фамилия?

— С корзиной? — удивился Дубровинский. И пропустил второй вопрос портье мимо ушей. — Нет, не думаю. Впрочем, это как раз в его духе. Он способен.

— Да, конечно, с корзиной! —воскликнула Анна. — Я просила тетю послать побольше самой лучшей тарани.

— Лидочка, ты прелесть! — сказал Дубровинский и поцеловал ей ручку. — Итак, в каком он номере?

— В двадцать седьмом, — ответил портье, становясь вежливо-серьезным. — Второй этаж, направо.

— Пожалуйста, распорядитесь, — Дубровинский многозначительно поднял палец, — распорядитесь подать туда шампанское, шоколад и ананас. Есть апельсины?

— Все, что прикажете, — с готовностью ответил портье.

Анна поспешила добавить:

— И миндаль. — Словоохотливо объяснила: — Нет, вы представляете: заехать сразу с парохода не к родным, а в гостиницу! Вот самолюбие! Вот чудачество! Как это можно?

— Ничего, Лидочка! Мы его все равно утащим к себе. Извозчика я не отпускал, — сказал Дубровинский.

Сделал благодарственный жест рукой — портье в ответ поклонился, — и они стали подниматься по лестнице.

Трофимов на их стук отозвался не сразу, и Дубровинский с тревогой подумал: не пытается ли он каким-нибудь образом избавиться от своего опасного багажа? А окликнуть его, назвать себя сквозь массивную дверь было бы неосторожностью. По коридору ходили неведомо какие люди. Наконец щелкнул замок. В узкой щели показалось бледное лицо Трофимова.

— Павел Семенович! — радостно закричал Дубровинский, заметив приближающегося коридорного. — Мы тебя ждем у себя, Лидочка пирогов напекла, а ты — скажите, пожалуйста! — в гостиницу! Ай-я-яй! Ну, с приездом! Да позволь же обнять тебя и поцеловать!

Коридорный пробежал мимо, и Дубровинский, освободив из своих объятий вытащенного из номера Трофимова, озорно подмигнул. Теперь можно было и войти в помещение. Трофимов, еще ошеломленный неожиданностью встречи, не знал, что делать. Заметался по комнате.

— Иосиф Федорович, — бормотал он испуганно, — бога ради, уходите скорее! Зачем вы здесь? За мной от самой пристани тащился хвост, я совершенно изнемог, вбежал сюда. Вот-вот может нагрянуть полиция. Я в отчаянии. Как быть с литературой? Бросить здесь? Сжечь? Но топка голландской печи выходит в коридор. Или попытаться вынести? Во всяком случае, бежать отсюда надо как можно скорее.

— Так и сделаем, Павел Семенович! Успокойтесь, прошу вас! — Дубровинский оглядывал номер: где же корзина? — Сделайте веселое лицо. И пойдемте. Но прежде в честь приезда вашего мы выпьем шампанского. Сядьте к столу, шампанское сейчас принесут. А насчет хвоста — это был наш человек.

— Да что вы? — озадаченно воскликнул Трофимов. — Нет, нет, тот, что преследовал меня, — явный шпик.

— После я вам все объясню, Павел Семенович! Забрели вы, прямо скажем, в очень неподходящую гостиницу: извините за вольность, словно бы сели нагишом в муравейник. Но ничего, только, пожалуйста, спокойнее и веселее. Где корзина?

— Я задвинул ее под кровать.

Анна захлопала в ладоши:

— Браво! Браво! Несут шампанское,.— и кинулась на шею Трофимову, — Какой вы противный! Ну расскажите же, расскажите, как там поживает тетя? Все молодеет? Прислала с вами тарань?

Коридорный в белом фартуке, с полотенцем, переброшенным через руку, согнутую в локте, расставлял на столе ведерко с замороженным шампанским, тарелки с шоколадом, очищенным миндалем, нарезанным ананасом. Из буфета, стоящего у стены напротив кровати, прикрыто шелковым покрывалом, достал три нарезанных алмазной гранью бокала, обмахнул их полотенцем.

Рис. В. КРАСНОВСКОГО

— Прикажете открыть? Или обожаете сами? — обратился к Дубровинскому, с некоторым сомнением оглядывая очень уж просто одетую компанию, но в то же время сделавшую столь изысканный заказ.

— Открой, голубчик! — попросил Дубровинский. — Только поосторожнее, мадам всегда очень боится. И поставь четвертый бокал.

Хлопнула пробка, ударилась в потолок и покатилась по полу. Пенную струю шампанского коридорный ловко направил в бокалы.

— В четвертый не наливать? — осведомился он у Дубровинского.

— Наливай! Наливай, голубчик!—и подал ему бокал.— Выпей с нами. Радость у нас необыкновенная. Такой человек! Слава отечества! Два года с ним не виделись. Да на пристани проворонили. Хорошо, хоть здесь сразу нашли. — И погрозил пальцем Трофимову: — Ну нет, все равно я тебя сейчас увезу. За здоровье твое! И с благополучным прибытием!

Подняли бокалы торжественно. Анна ласкала Трофимова глазами. Коридорный тоже старательно тянул руку вверх. Черт их разберет, интеллигентов! Кто шпана в цилиндре и при лайковых перчатках, а кто инженер... Бывает даже, и миллионер в косоворотке случится. Эти — явные чудаки. Выпить вместе с ними просят. Почему и не выпить?

— Благодарствую, здоровья вам крепкого, господа! — сказал, ставя пустой свой бокал на край стола и не решаясь наряду с другими закусить шоколадом.

Анна это заметила, отломила половину плитки, сунула ему в руку. Сама принялась грызть миндаль.

— Будут еще приказания? — спросил коридорный, пятясь к двери.

— Будут, — беспечно махнул рукой Дубровинский. — Через десять минут зайдешь, снесешь вниз багаж и за номер рассчитаешься. Да посмотри, не уехал ли там мой извозчик.

Вытащив из бумажника кредитку, с лихвой покрывавшую не только оплату номера, стоимость ресторанного заказа и услуг, но и самые сверхщедрые чаевые, небрежно бросил ее на стол...

— Что вы, Иосиф Федорович! — в испуге проговорил Трофимов. — Как можно в чужие руки отдавать корзину? Я сам ее вниз снесу.

— Нет, увольте, Павел Семеныч: то, что ее наверх сами внесли, неизвестно чем еще обернется. Ну, доставайте ее из-под кровати, наше сокровище! — Дубровинский взвесил на руке корзину. — Ого! Тяжеленько. Могу себе представить, как она вас напарила, пока вы от филера убегали. Вернее, не от филера, а к филерам. Ими вся эта гостиница набита. Вот только сойдет ли сей груз за тарань? — спросил сам себя озабоченно, еще раз приподнимая корзину. — Сушеная рыба весит легче. Скажем вслух при коридорном, что на дне лежат еще банки с икрой... Фью! — вдруг свистнул он и хлопнул себя по карману. — А я тоже хорош! Единственную кредитку отдал коридорному. Чем же с извозчиком буду рассчитываться? У вас нет денег, Павел Семенович?

— Найдутся. Что вы, Иосиф Федорович!

— Тогда и гора с плеч, — он взял тарелку с нарезанным ананасом, предложил жене, Трофимову: — Угощайтесь. Правда ведь, вкусно? Не помню даже, когда я ел ананасы. И ел ли вообще?

— Ося, а что если я возьму этот миндаль с собой? — нерешительно спросила Анна. — Чего же зря добру пропадать!

Дубровинский рассмеялся. Лихо истраченная кредитка ощутимо скажется на бюджете ближайших дней. Горсточка орехов этой потери не уравновесит, но Аня так любит миндаль!

— Возьми, конечно! Только чуточку и оставь. Тот, кто подчистую все съедает с тарелок, уважением здесь не пользуется.

Постучался коридорный:

— Ваша милость, все готово. Постоялец из восемнадцатого, купец уфимский, извозчика вашего хотел отбить, но я сказал: «Мои господа тебе лучше заплатят». Несть можно вещи?

— Неси, — разрешил Дубровинский.

И коридорный подхватил корзину.

— Эка ты, неловкий, брат! — закричал Трофимов, подбегая к нему. — Бери осторожнее. Там на дне стеклянные банки с икрой.

— Не извольте сумневаться. Доставим в сохранности.

А сам почесал в затылке. Видимо, что-то его беспокоило, хотелось и сказать, и не сказать. Он опустил корзину, совсем уже было рот открыл, да передумал, вновь кинул ее себе на плечо, распахнул дверь и побежал вниз по лестнице.

— Барин, куда теперь? — спросил извозчик, когда все уселись в экипаж, а корзина была устроена между ними. — Я ведь полдня целых с вами езжу, — добавил он со значением.

— Овес-то ноне почем? — шутливо кинул Дубровинский, припомнив, как ему однажды пришлось торговаться с московским извозчиком.

— То-то и есть, что шибко подорожал, — серьезно ответил извозчик.

— Не обидим. Давай гони на Степную, — сказал Дубровинский так, чтобы услышал коридорный, все не отходивший от экипажа и отбивавший поклоны.

Подковы звонко зацокали по булыжной мостовой. Верх экипажа был откинут. Дубровинский усадил Трофимова рядом с Анной на обитое кожей пружинящее сиденье, а сам, к ним лицом, пристроился на узенькой скамейке за спиной извозчика. Ему хорошо была видна убегающая назад улица, подъезд гостиницы и коридорный, почему-то столбом вросший в землю на месте, где они с ним расстались. Позади катились еще экипажи, пролетки, сами они обгоняли ломовиков, и гостиница, фигурки людей возле нее, отдаляясь, становились все мельче.

И тут, в какой-то момент, когда совсем бы исчезнуть гостинице из поля зрения, Дубровинский заметил, как к муравейно маленькому коридорному быстро подошли трое и он энергично замахал руками, должно быть, что-то им объясняя.

— Голубчик, знаешь, сверни сейчас на Почтовую, — Дубровинский постучал в спину извозчика, — Надо заехать к Ивану Ивановичу.

— На Почтовую, так на Почтовую, — согласился возница. — Только ранее надо было сказать: крюк большой загибать придется. А по мне — так хоть всю Самару наскрозь проехать.

— Заплатим, — сказал Дубровинский.

И принялся сочинять какую-то нелепую, но веселую историю, заставляя своих спутников заливисто хохотать, где от души, а где и по прямой подсказке.

На Почтовой он забежал в незнакомый двор, постоял там несколько минут и вышел разочарованный: «Нету дома Ивана Ивановича!» Потом дал извозчику еще один адрес, и экипаж, тяжело поскрипывая рессорами, принялся колесить по пыльным переулкам. А где именно, Дубровинский не представлял — Самару он знал еще плохо.

— Через Саратовскую поедем? — спросил извозчик, оглядываясь.

— Можно и через Саратовскую, — небрежно сказал Дубровинский.

И тут подумал: неожиданно кстати. Резнов живет как раз на Саратовской. Только в каком конце они выедут на эту улицу? Переглянулись и Трофимов с Анной. Она уже изнемогала от беспокойства: скоро проснется Верочка. Ах, надо ли еще мотаться по разным переулкам!

— Не поехать ли нам прямо домой? — предложила она. — А друзей своих мы потом соберем. Я что-то очень устала.

Дубровинский понял намек. Великолепно! На Саратовской всегда можно перехватить другого извозчика. А сойти все же надо где-нибудь в переулке.

— Высезжай на Саратовскую! — приказал он извозчику. — А там я покажу, куда. Лидочка, извини, мы тебя с Павлом Семенычем действительно замотали.

Номера домов все нарастали. Скоро будет № 108, дом Резнова. Осталось, пожалуй, квартала три...

— Поворачивай направо! — в ближайшем переулке Дубровинский облюбовал красивый деревянный особнячок, обнесенный палисадником. — Вот и наш дом. Приехали! Павел Семеныч, расплачивайтесь, ваша очередь. Лидочка, дорогая, руку дай!

Они постояли у палисадника, делая вид, что все еще продолжают свою веселую болтовню и потому не входят во двор, а когда извозчик скрылся за углом, Трофимов виновато проговорил:

—Какую ужасную ошибку я допустил! Не приди вы на помощь, не знаю, чем бы все это кончилось.

— Хвалить я вас не могу. Но и бранить тоже. Сколько товарищей наших в тюрьмах сидят, в ссылках томятся. А почему? Каждый из них, коли попался полиции в лапы, сделал ошибку. Мы сегодня выпутались из беды, значит, ошибки не сделали. А урок получили хороший. Берите корзину и несите Резнову. Дом вы знаете, мимо него уже проходили. Долго стоять нам здесь на одном месте негоже. На Саратовскую выйдем все врозь, редкой цепочкой, вы посередине. А потом мы с Анной подхватим лихача — и к себе...

Дома у них, в полном отчаянье, бегал Бобров с Верочкой на руках. Она проснулась сразу же после ухода родителей. Верочка на материнских руках успокоилась. А потом целую ночь напролет разговаривали. Вдруг по-особому ясной предстала сложность их нового бытия. Жизнь, словно заколдованный круг, замыкалась на одном: как же Верочка? И Таля, которая пока у бабушки? Рискуя собой, они в еще большей степени рискуют детьми. Когда они вместе.

Значит... Значит, им, мужу с женой, неизбежно надо на время расстаться.

К 70-летию со дня рождения Симона Чиковани

Уже в 20-е годы, в первых своих произведениях, Симон Чиковани обращается к темам, связанным с революционной новью, с победой Советской власти в Грузии. Творчество поэта-гражданина, большого мастера, взыскательного художника, отмеченное печатью светлого таланта, пронизанное пафосом жизнелюбия, высоким чувством советского патриотизма, навсегда вошло в сокровищницу нашей многонациональной литературы.

Белла АХМАДУЛИНА

«ПРЕКРАТИМ ЭТИ РЕЧИ НА МИГ...»

ДАЖЕ ЕСЛИ его собеседник не имел других заслуг и отличий, кроме замечательно круглых и румяных молодых щек, а также самоуверенной склонности объединять все слова в свадебные союзы созвучий, — даже и тогда он заботливо склонял к нему острое, быстрое лицо и тратил на него весь слух, видимо, полагая, что человеческие уста не могут открываться для произнесения вздора. Щеки, вздор и угрюмое желание зарифмовать все, что есть, были моим вкладом в тот день, когда Антокольский среди московского снегопада ни за что ни про что — просто моя судьба счастливая! — впервые дарил мне Чиковани. Почему-то снег сопутствовал всем нашим последующим московским встречам, лето оставалось уделом его земли, и было видно при снеге, что слово «пальто» превосходит солидностью и размером то, что накидывал Чиковани на хрупкую худобу, — так, перышко, немного черноты, условная дань чуждой зиме. Так же как его «дача», его загородные владения не имели ни стен, ни потолка, ни других тяжеловесных пустяков, ничего, кроме сути: земли, неба, множества фиалок и разрушенной крепости вдали и вверху, на горе.

Обремененный лишь легкостью снлуата, он имел много удобств и преимуществ для того, чтобы «привлечь к себе любовь пространства»: оно само желало его, втягивало, само трудилось над быстрым лётом его походки и теперь совершенно присвоило, растворило в себе. Эта выдумка поэтов о «любви пространства» применительно к ним самим — совершенная правда. Я уверена, что не только Чиковани любил Горвашское ущелье, Атени, Алазань, но и они любили его, отличая от других путников, и по нему теперь печалится Гремская колокольня.

Теперь и сам я думаю:
ужели
по той дороге, странник
и чудак,
я проходил?
Горвашское ущелье,
о, подтверди, что это было
так!

Так это и было, он проходил, и мир, скрывающий себя от взора ленивых невежд, сверкал и сиял перед ним небывалостью причуд и расцветок. Опасно пламенели оранжевые быки, и олени оставляли свои сказочные должности, неуместно включаясь в труд молотьбы на гумне. Не говоря уже о бледной чьей-то невесте, которая радугой вырвалась из скуки одноцветья и предстала перед ним, «подобная фазану»; таинственная и ослепительная. Разум его, затуманенный волшебством сновидений, всегда был зорок и строг.

Мне снился сон — и что
мне было делать?
Мне снился сон —
я наблюдал его.
Как точен был расчет —
их было девять:
дубов и дзвое. Только
и всего...
Я шел и шел за девятью
морями,
Число их подтверждали
неспроста
девять ворот, и девять
плит Марабды,
и девяти молодцва чистота.

Казалось бы, что мне в этом таинственном числе «девять», столь пленительном для грузинского воображения, в дэвах, колодцах, в горах, напоминающих «квеври» — остроконечные сосуды для вина? Но еще тогда, при первом снегопаде, он прельстил меня, заманил в необъяснимое родство, и мой невзрачный молодой ум впервые осенила догадка, что нет радости надежнее, чем талант другого человека, единственно позволяющий быть постоянно очарованным человечеством. Чиковани уехал в Тбилиси, а я осталась здесь — его влюбленным и прилежным братом, и этого неопределенного звания мне навсегда хватит для гордости и сиротства. Тяжкий, драгоценный, кромешный труд перевода в связи с Чиковани был для меня блаженством — радостью было воспроизвести в гортани его речь:

И, так и не изведавшая
муки,
ты канула, как бедная
звезда.
На балом муле, о,
на белом муле
в Ушгули ты спустилась
навсегда.

Тайна этой легкости подлежит простой разгадке. У Чиковани и в беседах, и в мимолетных обмолвках, и в стихах предмет, который он имеет в виду, и слово, потраченное на определение предмета, точно совпадают, между ними нет разлуки, пустоты, и в этом счастливая выгода его слушателя и переводчика. Расплывчатость рассуждений, обманная многозначительность— вот где хлебнешь горюшка.

Но я не хочу говорить о стихах, о переводах. В этом разберутся другие, многоученые люди. Я вообще предпочла бы молчать, любить, вспоминать и печалиться, отозвавшись на его давнее приглашение к тишине, надобной природе для лепета и бормотания:

Прекратим эти речи на миг,
пусть и дождь свое слово
промолвит,
и средь тутовых веток
немых
очи дремлющей птицы
промоет.

Еще один снегопад был между нами. Какая была рань весны, рань жизни — еще снег был свеж и силен, еще никто не умер в мире — для меня. Снег, деревья, фонари, в теплых сенях — беспорядок объятий, возгласов, таянье шапок.

— Симон и Марика! (Это Чиковани.) Павел и Зоя! (Это Антокольские.)

Кем приходятся мне эти четверо? Какое точное название даст им душа, обмершая в нестерпимой родимости и боли?

Там, пока пили вино и долгий малиновый чай, читали стихи и сетовали на малые невзгоды жизни, был ли мне дан, из другого, предстоящего возраста, знак, что это беспечное сиденье впятером вкруг стола и есть счастье, быстролетящая драгоценность обстоятельств, и больше мне так не сидеть никогда?

В глаза чудес,
исполненные свата,
всю жизнь смотрел я,
не устав смотреть.
О, девять раз изведавшему
это
не боязно однажды умереть.

Из тех пятерых, сидевших за столом, двое нас осталось, и жадно смотрим мы друг на друга.

Иногда юные люди приходят ко мне. Что я скажу им? Им лучше известно, как соединять воедино перо, чернила и бумагу. Одно, одно лишь надо было бы сказать — пусть ненасытно любуются лицами тех, кого любят. В сослагательном наклонении так много печали: ему сейчас исполнилось бы семьдесят лет. Но я ничего не говорю.

Как миндаль облетел
и намок!
Дождь дорогу марает
и моет —
ато он подает мне намек,
что не столько я стар,
сколько молод.
Слышишь? — а тутовых
аетках немых
голос птицы свежее и резче.
Прекратим эти речи на миг,
лишь на миг прекратим
эти речи.

ПАРАДОКС О ЗРИТЕЛЕ

Г. ТОВСТОНОГОВ,
народный артист СССР

Четырнадцатый конгресс Международного института театра (МИТ) ЮНЕСКО, состоявшийся два года назад в Лондоне, был посвящен проблеме «Театр и зритель». «Зритель — друг или враг театра!» — таков был основной вопрос, обсуждавшийся на конгрессе.

На очередном, пятнадцатом конгрессе МИТ, который на днях откроется в Москве, одной из главных станет проблема контакта зрительного зала со сценой.

Статья Г. А. Товстоногова и посвящена этой проблеме.

ДВА ГОДА назад в Лондоне молодая труппа театра «Янг-вик» показала участникам конгресса Международного института театра спектакль, специально посвященный взаимоотношениям коллективного художника — театра — и его зрителей. Как ни парадоксально это на наш взгляд, но взаимоотношения эти были весьма просты: актеры откровенно пренебрегали зрителями, более того — ненавидели их. Спектакль завершался криками ярости всех его участников, на сцене гас свет, клубы удушливого дыма летели в зрительный зал.

Надо ли говорить, что для нас, советских художников, зритель всегда — друг, что мы озабочены совсем иной проблемой. Нам важно найти способы воздействия на зрителя, определить пути к его сердцу.

И потому, когда я думаю о неубывающей силе театра, то прежде всего анализирую природу контакта, возникающего между сценой и зрительным залом.

Самое удивительное в театре — контакт.

Контакт сцены и зрительного зала, человека на сцене и человека в зале. Не перестаю поражаться ему, мне кажется — в этом контакте сама овеществленная поэзия, тот редкий случай, когда поэзию можно пощупать!

Мы накопили огромный опыт определения тональности зрительного зала и наших с ним отношений. Но это эмпирический опыт, если можно так сказать, на руку, на глаз, на свет. Так пробовали воду до изобретения термометра. Только теперь мы подходим к научному исследованию характера контакта.

Я всегда считал, что поэзия, в том числе и поэзия театра, подвластна не темным, «неподвластным» силам, а, говоря словами Пушкина, святому солнцу разума. Когда в рассуждениях некоторых критиков о театре я слышу тоску по якобы ушедшему «божественному началу», мне видится здесь кокетство фразой, жеманство. Мне кажется, что в этих сетованиях происходит подмена понятий: в от театра требуют некоего шаманства.

Истинное «божественное начало» — не что иное, как чудо творчества, совершаемого на глазах и при участии зрителя. Оно из театра никогда не уйдет, поэтому к театру приложимы такие слова, как «магия», «волшебство», без них большого искусства нет вообще. Но встречи со зрительным залом нередко опровергают наши прогнозы, наше программирование, вносят коррективы в наши замыслы и стремления.

К сожалению, именно та область театра, куда входят понятия «зритель», «контакт», изучена меньше всего. А ведь она-то и является решающей в определении общественного предназначения сценического искусства.

Теперь только понимаю всю справедливость слов К. С. Станиславского: «...вслед за изучением сценических чувств актера должно прийти и изучение чувств зрителя — изучение зрительного зала».

«Должно прийти» — он думал о будущем, в его время еще не было научного инструментария для такого изучения. Но такой инструментарий появляется, — так не будем же знахарями в отношении к полноправному сотворцу спектакля, нашему зрителю! Право же, он заслуживает большего.

КАК БЫ я этого ни хотел, уже не могу думать лишь в категориях театра! Время напрочь сломало не только границы между искусствами, но и между искусством в целом и всей сферой общественных наук. Между тем театр все еще остается, на мой взгляд, излишне замкнутым в себе, обособленным в значительно большей степени, нежели это необходимо для его профессионального развития.

Разве можем мы сказать, положа руку на сердце, что закладываем в программу наших будущих действий (то есть, короче говоря, наших будущих спектаклей!) всю сумму необходимой информации, куда входит и представление о социальном составе зрительного зала, и точный учет сегодняшнего ненасыщения зрителя знанием актуальных проблем в тех областях жизни, из которых взяты коллизии пьесы, и прочее, и прочее?

Существуют законы отношений.

Один из героев Чехова, писателя, наделенного пророческим чувством театра, говорит: «Не знаю, что будет через пятьдесят — сто лет, но при настоящих условиях театр может служить только развлечением». Эту мысль о современном ему театре Чехов повторял не раз, она числилась в разряде его выстраданных мыслей. Известно, театр изначально соединяет в себе развлечение и учение. Чехов, конечно, это знал, горечь его относилась к подавляющей доле развлечения в этом двуединстве, к лишению театра его общественной миссии.

Зритель приходит непременно с целью развлечься в театр, который он не уважает. Но этот же зритель первый перестает ходить в театр, который его только развлекает.

Зритель не ходит и в тот театр, который только учит.

Да, театр — кафедра, но опосредствованная увлекающей формой. Иначе лучше ходить в университет. Зритель идет в театр, чтобы его увлекли (я имею в виду большинство зрителей, определяющее общую температуру зала), чтобы его повели за собой. И в этом смысле развлечение не грех, если понимать это единое как владение театром всеми своими чудесами, как умение театра подчинить всю свою мощь образному выражению главной мысли, идеи.

Тут вечное единство противоположностей! Тут не идиллическое сосуществование, — тут борьба! Она в спектакле, в каждой его сцене, в каждом месте актера! Но борьба на сцене — это следствие борьбы между сценой и публикой. С первой же реплики спектакля и даже еще до первой реплики начинается сражение театра за свое право быть воспитателем, носителем общественно значимой мысли.

Театр никогда не сможет неким «волевым» решением отменить свою развлекательную функцию — это было бы для него равносильно самоубийству. Но, увы, театр может оказаться побежденным в этом сражении, решившись начать только развлекать и развлекать зрителя, изгоняя со сцены всякую серьезную мысль.

Беда и грех театра — погоня за кассовостью, за «верняком», стремление заранее угадать, что зритель будет «кушать», а что нет. Такой подход и рождает развлекательность низменного пошиба. Она порой приносит успех у эстетически отсталой части публики, но успех этот недолговременный. Некоторое время все будут довольны, но потом придет возмездие. Оно придет, как я уже сказал, из того же зрительного зала.

В этом, если хотите, **парадокс зрителя**. (Я говорю так по аналогии с «Парадоксом об актере» Дени Дидро. «Парадокс о зрителе» еще ждет своего автора.)

ДА, В РАЗНЫЕ времена установка зрителя на развлечение может то повышаться, то понижаться, и мы в театре обязаны чутко учитывать эти изменения. Например, сейчас, мне кажется, возрос интерес публики к музыкальным спектаклям в драматическом театре, от водевиля с куплетами до мюзикла. Не беру на себя смелость утверждать, что знаю причины такого явления, но думаю, что здесь сказываются и растущее материальное благополучие, и стабильность жизни, уверенность наших людей в завтрашнем дне, в мире, одним словом, здесь проявляется социальный оптимизм.

Но здесь отражается и другое: уже воспитанная телевидением массовая привычка к языку танца, гимнастики, спортивным праздникам, микрофонным певцам, фестивалям песни, выступлениям многочисленных танцевальных ансамблей.

Как легко в этих условиях драматическому театру пойти навстречу желаниям публики! И я вижу, как некоторые театры не то что идут, — кидаются навстречу! Кажется, стало уже неприличным не иметь в репертуаре своего мюзикла.

Да, необходимо учитывать желания публики. Но театр, имеющий свой взгляд на жизнь и искусство, станет проводить его в любом жанре, в том числе и в мюзикле. Театр же, такого взгляда не имеющий, подчинится моде со всем возможным легкомыслием. Это тревожно, это более тревожно, чем многие полагают!

Чем глубже мысль автора, тем больше усилий должен потратить театр, чтобы заворожить зрителя, настроить его на свою волну и сделать его соучастником открытия — ах, вот это про что! На этом пути лежит и радость узнавания, всегда идущая от неожиданного хода, а не от натуралистического сходства. Тогда и сопереживание, и контакт. Добыть зерно истины на глазах у зрителя — вот путь к взаимному уважению, заключенному в слове «контакт».

Недавно, когда в нашем театре мы ставили «Хануму», спектакль нельзя было считать решенным, пока в печальных глазах окруживших сцену персонажей картин Пиросмани, в замедленных, словно воспоминания, танцевальных интермедиях не возникла «вторая материя», как бы смущавшая зрителя.

Я сказал — «смущавшая зрителя», припомнив пушкинское «старца великого тень чую смущенной душой». Во всем, что мы делаем, душа зрителя должна почувствовать это смущение мыслью, ее беспокойство.

Вопрос: «Не беспокоит?» — из лексикона парикмахера, а не художника.

Спектакль драмы — зов, то трубный, то тайный, зов к высшему пониманию жизни, это пауза в стремительно движущейся повседневности, предназначенная для ее познания. Но необходимо вдуматься в значение в современном сценическом искусстве **ассоциации** как инструмента высокой мысли.

МНЕ кажется, в понимании, да и в самом определении ассоциативного начала контакта театра и зрителя существует еще много поверхностного, примитивного, просто безграмотного. На одном из обсуждений спектакля режиссер с гордостью сказал:

— Наш спектакль верный — он не вызывает никаких ассоциаций!

Увы, это не придуманная шутка для «Клуба 12 стульев»!

Даже неловко повторять, что искусство ассоциативно изначально, по своей природе, что оно не есть жизнь, но отражает жизнь, в том числе и при помощи сложнейшей системы ассоциаций, вызываемых у зрителя, читателя, слушателя. Естественно, что я не имею в виду те поверхностные, нарочитые намеки, те грубые аллюзии, которые создают кажущееся ощущение современности произведения, на самом же деле оказывающиеся попросту пошлостью. Я говорю о глубоких и широких ассоциациях, которые вызывают верный отклик в душах зрителей и без которых искусство немыслимо вообще.

Важно, куда направит театр зрительские ассоциации, насколько он искусен как художник, как штурман, прокладывающий путь духовным токам, посылаемым со сцены в зрительный зал. Если театр вдохновлен **важной гражданской темой**, обладает слухом на реальные, волнующие общество проблемы и жаждет исправлять нравы, учить, воспитывать, то ассоциации, возникающие на спектакле тонко, тактично, с непременным расчетом на самостоятельную зрительскую мысль, направят ее в нужное русло.

Но для того чтобы зритель пошел за исполнителем, в зале должен образоваться климат доверия — необходимое условие диалога.

Что образует этот климат?

Основа основ психики зрителя — его личный опыт. Свой молчаливый диалог зритель начинает всегда с конкретного. Аналогии с конкретными людьми, ассоциации с положениями, так или иначе ему знакомыми. Это трамплин для прыжка его воображения. Такова закономерность начала нашего контакта. Театр, который начнет с того, что предложит зрителю нечто, не имеющее никаких связей с его жизнью, потерпит фиаско в своей главной задаче — тронуть зрительскую душу. Такое случается, и нередко.

Как же рождается доверие зала? Мой опыт говорит о том, что происходит это по-разному.

Скажем, спектакль «А зори здесь тихие...», поставленный Ю. Любимовым. Он завоевывает сразу. С первых секунд. Мы видим девушек в гимнастерках, с винтовками в руках, мерно покачивающихся в такт движению грузовика, — и вот уже между сценой и залом протягивается первая ниточка доверия. Так все достоверно, так легко узнаваемо и в то же время так поэтично...

Итак, на первом этапе театр завоевал зрителя. Что дальше?

А вот дальше и начинается главное! То, ради чего человек пришел в театр, ради чего мы пригласили его в зал. За узнаванием следует процесс постижения жизни, воссоздаваемой на подмостках, процесс соучастия зрителя в жизни, творящейся на сцене. И, следовательно, окончательный и подлинный контакт сцены со зрительным залом. На спектакле «А зори здесь тихие...» контакт возникает очень прочный. Ассоциативный ряд точен и последователен.

Человек в зале недоволен, когда его опыту не за что зацепиться, когда нет узнаваемого. Вот-вот с его уст сорвется сакраментальное: так не бывает! Но попробуйте оставить его лишь с тем, как бывает, — он почувствует себя обделенным!

Лев Толстой говорил: без новизны нет искусства. Одно из самых прекрасных и сильных чувств, вызываемых театром, — чувство неожиданности, исключительности, внезапности.

Открылась сцена, и началась **внезапность**.

В чем же она, эта желанная новизна? Прежде всего в личностном, уникальном взгляде художника на жизнь. В нашем случае — коллективного художника, театра. Это каждый раз новое осмысление того, что, может быть, уже тысячи раз осмыслено. Мы обязаны предложить тысяча первое. Поль Валери говорил: что нового можно сказать о розе? Тысячи стихов, миллионы определений. Но приходит художник и говорит о цветке что-то такое, что возвращает ему первозданную свежесть.

Так и театр!

Зачем берем мы слово в диалоге со зрителем: чтобы присоединиться к предыдущему оратору? Нет. Чтобы сказать свое и впервые!

Я согласен с Андреем Гончаровым, когда в своей статье в газете «Правда» он говорит: «Чем больше нового узнает от нас зритель, тем больший интерес представляет для него спектакль. Контакт между сценой и зрительным залом не возникнет, если режиссером не будет найден образный эквивалент для выражения процессов и проблем действительности, если определенное отношение к миру не будет выявлено языком сценических метафор, гипербол, символов». Справедливо — в этом случае пусто не рождается художественное произведение.

Но я хотел бы продолжить мысль. Контакт, его интенсивность, доброкачественность зависят, мне думается, и от того, в какой мере театру удается вычленить реальные общественные конфликты, и от того, насколько он способен предугадывать их. Увидеть то, что только зарождается, но, как говорят, носится в воздухе. Разглядеть тип человека, еще не слишком часто встречающийся, но уже решительно заявляющий о своем существовании...

Я не открываю Америки, театр — кафедра в гоголевском понимании — всегда основывался на обостренной чуткости к самому направлению общественного развития. Но есть истины, которые не тускнеют от повторения!

Если театр по отношению к процессам и проблемам действительности займет позицию «последнего выступающего в прениях» — после информации, прозы, публицистики, поэзии, то в глазах зрителя он окажется вторичным искусством. Такой театр осознанно или стихийно займется имитацией конфликтов и проблем или же, не мудрствуя лукаво, примется за знакомое ремесло развлечения ради развлечения...

ОСОБЕННО ЖЕ разделяю мнение А. Гончарова, высказанное им в той же статье: «Что бы мы ни ставили — пьесу, только что написанную или классическую, советскую или зарубежную, — мы ищем живые контакты с современностью, с ее актуальными проблемами. Вне этой темы не существует искусства вообще».

Ведь что такое контакт зрителя со спектаклем по классической пьесе?

Прежде всего сопереживание! Иного не дано.

Если зритель отнесется к героям классической драмы «со стороны», с этаким чувством превосходства человека семидесятых годов нашего века по отношению к людям, жившим сто или двести лет назад, — можно смело предсказать такому спектаклю недолгую жизнь. Недолгую и бесславную.

Когда мы ставим классическую пьесу, наш «рабочий» подход может быть только один: мы ставим пьесу, только что написанную сегодня. Это «сегодняшнее» нужно не для «модернизации», о пошлости такого приема я уже говорил, а для более глубокого проникновения в «связь времен», в эпоху, о которой писал автор. Здесь равно важны обе временные координаты: «сегодня» и «о прошлом».

Необходима гармония!

Постановка классической пьесы — наглядное восстановление связи времен, напоминание нынешним людям, что они дети своей страны, причастные к ее истории, и что они дети человечества, которое не сегодня родилось и не завтра погибнет. И в то же время это ответ на мучающие их вопросы. Поэтому новый взгляд на классическую пьесу — не личный взгляд театра и режиссера. Они ищут ее в зрительном зале, ее надо обнаружить, а не сочинить. «Слух на время» — вот где проявляется субъективность театра. Перечитывая в разных своих возрастах «Войну и мир», человек по-разному воспринимает идеи и образы бессмертного романа. Так и театр. Он своими средствами читает классическую пьесу и всякий раз относится к «Гамлету» по-новому. Можно перефразировать известный афоризм: покажите мне, как вы ставите «Гамлета», и я скажу, кто вы! Это же можно сказать и о «Чайке», и о «Грозе», и о «Горе от ума»... Каждые пять — семь лет можно ставить эти пьесы, и каждый раз будут меняться акценты спектакля. При этом театр отнюдь не нарушает верность автору, ибо она — категория историческая, диалектичная, а не нечто раз навсегда данное.

Вот, кажется мне, наглядный пример переосмысления классического произведения во времени. Это две постановки «Трех сестер» в Художественном театре. Нужно ли напоминать, что первая из них, принадлежавшая 1901 году, составила эпоху в развитии всего русского искусства, что она вошла в театральную историю примером глубочайшего постижения пьесы А. П. Чехова? Это было произведение сценического искусства, идентичное по значимости произведению драматургии.

И вот тот же театр заново прочитывает ту же пьесу через три с половиной десятилетия. Этот спектакль был, вероятно, не менее талантлив. Но это уже был совершенно иной спектакль, со светлым финалом: знаменитая финальная его мизансцена окутана светом. Так проявлялось ощущение театром времени, его «слух на время».

Этот «слух на время» необходим. Так же как необходимо театру усвоить ценности, накопленные всем развитием культуры за время, прошедшее после написания пьесы. В противовес невежеству неофитов, которое может сыграть с театром злую шутку, впрочем, так же как и со зрителем, не подготовленным к восприятию сложных философских построений, всего конгломерата идей великого произведения.

НАШ ДИАЛОГ со зрителем многообразен. «Словарный запас», если можно так сказать, ассоциативных возможностей зрителя за последние годы пополнился, стал более подвижным и гибким. Театр воспользовался этим обстоятельством и, черпая отовсюду, и раньше всего из неисчерпаемых кладовых своих исторических запасов, предлагает сегодня зрителю поистине безграничную палитру выразительных средств и способов контакта. С чувством радостного удовлетворения слежу за тем, как растет и углубляется у зрителя понимание условности современного театра. Сегодня зритель легко и непринужденно воспринимает сложные сценические метафоры, игру декорационных конструкций, смещения времен, монтаж эпизодов... Когда в одном случае сценическое действие замыкается в пределах «четвертой стены», а в другом происходит «на семи ветрах» и сцена включает в себя вселенную, зритель равно [illegible] принимает это. Правда, при одном непременном условии: если все, что происходит, оправдано авторским замыслом и тем художественным и идейным итогом, к которому театр ведет.

Убежден, одно из предназначений театра наших дней — философское воспитание зрителя. Не знаю, есть ли в психологии такой термин: «[illegible]», но [illegible] на это сцена должна способствовать. Человек приходит к нам на три-четыре часа из невероятно уплотненного времени, из бега, гонки бытия, из многолюдности, перенасыщенной информацией. [illegible] «хлебы дня» не хуже — лучше, чем театр! Театр должен жить не в дне, а во времени. Дни — это деревья жизни, время — ее лес. Нельзя за деревьями не видеть леса!

Уровнем нашего искусства, его стремлением к философским обобщениям, с точки зрения нашего времени [illegible] мы можем вызвать в нашем зрителе приуготовленность к восприятию непреходящих категорий времени. Современная жизнь, современная техника, наука, [illegible] погружают человека в тысячи разнообразных проблем, его мысль дробится, взаимоотношения с другими людьми кажутся бесконечно многочисленными и [illegible]. И если мы, театр, обращаем его взгляд к таким проблемам, как, скажем, «человек и общество», которые являлись предметом глубочайших раздумий Маркса, Энгельса, Ленина, философов революционной демократии, блестящих представителей марксистской эстетики, раздумий лучших умов человечества, то мы тем самым воспитываем человека, подготовленного к решению любых практических задач...

Пусть не поймут меня превратно — я не против обсуждения на сцене практических задач, я против практицизма. Да и зритель тянется к философским спектаклям, спектаклям-диспутам.

Когда Шоу писал, что отношение к театру является показателем расцвета нации, он, конечно, имел в виду прежде всего контакт в широком смысле — как реакцию народа на искусство театра.

И сегодня мы обязаны думать о природе этого контакта, изучать его, обобщать наши наблюдения, чтобы этим отдать дань зрителю, который в последние годы взял на себя решение вопроса — будет ли жить театр? — и решил его положительно.

КАДР ПЕРВЫЙ — КАДР ПОСЛЕДНИЙ

ОТГРЕМЕВ, ЗАКОНЧИЛИСЬ БОИ...

Годы войны далеки от нас и так близки... Фильм «Воспоминание о ваших матерях» — еще один взгляд в незабываемое прошлое.

Сценарий написан известным кинодраматургом Будимиром Метальниковым. Постановку осуществили на «Ленфильме» молодые режиссеры Анатолий Вехотко и Наталия Трощенко, успешно дебютировавшие фильмом «Разрешите взлет!».

— Легко понять даже из названия фильма, — сказала Н. Трощенко корреспонденту «ЛГ», — что мы в первую очередь адресуемся к молодой аудитории. Пусть сегодняшние двадцатилетние почувствуют благодарность и тем, кто думал о сыновьях, кто жил для них в те суровые годы.

Среди исполнителей — Екатерина Васильева из театра «Современник», Валерий Золотухин — актер Театра на Таганке, Виктория Федорова, Вета Жухимович, Надежда Карпушина, Евгения Собельникова...

На снимке: В. Золотухин в фильме «Воспоминание о ваших матерях».

С. С. СМИРНОВ

ЖИЗНЕРАДОСТНЫЙ ТАЛАНТ

ВСЯКОЕ истинное дарование вызывает почтительное и благодарное удивление людей — не так уж часто оно встречается, как ни богат наш народ талантами. Но когда ты имеешь дело с человеком многосторонне одаренным, способным создать нечто заметное, оригинальное в разных областях творчества, встреча с ним доставляет тебе радость и невольно пробуждает хорошую, лишенную всех дурных чувств зависть — десятью, как говорили раньше, «дал же ему бог»!

Многогранным талантом, искристым, жизнерадостным и веселым обладает мой друг Никита Богословский. К тому же это талант вечно юный, нестареющий, и хотя его обладателю исполняется 60 лет, можно позавидовать не только его одаренности, но и неисчерпаемому запасу жизненных сил.

Песен у нас нынче много — они звучат в концертных залах и на эстрадах, по радио и телевидению, на специальных конкурсах и фестивалях. Но так ли уж много песен, любимых народом, вошедших в его обиход, — не тех, что раздаются только из репродукторов, а тех, которые вырываются из открытых окон жилого дома или разносятся над лесной поляной в час дружеской пирушки, веселого застолья? Нет, вовсе не много их, песен, навсегда вошедших в жизнь миллионов людей, бережно сохраняемых в памяти с юности и до старости, песен, которые мы поем, не задумываясь над тем, кто их написал, не зная имен их авторов. И когда, бывает, Никита Богословский садится за рояль на очередном концерте и начинает играть попурри из своих песен — у многих слушателей в радостном удивлении округляются глаза: «Ах, так это он сочинил «Темную ночь», и «Шаланды, полные кефали», и «Ты ждешь, Лизавета...», и «Любимый город может спать спокойно», и «Спят курганы темные», и «Помнишь, мама...», и множество других, памятных и любимых! И вспыхивают благодарные аплодисменты людей за эту чудесную музыку, отданную им, за то, что столько раз вызывала она в их душах сильные, добрые чувства.

Но Богословский не только песенник, он — автор оперетт, симфонических произведений, музыки к кинофильмам. То, что он создал в этой области, иным хватило бы на две-три творческие жизни. А у него еще остается немало, чтобы заниматься многим другим.

Он — прирожденный юморист. Труднейшее искусство находить в жизни смешное, вызывать у людей улыбку, смех органически присуще его натуре. Он — автор многих фельетонов, сатирических рассказов и уже нескольких юмористических сборников. Он — «мастер розыгрыша», дружеской мистификации, и о том, как изобретательно он порой разыгрывал своих друзей, ходят настоящие легенды, где, как водится, действительное обильно перемешано с вымыслом. И главное — он хороший, веселый и добрый товарищ, у которого уйма ценящих его талант друзей.

Богословский — активный общественный деятель, необычайно добросовестно относящийся ко всем поручениям, которые ему приходится выполнять. Он много выступает, много путешествует, по-прежнему очень подвижен и легок на подъем. Вдобавок он находит время и для своих многочисленных «хобби» — излюбленных занятий в свободные часы, среди которых одно из первых мест занимает собирание обширной библиотеки. Особый ее отдел составляют тщательно подобранные произведения сатиры и юмора.

Талант — это равнодействующая двух сил: природных способностей и умения работать, воли к осуществлению своих замыслов. Дарования встречаются нередко, но многие из них остаются бесплодными из-за безволия и лени, гаснут в обломовском бездействии. Богословский — пример того, каким плодотворным может сделать человек свои природные дары, если они дополняются работоспособностью, горячим темпераментом и неугасимым интересом к жизни. Все эти качества у Никиты Владимировича Богословского остаются неистощенными и нерастраченными и сейчас, в его 60 лет. И поэтому его слушатели и читатели вправе ждать еще многого от его яркого таланта.

Микропанегирик «Клуба ДС»

Вчера ему исполнилось 60. Это уже пора зрелости, пора дальнейшего расцвета таланта и других способностей — это подлинное совершеннолетие.

Администрация «Клуба ДС» поздравляет своего друга, товарища и брата со славным совершеннолетием и просит его зайти сегодня в «Клуб ДС». На...

Дружеский шарж Игоря МАКАРОВА

ПРОГРАММА МИРА — В ДЕЙСТВИИ

Trybuna Ludu «Трибуна люду» (ПОЛЬША)

ВИЗИТ Л. И. БРЕЖНЕВА В ФРГ ПРЕДСТАВЛЯЕТ СОБОЙ ВАЖНОЕ МЕЖДУНАРОДНОЕ СОБЫТИЕ, НА КОТОРОМ СКОНЦЕНТРИРОВАНО ВНИМАНИЕ ВСЕГО МИРА.

Neues Deutschland «Нойес Дойчланд» (ГДР)

ВИЗИТ Л. И. БРЕЖНЕВА В ФРГ — ВАЖНЫЙ ВКЛАД В ДЕЛО ПРОЧНОГО МИРА И БЕЗОПАСНОСТИ В ЕВРОПЕ.

RUDÉ PRÁVO «Руде право» (ЧССР)

ВСЕ, КТО ИСКРЕННЕ ЖЕЛАЕТ МИРА В ЕВРОПЕ И ВО ВСЕМ МИРЕ, ГОРЯЧО ПРИВЕТСТВУЮТ ВИЗИТ Л. И. БРЕЖНЕВА В ФРГ, ИБО ЭТОТ ВИЗИТ ЯВЛЯЕТСЯ КРУПНЫМ, ВЕСОМЫМ ВКЛАДОМ В ДЕЛО МИРА.

БОНН: ВЕХА В ИСТОРИИ

«Для столицы ФРГ это «визит года» и, несомненно, веха в истории...»

Такими словами характеризует газета «Франкфуртер рундшау» настроения западногерманского населения, вызванные визитом Л. И. Брежнева и его переговорами с руководителями ФРГ.

Бонн действительно жил все эти дни одним событием. Необычность происходившего была очевидна всем.

Об этом ярко свидетельствовал, например, проведенный в центре старого Бонна — на Мюнстерплац — первый митинг в честь приезда Генерального секретаря ЦК КПСС, члена Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнева. Тысячи человек заполнили старинную площадь — рабочие делегации Рура, трубопрокатчики Мангейма, металлурги Эссена, химики Леверкузена, празднично одетые молодые труженики, студенты, старики пенсионеры, домохозяйки, служащие близлежащих учреждений. Они пришли сюда, чтобы продемонстрировать свои симпатии к Л. И. Брежневу, лауреату международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами», с чьим именем неразрывно связан коренной и принципиальный поворот в международной обстановке. Это была настоящая народная демонстрация, полная дружелюбия и доброжелательства.

А ведь митинг на Мюнстерплац явился лишь преддверием к той грандиозной манифестации, которая прошла 19 мая перед зданием Боннского университета, а затем распространилась по улицам столицы ФРГ. 50 тысяч человек — коммунисты, социал-демократы, бывшие участники антифашистского Сопротивления, члены профсоюзов и молодежных организаций почти всех крупных промышленных центров ФРГ — участвовали в этой волнующей демонстрации под лозунгом «За дружбу с Советским Союзом, за безопасность в Европе, за прочный мир для нашей страны!».

В Бонне отмечают, что все дни визита Л. И. Брежнева были до предела заполнены плодотворной работой. Первая продолжительная беседа между Генеральным секретарем ЦК КПСС и федеральным канцлером состоялась сразу же после прибытия высокого гостя в Петерсбергский отель, где был оборудован рабочий кабинет и для федерального канцлера.

Манифестация трудящихся на улицах Бонна. На лозунге надпись: «Рабочие Рура за дружбу с СССР».

Телефото (ТАСС)

Одновременно проходили беседы между членами обеих делегаций — министрами и советниками. Леонид Замятин, генеральный директор ТАСС, отметил на пресс-конференции в Бонне, что, по мнению Леонида Ильича Брежнева, его беседы с канцлером ФРГ были очень полезными.

Огромное впечатление на западногерманскую общественность произвели слова Л. И. Брежнева: «Видимо, есть своя логика в том, что работу по обновлению отношений между нашими странами взяли на свои плечи представители поколения, познавшего ужасы минувшей войны». Широкий отклик у молодежи получили также слова Л. И. Брежнева: «Мы не сомневаемся, что и новое поколение сумеет понять и оценить то, что делается нами сейчас, и внесет собственный вклад в начатое большое дело».

Уже на второй день визита Генерального секретаря ЦК КПСС здесь были подписаны три важнейших документа: Соглашение о развитии экономического, промышленного и технического сотрудничества, Соглашение о культурном сотрудничестве и Дополнительный протокол к Соглашению о воздушном сообщении от 11 ноября 1971 года.

Московский договор наполняется жизнью и конкретными акциями двустороннего сотрудничества. «Л. И. Брежнев не только человек слова. Что еще более важно, он человек дела» — этот комментарий исходил от группы крупных промышленников, которые встречались 19 мая с Генеральным секретарем ЦК КПСС. Во встрече участвовали руководители крупнейших западногерманских фирм и компаний: «Крупп», «Маннесман», «Тиссен», «Сименс», «Даймлер-Бенц», «Зальцгиттер», «Корф-шталь» и другие. Отвечая на вопрос, каково их самое сильное впечатление от беседы, они заявили, что были поражены масштабностью экономического мышления Л. И. Брежнева.

Беседа, которая длилась несколько часов, касалась самых разных аспектов двустороннего взаимовыгодного сотрудничества. Как следует из слов руководителей фирм, им импонировали сама манера беседы, свободный и откровенный обмен мнениями и призыв Л. И. Брежнева к долгосрочному экономическому сотрудничеству.

— Кто так говорит, тот думает о мире для будущих поколений, — заметил один из западногерманских участников встречи...

Компетентные наблюдатели отмечают здесь, что Соглашение о развитии экономического, промышленного и технического сотрудничества предусматривает качественно новый этап двусторонних связей. Обе стороны намерены переходить от классических сделок «купля-продажа» к широкому экономическому сотрудничеству.

Предусмотрено создание промышленных комплексов, отвечающее взаимным экономическим интересам, сотрудничество в производстве отдельных видов оборудования, обмене патентами, лицензиями, «ноу-хау», разработке новой технологии. Уже сейчас фирмы «Зальцгиттер» и «Корф-шталь» участвуют в разработке проекта строительства под Курском мощного металлургического завода. Фирмы «Либхер» и «Хюллер» поставляют станки и оборудование для автозавода в Набережных Челнах. Заключенное соглашение предусматривает расширение и углубление экономического, промышленного и технического сотрудничества в течение ближайших десяти лет. Тот факт, что соглашение было подписано от имени СССР Л. И. Брежневым и А. А. Громыко, а от ФРГ — Вилли Брандтом и Вальтером Шеелем, подчеркивает большое значение, которое придают ему обе стороны.

Западногерманские круги с большим интересом восприняли и подписание Дополнительного протокола к Соглашению между правительством СССР и правительством ФРГ о воздушном сообщении. В Бонне выражают удовлетворение по поводу того, что «Люфтганза» получает возможность летать в Японию через территорию СССР. Если учесть, что каждая минута летного времени на такие расстояния обходится весьма дорого, уменьшение времени полета на 6 часов для авиакомпании означает огромный выигрыш — временной и экономический. Практически в эти дни в Бонне «построен» гигантский мост в Азию, который служит прогрессу и сближает народы и страны. От этого соглашения выигрывают не только ФРГ и СССР, страны Европы, но и Япония, и другие государства Южной и Юго-Восточной Азии, и Австралия.

Соглашение о культурном сотрудничестве двух стран предусматривает развитие обменов в области культуры, науки и образования. Оно будет способствовать сотрудничеству между правительственными организациями, академиями, вузами, школами, училищами и научно-исследовательскими учреждениями. Соглашение предполагает поощрять обмен студентами и научными работниками, художниками, архитекторами, композиторами, писателями, журналистами и т. д. Если учесть трудное прошлое в отношениях между двумя странами, особенно велико значение статьи, предусматривающей такое освещение истории, географии и культуры другой стороны в школьных учебниках, которое способствовало бы лучшему взаимопониманию.

Для тех, кто на Западе особенно интересуется отношением Советского Союза к вопросу об обмене информацией и людьми, многие статьи Соглашения о культурном сотрудничестве еще раз покажут нашу позицию по этому вопросу. Советский Союз вновь продемонстрировал свою добрую волю и конструктивный подход к укреплению международного взаимопонимания и доверия.

Визит в Бонн ознаменовался и важнейшими конкретными результатами, и подлинной доброжелательностью. Находясь здесь, мы чувствовали напряженный ритм работы участников переговоров. Для отдыха времени не было. Беседы следовали одна за другой. Даже в воскресенье состоялись две беседы Л. И. Брежнева с В. Брандтом.

Что касается оценки состоявшихся в Бонне переговоров, то подавляющее большинство западногерманского населения, несомненно, разделяет мнение, высказанное газетой «Килер нахрихтен»: «Встреча в Бонне подводит окончательную черту под второй мировой войной и ставит важную веху на пути разрядки между Востоком и Западом».

Владимир ЗАГОРСКИЙ,
Николай ПОРТУГАЛОВ,
корреспонденты АПН — специально для «Литературной газеты»

БОНН. (По телефону)

ГЛАВНАЯ ТЕМА

l'Unità «Унита» (ИТАЛИЯ)

ЭТО — ПОДЛИННО ИСТОРИЧЕСКОЕ СОБЫТИЕ.

THE TIMES «Таймс» (АНГЛИЯ)

ПОЕЗДКА Л. И. БРЕЖНЕВА В ФРГ ОТРАЖАЕТ ИСТОРИЧЕСКИЕ ПЕРЕМЕНЫ, ПРОИСШЕДШИЕ В МИРЕ СО ВРЕМЕНИ ОКОНЧАНИЯ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ.

Le Monde «Монд» (ФРАНЦИЯ)

ЭПИТЕТ «ИСТОРИЧЕСКИЙ» В СВЯЗИ С ЭТИМ ВИЗИТОМ НЕ КАЖЕТСЯ ПРЕУВЕЛИЧЕНИЕМ. В САМОМ ДЕЛЕ, ВПЕРВЫЕ РУКОВОДИТЕЛЬ СОВЕТСКОГО СОЮЗА ЕДЕТ В ЗАПАДНУЮ ГЕРМАНИЮ...

ГЛАВНАЯ ТЕМА

ПОЛИТИКА «Политика» (СФРЮ)

УЖЕ ДАВНО НИ ОДНО СОБЫТИЕ НА РЕЙНЕ НЕ ПРИВЛЕКАЛО СТОЛЬ БОЛЬШОГО ВНИМАНИЯ, КАК ВИЗИТ Л. И. БРЕЖНЕВА, ПРЕДСТАВЛЯЮЩИЙ СОБОЙ ЧАСТЬ ШИРОКОЙ ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ АКТИВНОСТИ.

The Washington Post «Вашингтон пост» (США)

ЛЕОНИД И. БРЕЖНЕВ ПЕРЕВЕРНУЛ СИМВОЛИЧЕСКУЮ НОВУЮ СТРАНИЦУ В ЕВРОПЕЙСКОЙ ИСТОРИИ, СТАВ ПЕРВЫМ РУКОВОДИТЕЛЕМ СОВЕТСКОГО СОЮЗА, ВСТУПИВШИМ НА ЗАПАДНОГЕРМАНСКУЮ ПОЧВУ... С ТОГО МОМЕНТА, КАК БРЕЖНЕВ СОШЕЛ СО СВОЕГО ПАССАЖИРСКОГО РЕАКТИВНОГО САМОЛЕТА «ИЛ-62» В АЭРОПОРТУ КЕЛЬН—БОНН, СОЗДАЛОСЬ ВПЕЧАТЛЕНИЕ, ЧТО УСТАНОВЛЕНИЕ НОВОЙ ЭРЫ В СОВЕТСКО - ЗАПАДНОГЕРМАНСКИХ ОТНОШЕНИЯХ СКРЕПЛЕНО ПЕЧАТЬЮ. БРАНДТ ПРИВЕТСТВОВАЛ БРЕЖНЕВА, СКАЗАВ ПО-РУССКИ «ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ».

THE GUARDIAN «Гардиан» (АНГЛИЯ)

ЭТА ВСТРЕЧА ВАЖНА ПОТОМУ, ЧТО РУССКИЕ, ПОВИДИМОМУ, ИСПОЛНЕНЫ РЕШИМОСТИ ПРОДОЛЖАТЬ ПОЛИТИКУ РАЗРЯДКИ НАПРЯЖЕННОСТИ.

l'Humanité «Юманите» (ФРАНЦИЯ)

ПЕРЕГОВОРЫ Л. И. БРЕЖНЕВА И В. БРАНДТА ВЕДУТСЯ ПРЕВОСХОДНО... ПРИ НОВОМ СОДЕРЖАНИИ — НОВЫЙ СТИЛЬ РАБОТЫ. ОБА ГОСУДАРСТВЕННЫХ ДЕЯТЕЛЯ НЕ ТЕРЯЮТ ВРЕМЕНИ НА ПРОТОКОЛЬНЫЕ ЦЕРЕМОНИИ. ЭТОТ БЫСТРЫЙ ТЕМП, ЭТО СТРЕМЛЕНИЕ К ЭФФЕКТИВНОСТИ НЕ ПОМЕШАЛИ, КАК ГОВОРИТСЯ, «ЧУВСТВАМ». УЖЕ С ТОГО МОМЕНТА, КАК ЛЕОНИД БРЕЖНЕВ ПОЯВИЛСЯ НА ПЕРВОЙ СТУПЕНЬКЕ ТРАПА САМОЛЕТА «ИЛ-62», НА КОТОРОМ ОН ПРИБЫЛ ИЗ МОСКВЫ, У ВСЕХ СОЗДАЛОСЬ ВПЕЧАТЛЕНИЕ, ЧТО ЭТО — ИСТОРИЧЕСКИЕ МИНУТЫ ЧЕРЕЗ ЧЕТВЕРТЬ ВЕКА ПОСЛЕ КРАХА БЕЗУМНОГО ПРЕДПРИЯТИЯ ГЕРМАНСКОГО ФАШИЗМА И ИМПЕРИАЛИЗМА. БОЛЬШИНСТВО ПОЧУВСТВОВАЛО ВЕЯНИЕ НОВОГО ВРЕМЕНИ, УВИДЕВ, КАК ДВА ГОСУДАРСТВЕННЫХ ДЕЯТЕЛЯ, ПОСЛЕ ВСТРЕЧ В МОСКВЕ И ОРЕАНДЕ, СНОВА ОБМЕНЯЛИСЬ РУКОПОЖАТИЯМИ.

THE SUNDAY TIMES «Санди таймс» (АНГЛИЯ)

ЭТО ИСТОРИЧЕСКОЕ СОГЛАШЕНИЕ ИЗ ВОСЬМИ ПУНКТОВ ПРЕДУСМАТРИВАЕТ, ЧТО ДВЕ СТРАНЫ БУДУТ УЧИТЫВАТЬ ВЗАИМНЫЕ ПОТРЕБНОСТИ И РЕСУРСЫ В СЫРЬЕ, РАЗЛИЧНЫХ ВИДАХ ЭНЕРГИИ, ТЕХНОЛОГИИ, ТОВАРАХ ШИРОКОГО ПОТРЕБЛЕНИЯ.

The New York Times «Нью-Йорк таймс» (США)

ПУТЕШЕСТВИЕ Л. И. БРЕЖНЕВА ИЗ МОСКВЫ В БОНН В БОЛЬШОМ РЕАКТИВНОМ ЛАЙНЕРЕ «ИЛ-62» ПРОДОЛЖАЛОСЬ ТРИ ЧАСА. НО В ДРУГОМ СМЫСЛЕ ЭТА ПОЕЗДКА ЗАНЯЛА 24 ГОДА. ИБО НАЧАЛО СУЩЕСТВОВАНИЮ ЗАПАДНОГЕРМАНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ В 1949 ГОДУ БЫЛО ПОЛОЖЕНО В ОБСТАНОВКЕ ОПАСЕНИЙ И ВРАЖДЕБНОСТИ В ОТНОШЕНИИ К СОВЕТСКОМУ СОЮЗУ.

LE FIGARO «Фигаро» (ФРАНЦИЯ)

ВИЗИТОМ ЛЕОНИДА БРЕЖНЕВА В БОНН ПЕРЕВЕРНУТА СТРАНИЦА В ИСТОРИИ ГЕРМАНИИ. В САМОМ ДЕЛЕ, ЭТОТ ВИЗИТ ЯВЛЯЕТСЯ ЗАВЕРШЕНИЕМ ПОЛИТИКИ, КОТОРАЯ ОБЕСПЕЧИЛА НЕ ТОЛЬКО НОРМАЛИЗАЦИЮ ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ ФЕДЕРАТИВНОЙ РЕСПУБЛИКОЙ И СССР, НО И НОРМАЛИЗАЦИЮ ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ ДВУМЯ ГЕРМАНИЯМИ, КОТОРЫЕ БУДУТ ВСКОРЕ ПРИНЯТЫ В ООН.

СЕМЬ ДНЕЙ В МАЕ...

ТЕЛЕКС

ХОРОШАЯ РЕКОМЕНДАЦИЯ

Индийское правительство в настоящее время рассматривает возможность закупки в течение пятого пятилетнего плана развития индийской экономики советских пассажирских самолетов «ТУ-154» и «Як-40», которые хорошо себя зарекомендовали в ходе различных испытаний во многих странах мира, заявил в Народной палате парламента министр гражданской авиации и туризма Индии Каран Сингх.

«Нашнл геральд» (ДЕЛИ)

ОЧЕРЕДНОЙ «РЕКОРД» ИЗРАИЛЯ

Стоимость жизни в Израиле возросла за месяц на 3,9 процента — это самый высокий показатель за 20 лет, сообщило Центральное статистическое бюро. За первые четыре месяца этого года стоимость жизни увеличилась на 9,5 процента, что является новым доказательством безудержной инфляции в этом государстве с низкой заработной платой и с одними из самых высоких в мире налогами. Индекс цен на потребительские товары (за 100 берется уровень 1969 года) достиг 156,3 пункта в конце апреля по сравнению со 150,5 в марте.

Ассошиэйтед Пресс

ЭПИДЕМИЯ МЕНИНГИТА

Министр здравоохранения и социального обеспечения Турции Вефа Танир подтвердил, что в стране распространилась эпидемия менингита. Он отметил, что «наибольшее число случаев заболевания отмечено в районах бедноты», и сообщил, что в стране насчитывается около 250 тысяч человек, которые подверглись заболеванию менингитом.

«Миллиет» (СТАМБУЛ)

ЖИТЬ В ЛОНДОНЕ...

По данным опроса, проведенного Центром по изучению общественного мнения в Англии, 73 процента лондонцев считают, что английская столица стала городом, непригодным для проживания (в 1970 году аналогичную точку зрения высказали 56 процентов опрошенных). В качестве доказательства опрошенные ссылаются на плохую работу транспорта, загрязненность окружающей среды, уличные шумы и т. д.

«Майнити дейли ньюс» (ТОКИО)

ДЕСЯТЬ СМЕРТЕЙ ЕЖЕДНЕВНО

На фабриках и заводах Бразилии ежедневно гибнет в среднем 10 человек. В прошлом году в стране было зафиксировано 1,5 миллиона случаев производственных увечий и серьезных травм. Как заявил директор Бразильского института охраны труда, основная причина несчастных случаев — нежелание предпринимателей нести расходы по обеспечению безопасности на производстве.

ТАСС

АМПУТАЦИЯ ЗА... ВОРОВСТВО

Ливия недавно заявила, что в некоторых случаях воровство будет наказываться ампутацией кисти правой руки и ступни левой ноги. Эта ампутация должна проводиться в больнице хирургом.

Ассошиэйтед Пресс

АМНИСТИЯ ДЛЯ ДВУХ МИЛЛИОНОВ

В Аргентине объявлена амнистия для тех граждан, которые не участвовали во всеобщих выборах в марте и апреле нынешнего года. Два миллиона человек, не явившиеся и избирательным урнам, могли быть оштрафованы, поскольку участие в выборах в Аргентине является обязательным.

Рейтер

ВРЕМЕНИ ВОПРЕКИ

ПЕКИН МУТИТ ВОДУ

Год-два назад маоистская дипломатия не проявляла почти никакого интереса к Европе. В последнее же время «озабоченность» Пекина европейскими проблемами резко возросла. Ответственные китайские деятели не пропускают ни одного случая, чтобы не высказать на международных форумах свое отношение к ним. Все чаще на страницах маоистской печати появляются статьи и комментарии, в которых выражается официальная китайская точка зрения по этому вопросу.

Чем же вызван столь бурный интерес? Прежде всего — стремлением помешать решению общеевропейских проблем, усилить напряженность в Европе и в других районах планеты, сорвать усилив Советского Союза, социалистических стран и всех миролюбивых сил, направленные на нормализацию положения в мире.

Исходя из националистических, антисоветских устремлений, пекинские лидеры связывают свою деятельность с правыми милитаристскими кругами в Европе, со всей международной реакцией. Они что-то бормочут о «двух сверхдержавах», но великодушно прощают империализму все его преступления, одновременно яростно набрасываясь не Советский Союз. Они не гнушаются никаким поводом, чтобы очернить Варшавский Договор и оправдать, а нередко и восславить агрессивный Североатлантический пакт. Совсем недавно «Жэньминь жибао» писала, что «подлинными виновниками» напряженности в Европе является не НАТО, а... государства Варшавского Договора. Вышеупомянутая газета, официальный китайский орган, пошла даже дальше. Она попыталась оправдать возрастание военного потенциала НАТО «угрозой» со стороны... Советского Союза и других европейских социалистических стран. Не какая-нибудь западная правая газетенка, а именно китайские средства массовой информации подхватили и стали всячески муссировать домыслы израильской военщины и других антисоветских кругов о мнимой «советской экспансии» в районе Средиземного моря. Этим была оказана прямая услуга подлинным виновникам нагнетания напряженности в этом районе, тем, кто готовит там опасные провокации. Не случайно известный американский комментатор Сайрус Сульцбергер констатировал: «После значительного улучшения отношений между Соединенными Штатами и Китаем Пекин стал явно поддерживать Североатлантический союз... Пекин превратился в прямого сторонника НАТО».

Следует подчеркнуть, что Пекин в клевете и дезинформации намного обогнал своих западных единомышленников. Китайская печать, например, стала пугать легковерных читателей тем, что переговоры в Хельсинки суть не что иное, как «уловка Москвы», решившей «распространить сферу своего влияния и на Западную Европу».

Китайские псевдореволюционеры стремятся сорвать и другие шаги, направленные на установление мира в Европе и во всем мире. Особые усилия они прилагают к тому, чтобы помешать переговорам о сокращении вооруженных сил на нашем континенте, ратуя за сохранение и даже за увеличение американского военного присутствия в Европе, «дабы не нарушить стабильность в мире».

Все это показывает, как далеко зашли пекинские руководители в своей антисоциалистической истерии, в своей раскольнической политике на международной арене. Эта политика находится в резком противоречии с интересами мира, с волей народов. Она идет вразрез и с коренными интересами китайского народа.

Установление мира и безопасности в Европе стало велением времени, неотложной исторической необходимостью. Трудно повернуть колесо истории вспять, вернуться к временам конфронтации, «холодной войны». Этого не дано сделать даже самым реакционным милитаристским кругам в Европе, да и не только в Европе. Этого не удастся сделать и маоистской верхушке, погрязшей в болоте необузданного шовинизма, окончательно порвавшей с марксизмом-ленинизмом и пролетарским интернационализмом.

ПАНОПТИКУМ

КОШМАРЫ г-жи ШУБ

Об американском журналисте Анатоле Шубе мы уже писали дважды*. И все же напомним: более двух лет он представлял в Москве газету «Вашингтон пост» и был выдворен из нашей страны за дела, несовместимые со статусом иностранного корреспондента, — точнее говоря, за враждебную деятельность и клевету на нашу страну. Антисоветская дорожка привела его прямиком к микрофонам радиостанции «Свободная Европа», той самой радиостанции, которая без устали клевещет на социалистические страны и где он ныне возглавляет отдел новостей.

Но не об Анатоле Шубе пойдет сегодня речь. Вспомнить о нем и нас, и некоторые западные газеты заставила изданная в Англии и США книга его супруги Джойс Шуб «Московский кошмар».

Этот «роман»-пасквиль было бы правильнее озаглавить «Кошмары госпожи Шуб», ибо, как отмечает рецензент газеты «Гардиан», его сочинительница одержима «почти параноидной тенденцией... достигающей кульминации, когда за героиней романа Ванни Томкинс — женой американского корреспонденте — и ее друзьями неотступно ходят по пятам десятки «наблюдателей». Оказывается, все они или почти все оснащены портативными радиопередатчиками (еще более портативными, нежели те, которыми пользуются регулировщики уличного движения на ОРУДа) и буквально из уха в ухо передают друг другу сведения о каждом шаге Ванни. Любое ее слово записывается магнитофонами, установленными под кроватью, в стенах, под столиками кафе и под садовыми скамейками. В общем, всюду, куда бы ни попадала героиня, она рисковала «попасть в историю, даже будучи ни в чем не виноватой».

Джойс Шуб сочиняла свой «роман» два с половиной года. Конечно, дело нелегкое — высасывать из пальца «кошмары». Ее фантазия, несмотря не все усилия, не пошла дальше штампов, давно уже надоевших читателям. И хотя спрос не такое чтиво на Западе заметно упал, книга все же вышла сразу в двух издательствах — английском и американском. У госпожи Шуб, видимо, нашлись весьма влиятельные доброжелатели, а возможно, и соавторы. Это, во-первых, ее муж А. Шуб, подвизающийся, как мы уже говорили, в «Свободной Европе». Это, во-вторых, ее родной брат Мелвин Ласки, который был вынужден несколько лет назад покинуть пост главного редактора журнала «Энкаунтер» после разоблачения в печати связей этого издания с ЦРУ. Но последнее «добро», как выяснилось, поставил на рукописи такой влиятельный «кремленолог» со стажем, как Макс Хэйуорд. Госпожа Шуб послала ему свои «кошмары» в Оксфорд, а он уж позаботился о том, чтобы пристроить их в английское издательство «Коллинз» и американское «Коуард Макэн». Мы называем эти издательства, дабы было ясно, кто ныне, в обстановке разрядки напряженности и свертывания «холодной войны», продолжает заниматься выпуском гнилого антисоветского товара.

...Итак, бедная Ванни «попала в историю». Что касается самой Джойс Шуб, то она явно мечтала попасть в историю не в переносном, а в прямом смысле слова, претендуя если не на самое видное, то во всяком случае и не на последнее место в рядах антисоветчиков. В общем, так оно и получилось. Но только история антисоветских провокаций всегда была и остается грязной историей.

А. ВЕЛЬСКАЯ

* «ЛГ», № 20, 1968 г. и № 31, 1969 г.

СОРЕВНОВАНИЕ: ПЯТЬ КЛЮЧЕВЫХ СЛОВ

В начале нынешнего года («ЛГ», № 4, 1973) отдел экономики обратился к читателям газеты с просьбой поделиться своими мыслями о проблемах социалистического соревнования — как его сделать эффективным, действенным, как быстрее освободиться от элементов казенщины и формализма, которые кое-где еще стесняют истинный дух состязательности, трудового соперничества.

В качестве канвы для дискуссии (весьма условной, разумеется) мы предложили пять ключевых слов соревнования: НОВАТОР. ПОЧИН. ОБЯЗАТЕЛЬСТВО. СТИМУЛЫ. ИТОГИ. Какое реальное содержание стоит за ними сегодня? Всегда ли и везде выражают они суть соревнования: гласность, сравнимость результатов, возможность повторения практического опыта?

В ответ редакция получила уже много писем: от рабочих, инженеров, хозяйственных руководителей, ученых — тех, кто знаком с практикой соревнования по собственному опыту, кому приходилось непосредственно участвовать в его организации, в разработке научных проблем, связанных с ним.

Редакционная почта уже послужила основой ряда выступлений «ЛГ». Мы опубликовали рассказ об интересном почине на Аксайском заводе пластмасс в Ростовской области, очерк о судьбе известного новатора Волдемара Куша, размышления над читательскими письмами писателя Вадима Кожевникова, письмо уральского рабочего с комментарием писателя Вадима Очеретина и другие материалы.

Сегодня мы публикуем новую страницу редакционной почты, посвященной социалистическому соревнованию. Не со всеми суждениями авторов можно согласиться, они высказывают свое личное мнение, но волнующие их вопросы встречаются и в других письмах, полученных редакцией. Откровенный разговор, обмен мнениями по различным, в том числе и «трудным», проблемам соревнования будет, на наш взгляд, полезным.

Подводить какие-либо итоги начатому обсуждению пока преждевременно. Само соревнование, получившее в третьем, решающем году пятилетки новую силу, отнюдь не является кратковременной кампанией — оно будет постоянно и последовательно развиваться, совершенствоваться. Поэтому мы и впредь намерены публиковать наиболее интересные мнения читателей о соревновании и обзоры редакционной почты на эту тему.

Договор о соревновании (Московский завод автоматических линий имени 50-летия СССР). Фото А. АРКАДЬЕВА

ПОЛЕМИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

...ЗНАЧИТ СРАВНЕНИЕ

В. ЯКУШЕВ, кандидат философских наук

ПЕРСОНАЖ ДЛЯ САТИРЫ

В одном из номеров «Крокодила» на титульном листе был изображен горе-руководитель в момент принятия высоких обязательств: румяный, бодрый, с барабаном в руках. Через несколько страниц тот же руководитель, но в момент подведения итогов: поникший, бледный, жалкий — он провалился.

Мораль казалась очевидной: обязательства надо выполнять, а кто не выполняет, заслуживает самого сурового осуждения. Самого сурового?.. Но не будем торопиться. Давайте рассудим хладнокровно.

С одной стороны, руководитель, бесспорно, виноват, на него надеялись, а он подвел. Но, с другой, — человек ведь хотел сделать доброе дело, он взвалил на себя дополнительную и довольно тяжелую ношу. И сорвался, может быть, не потому даже, что плохо работал, а потому, что не рассчитал силы, взялся за непосильную задачу.

Но он взялся!!! А иной мог отвертеться.

Допустим, мы громко осмеем неудачника. Как он это воспримет? Боюсь, урок окажется неважным. «Зачем рисковать, — подумает руководитель, — возьму-ка в следующий раз обязательства поскромнее».

И если так, то не знаю, как по-вашему, а по-моему, тогда руководитель и превратится в подлинно отрицательный персонаж, целиком заслуживающий, чтобы его накололи на сатирическое перо. Но... «наколоть» его станет трудно: обязательства берет осторожные, зато регулярно их выполняет.

Кто знает, сколько таких «середняков», которые могут работать лучше, но, наученные своим или чужим горьким опытом, вперед не рвутся, предпочитают жить спокойно? Поголовно никто не пересчитывал, но что такие есть — несомненно, и резервы роста они держат под спудом немалые.

Как-то мне довелось участвовать в проверке соревнования на предприятиях одного города. Выяснилось, что некоторые приняли явно заниженные обязательства. Фабрика швейно-галантерейных изделий, например, взялась за год повысить производительность труда на 2.1 процента, а за восемь месяцев (к моменту проверки) этот показатель был уже перекрыт втрое с лишним. То же самое — со сверхплановой прибылью и экономией ткани. Состоялось откровенное объяснение с руководителями, и один из них сказал: «Вот вы порицаете нас за низкие обязательства... А если бы мы взяли высокие и не справились? Тоже ругали бы, да еще строже... Дураки мы, что втрое перевыполнили, надо было чуть-чуть, и вот — видимость напряженной работы».

ТРОЙНОЙ СОБЛАЗН

Болезнь тут схожая с той, что известна и в планировании. Обычно ведь при составлении плана за «точку отсчета», или, как еще говорят, за «базу», берется достигнутый уровень. Его зачисляют в неукоснительные «сто процентов» и для того коллектива, который перевыполнил план в полтора раза, и для того, который работал с прохладцей и еле справился. Естественно, что второму коллективу выполнить новый план будет легче, а первому сложнее. Отсюда известный соблазн — не брать напряженный план.

В нашем примере с обязательствами, как и в этом случае с планом, выигрывает тот, кто занижает свои возможности. А ведь должно быть наоборот! Партия остро ставит вопрос о создании экономических условий, которые заставляли бы министерства и предприятия работать с наибольшей отдачей.

Как достичь этого?

Многие считают, что путь к напряженным планам лежит через нормирование. Рассчитай, дескать, время, необходимое для выполнения различных работ, и исходи из этого — все получится по науке, все резервы пойдут в дело. Но в действительности на этом пути лежат сложные препятствия! В условиях ускоряющегося научно-технического прогресса нормирование не успевает за переменами на производстве, а частый пересмотр норм подрывает их авторитет. И, наконец, исполнители опять-таки заинтересованы иметь нормы пониже, и это тоже побуждает к сокрытию резервов.

Во всех трех случаях, как видим, остаются резоны для «игры на понижение», будь то понижение обязательства в соревновании, производственных планов или научно обоснованных норм выработки. Так легче заслужить поощрение. Выполняешь обязательства, план, норму — ты, грубо говоря, хороший, получай премию, не выполнил — плохой, отдувайся от кассы... Эта прямолинейность в оценках и стимулировании едва ли на пользу дела. Правда, чтобы заинтересовать предприятия в напряженной работе, приняты дополнительные экономические меры. Но из-за этого получается лишь, что разные стимулы, направленные друг против друга, «сталкиваются лбами».

Обратим внимание и еще на одно. Никакая оценка немыслима без сравнения результатов. Но базу для сравнения закладывает сам исполнитель. Он, например, берет пониженные обязательства, а потом — на наших глазах, как ни в чем не бывало — сравнивает с ними свои результаты. Да какое же это сравнение!

Как бы это ни показалось парадоксальным, медвежью услугу, по моему мнению, оказывает тот факт, что стимулирование слишком коротко, слишком напрямую связано с выполнением обязательств, планов и норм. Понятно, делается это, чтобы поднять авторитет тех же планов и обязательств, но вызывает побочный и нежелательный эффект. Поневоле начинаешь раздумывать: не имеем ли мы дело с задачей столь сложной, что она успешнее может быть решена окольным маневром, «в обход», а не «в лоб»? Бывают такого рода задачи, о путях решения которых образно сказал Александр Твардовский: «Пушки к бою едут задом».

А что, если разорвать слишком прямолинейную связь, попробовать «отцепить» стимул от плана и «сцепить» их по-новому, так, чтобы решительно заинтересовать исполнителей в напряженных заданиях? Что, если в основу стимулирования положить принцип сравнения, но не с обязательствами, которые можно занизить, не прямо с планом, который можно «выбить» полегче, не с нормой, а с фактическими результатами деятельности других работников и коллективов, находящихся в аналогичных условиях? По итогам такого подлинно жизненного сравнения тоже ведь можно поощрять лучших, соответственно наказывать худших.

«ПРОТИВ» И «ЗА»

Мне сразу же могут указать на возможность парадоксальных ситуаций. Положим, мол, что ни одно из сравниваемых предприятий не выполнило плана... Например, из-за сильной засухи колхозы и совхозы какого-то района не смогли собрать намеченный урожай. Все «провалились», а вы, дескать, собираетесь и тут искать победителей и побежденных, различать передовиков и отстающих... А, собственно говоря, почему бы и нет? Засуха была одна для всех, но кто-то перед ней спасовал, а кто-то боролся до конца. Разве более справедливо всех чохом валить в одну кучу? Пусть даже планы не выполнены и там и там, по-моему, и в этом случае есть все основания различать лучших и худших.

Точно так же есть более и менее заслуженные коллективы и в другой ситуации: когда, положим, установленный план все они перевыполнили...

Сравнивая работу коллективов тружеников, мы пробуждаем у них ту живую состязательность, роль которой особо подчеркивалась в постановлении ЦК КПСС, Совета Министров СССР, ВЦСПС и ЦК ВЛКСМ о Всесоюзном социалистическом соревновании.

Психологически мы привыкли связывать соревнование с формой, которую представляют собой обязательства и последующая борьба за их выполнение. Но между социалистическими обязательствами и социалистическим соревнованием нельзя ставить знак равенства, как нельзя его ставить между частью и целым. Обязательства — это еще не все соревнование, это лишь дополнение к плану. А подлинное, живое соревнование идет лишь там, где есть широкое сравнение, сравнение не с «самим собой», а с другими. Именно на то, чтобы *«сравнение деловых итогов* хозяйства отдельных коммун стало предметом общего интереса и изучения», обращал особое внимание В. И. Ленин, когда писал об организации соревнования.

Сравнение с другими — душа соревнования. Связав стимулирование и «сопоставление с другими», мы, думается, исключим какую бы то ни было «игру на понижение», так как мера поощрения или наказания будет зависеть не только от того, как сработаешь ты, выполнишь или не выполнишь собственные обязательства, но и от того, как сработают товарищи-соперники. Это создаст экономические условия, побуждающие брать напряженный план, работать с полной отдачей.

Конечно, я понимаю, что идею, высказанную здесь в самом общем виде, практически реализовать не просто. Потребуется разделить предприятия и учреждения на группы для сравнения, выбрать систему базовых показателей, по которым будет осуществляться сопоставление (что взять — производительность труда, объем и качество выпускаемой продукции, освоение новых изделий?), наладить процедуру сбора информации, подведения итогов и т. д. При этом многие детали придется уточнять, о них можно спорить.

Ясно и то, что сравнивать работу разных коллективов тоже нелегко, на этом пути много трудностей, но подходы искать надо. Возможно, следует доверить самим соревнующимся коллективам решать, кто лучший, а кто отстающий. Можно поступить и иначе — использовать для определения победителей балльный метод оценки, при котором за определенный объем работ начисляется заранее установленное количество баллов, что дает возможность унифицировать учет и сравнивать работу в единой системе показателей. Правда, балльный метод, как показывает практика, не может сразу же обеспечить абсолютную точность и на первых шагах приводит иногда к досадным ошибкам. Но они, эти ошибки, должны давать пищу для уточнения системы критериев, а не для того, чтобы избегать самого принципа учета на основе баллов.

Какой бы метод мы ни избрали, есть надежда, что он будет быстро совершенствоваться благодаря огромному интересу к результатам сравнения со стороны работников и коллективов.

Возможно, следует подумать и о том, чтобы поставить организацию социалистического соревнования на государственную основу, создать единую общесоюзную систему соревнования. Такое решение, как мне кажется, соответствовало бы и духу, и букве ленинских идей. Ведь В. И. Ленин писал, что «организация соревнования должна занять видное место среди задач Советской власти в экономической области... И если мы поставим организацию соревнования, как нашу государственную задачу, — то... результаты должны будут показать себя неизбежно и подскажут нам дальнейшие формы строительства».

ПРИМЕР «ПУЛЬСАРА»

При поиске и организации новых форм соревнования на основе сравнения результатов полезно, на мой взгляд, учесть опыт «Пульсара». Читатели «ЛГ» знакомы с ним по прошлым публикациям. Вот уже более двух лет «Пульсар» экспериментально проверяется на различных предприятиях и дает значительный эффект.

Отличительная особенность соревнования, организованного по системе «Пульсар», заключается в том, что для работников, попавших по итогам работы в десять процентов лучших, определена обязательная мера поощрения в виде повышения в должности или окладе, а для тех, кто оказался в числе десяти процентов отстающих, предусматривается столь же обязательное понижение.

Почему именно десять процентов, а не больше и не меньше? Конечно, можно и больше, и меньше. Мы просто взяли вариант, оптимальность которого подсказана практикой. Главное не в «проценте», а в том, что людям заранее известно условие: передовиков и отставших обязательно назовут и соответственно отметят. Подчеркнуто «жесткая» регламентация в определении процента передовиков и отстающих — это та полезная формальность, которая защищает соревнование от формализма.

Эксперимент с «Пульсаром» показал, что далеко не все работники стремятся попасть в число самых лучших, зато оказаться в числе отстающих никто не хочет. Это уже неплохо. Подтянуть отстающих — большое дело. Последний верблюд, говорит пословица, определяет скорость всего каравана.

Курьезный случай произошел в девятом строительном тресте «Мособлстрой», где соревнованием, использующим, а частности, нормы «Пульсара», охвачено 28 категорий работников, начиная с начальников СМУ и директоров домостроительных комбинатов и кончая бригадирами и техниками отделов и служб. Два бригадира, чьи коллективы попали в число отстающих, возмутились: «Как же так — бригады выполняют нормы выработки на 110—115 процентов, а мы — на доске отстающих?!»

Стали разбираться. С одной стороны, действительно, нормы выработки выполняют и даже качество хорошее, но, с другой, — как ни крути, а остальные коллективы работают еще лучше! Получается, что по выполнению норм выработки бригады передовые, а по сравнению с другими — отстающие. Спорили, рядили, как тут быть. Решили пойти на компромисс. Переименовали доску, на которую в соответствии с условиями соревнования заносятся фамилии отстающих. Вместо «отстающие» написали «набравшие наименьшее количество баллов». И, по-моему, зря так сделали. Нормы вчерашнего дня не критерий для сегодняшнего. Надежен только один показатель: сравнение с себе подобными сегодня. И отстающий тот, кто сегодня работает хуже других, даже если он перекрывает вчерашнюю «научно обоснованную» норму.

Эксперимент подтвердил и другое. Если к отстающим не применять никаких мер воздействия, а только называть их, люди довольно быстро привыкают и перестают реагировать на доску отстающих, где красуется их имя. Как говорится: хоть горшком назови, только в печку не ставь. А вот в «печь»-то отстающих и надо ставить, чтобы покраснели и жарко им стало. Обязательность мер поощрения для лучших и осуждения — для худших является как раз такой «печью», от которой одним тепло, а другим горячо. И подобно тому, как температуру в электрической печи можно регулировать реостатом, так и накалом соревнования можно управлять, подбирая формы воздействия на передовиков и отстающих.

Помню, в отделе главного технолога производственно-технического объединения «Электрон», где впервые опробовали «Пульсар», спустя три месяца было замечено, что отдача инженеров, резко повысившаяся вначале, пошла на спад. В чем дело? Оказалось, что намеченное в конце года понижение отстающих в должности или окладе кажется многим далеким и малореальным мероприятием, а вывешивание таблиц с баллами и именами лучших и худших по итогам работы за месяц — детской забавой. Тогда было решено связать ежемесячное подведение итогов с оплатой труда. Стали снимать часть прогрессивки с инженеров, оказавшихся в числе 20 процентов отстающих. Это сразу же устранило наметившийся спад активности. Некоторые инженеры, чтобы не отстать, стали работать внеурочно, и их хитрость вызвала всеобщее возмущение. Коллектив потребовал или запретить работу в выходные дни, или не ставить за нее баллы, или... дать возможность всем работать по выходным!

Живое, горячее соревнование, к которому призывает партия, обладает колоссальной силой. Когда мы научимся организовывать его по-настоящему, ничего утопического не останется в замечательных словах социалиста-утописта Шарля Фурье: побуждаемые соревнованием люди вносят в работу рвение, опрокидывающее все преграды, «они сумеют вырастить нектар и амброзию на земле, которая в наши дни родит лишь терни...».

ДОБРАЯ СЛАВА РУБЛЯ ДОРОЖЕ

Современный советский рабочий — личность с достаточно высоким образовательным и культурным уровнем, с развитым чувством собственного достоинства. И для него, как показывают результаты социально-психологических исследований, общественное признание значит ничуть не меньше, чем лишняя десятка к зарплате. Народная пословица гласит: «Добрая слава рубля дороже». И как бы высоки ни были получаемые материальные выгоды, они не дадут полного удовлетворения, если оценка результатов сведется лишь к кассовым операциям.

Рост заработной платы не всегда свидетельствует одновременно и о подъеме трудовой активности. Наоборот, иногда можно наблюдать обратную картину: достигнув определенного уровня заработка, отдельные рабочие, особенно из числа тех, кто имеет высокую квалификацию, но низкий образовательный уровень, теряют интерес к творческому поиску путей повышения производительности труда, к общественной жизни своего предприятия. Коллектив может в этом случае определенным образом воздействовать на сознание человека, выдвинув нравственное требование трудиться с полной отдачей.

Хотелось бы привести и конкретные примеры из практики: живой опыт — лучший судья в любых спорах.

На Кишиневском комбинате искусственных кож и резино-технических изделий имени Калинина разработаны положения о заслуженном рабочем и почетном ветеране комбината. Чтобы получить право носить высокое звание заслуженного рабочего, необходимо иметь двенадцать лет непрерывного стажа безупречной работы на комбинате. Критерием служит степень трудовой и общественной активности. Претендент должен быть отмечен не менее чем десятью почетными грамотами и иметь столько же рационализаторских предложений.

Конечно, эта система не является идеальной. Трудовую деятельность человека нельзя ограничить какими-либо узами, шаблонными рамками. Личный вклад в общее дело может носить различный характер. Кроме того, нельзя сводить моральное стимулирование к поощрениям в виде благодарностей, грамот, занесения на Доску почета. Это всего лишь некоторые формы поощрения. «Моральный стимул» как термин значительно шире понятия «поощрение». В своем отношении к труду человек может руководствоваться не только желанием получить награду. Уже само участие в соревновании, если оно хорошо организовано, вызывает возбуждение, прилив творческой энергии, стремление утвердить себя через достигнутые результаты как личность и поддержать уважение к себе в собственном мнении. И чем богаче духовно человек, чем выше его сознание, тем сильнее ощущает он внутреннюю потребность в труде, тем острее воспринимает он оценку общественного мнения.

На тираспольском ордена Трудового Красного Знамени заводе «Электромаш» рабочим, досрочно выполнившим личные годовые задания пятилетнего плана и активно участвующим в общественной жизни, присваивается звание «Лучший рабочий пятилетки». Одновременно они награждаются Почетной грамотой, денежной премией и заносятся в Книгу передовиков пятилетки. Звание «Лауреат фабричной премии» учреждено на Бендерской швейной фабрике имени 50-летия ВЛКСМ. Оно удачно сочетает в себе формы материального и морального стимулирования.

Практика социалистического соревнования выработала много и других форм морального поощрения. В районном центре Бричаны, например, перед зданием Дома Советов возвышается ажурное сооружение с укрепленным на нем серебристым флагштоком. По утрам в честь передовиков соревнования взвивается отливающий пурпуром стяг.

Полезно предоставлять возможность самим коллективам цехов, участков, бригад решать вопрос о победителе соревнования — это и школа воспитания, так как требует от людей объективности, честности, знаний. В процессе такого совместного обсуждения лучше видны и свои собственные упущения.

Одновременно усиливается гласность, растет моральная ценность победы в соревновании.

Разнообразие, выдумка в поиске форм морального поощрения необходимы. Справедливо заметил известный советский скульптор С. Т. Коненков, проживший долгую и мудрую жизнь: «Нужно сделать труд радостным с первых лет жизни человека. Труд, окруженный почетом, — основа культуры».

А. НИКИТИН,
научный сотрудник Молдавского НИИ экономики и организации сельскохозяйственного производства

КИШИНЕВ

ОТКУДА «ВЫВОДИЛОВКИ»?

Можно сказать, что над проблемами соревнования задумывался еще... Эмиль Золя. В его «Деньгах», написанных в 1891 году, есть любопытное рассуждение:

«Конечно, существующий общественный строй обязан своим многовековым процветанием принципу индивидуализма, который благодаря конкуренции и личной заинтересованности вызывает все большую производительность. Будет ли так же плодотворен коллективизм? И какими средствами можно повысить производительность труда, если исчезнет стимул наживы? Вот это для меня неясно, это меня тревожит, здесь наше слабое место, и нам нужно будет долго бороться, чтобы социализм когда-нибудь восторжествовал».

Торжество социализма — исторический факт, но это не значит, что вопросы, взволновавшие некогда Золя, полностью исчерпаны. Какими средствами можно повысить производительность труда?.. Мы об этом непрестанно говорим, думаем, пишем, но проблема повышения эффективности общественного производства все еще остается актуальной. Сейчас вновь мы обращаемся к социалистическому соревнованию как средству добиться желанной цели.

Соревнование на некоторых, особенно небольших, предприятиях нередко слишком оторвано от системы экономического стимулирования.

Если предприятию сбыт продукции фактически обеспечен — даже и той, которая вообще никому не нужна (на оптовых базах и магазинных полках она пылится годами), если гарантирована не только зарплата, но и премии, — трудно вызвать истинное желание бороться, добиваться победы. Парадоксально, но, увы, факт: то главное, за что надо бороться, в хозяйственных условиях как бы дается заранее, в качестве исходного. И у многих появляется мысль: чего еще стараться? Конечно, можно бы сделать и лучше, но и за такие скромные успехи, как у нас на заводе (фабрике, стройке, в организации и т. д.), без работы и куска хлеба не останешься...

Завоевания социализма, явные его преимущества как общественной системы перед строем, живущим, говоря словами Эмиля Золя, «стимулом наживы», именно в области производительности труда не исключают своих нелегких проблем. Тут есть тема для размышлений и практических поисков, социально-экономических экспериментов.

Возьмем такие проблемы, как текучесть или нехватка рабочих кадров, ощутимые в нашей промышленности все более и более. На многих стройках и предприятиях уже буквально гоняются за работником, готовы его всячески ублажать, прощать и пьянство, и недисциплинированность — лишь бы не ушел к соседям. А он еще нередко шантажирует, грозит администрации: «Вот возьму да уволюсь!». И приходится терпеть даже явно плохих работников, а то и вовсе без людей останешься. Отсюда и разного рода «выводиловки» в зарплате, заранее гарантированные премии, законные и незаконные «надбавки»: лишь бы человек не ушел...

Где же выход? Известно: в дальнейшем совершенствовании методов управления и хозяйствования, широком использовании достижений оправдавшихся экспериментов, например щекинского, черепашьи темпы распространения которого в свое время критиковала «ЛГ». Кстати, если уж говорить о работе по принципу «людей меньше — дела больше», то ведь и на ряде других предприятий, где шли на смелое экспериментирование, в первые же дни работы по-новому стали высвобождать лишних людей, тогда как прежде работников не хватало.

Последовательное развитие хозяйственной реформы, несомненно, позволит соревнованию стать действенным рычагом подъема инициативы, стимулятором творчества, поиска.

Г. ЩУКИН, инженер

САРАТОВ

«ОРЛЕНОК-605»

Двухдиапазонный радиоприемник «Орленок-605» по размерам не больше двух спичечных коробков. Но, несмотря на миниатюрность, его корпус вмещает семь транзисторов, два полупроводниковых диода, громкоговоритель, магнитную антенну, два элемента «316» и прочую «радионачинку», обеспечивающую устойчивый прием радиостанций в диапазонах длинных и средних волн. «Орленок-605» может непрерывно работать 50 часов. Если подключить к нему малогабаритный телефон, то можно слушать радиопередачи, не мешая окружающим. А наружная антенна позволяет улучшить прием отдаленных радиостанций.

Радиоприемник «Орленок-605» продается по новой цене: раньше он стоил 33 руб., теперь — 22 руб.

ЦЕНТРАЛЬНАЯ КОММЕРЧЕСКО-РЕКЛАМНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ «РАДИОТЕХНИКА»

Французский журнал «2 000» опубликовал статью Мишеля Рагона «Глобальный город». Имя этого известного архитектурного критика знакомо советскому читателю по переведенной на русский язык книге «Города будущего», ряду статей и интервью в «Литературной газете».

В новой публикации Мишеля Рагона речь также идет о будущем градостроительства. Анализируя проекты и прогнозы ряда видных зарубежных зодчих, автор не обходит молчанием и перспективные работы советских архитекторов.

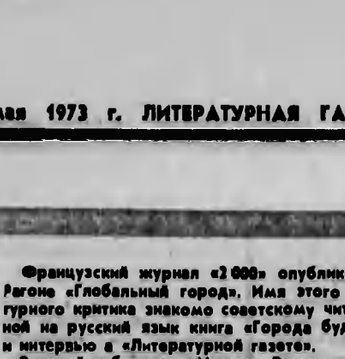
«С 1969 года в Московском институте теории, истории и перспективных проблем советской архитектуры существует «сектор перспективного развития архитектуры в СССР», — пишет Мишель Рагон. — ...В русском павильоне на Всемирной выставке в Осаке архитектор этого института К. Пчельников выставил макет своего так называемого «кинетического города»... В том же павильоне Гутнов [1927 год рождения] выставил макет города в форме спирали. Эта идея макроструктур, образующих самостоятельные жилые единицы, реализуется при строительстве ряда новых городов на Крайнем Севере. Кроме того, намечается использовать идею полной «климатизации» некоторых городов Крайнего Севера, в частности в Якутии, поблизости от месторождений алмазов, в местах, где зимой температура достигает минус 70 градусов. Такая «климатизация» осуществляется с помощью прозрачного купола из пластика, перекрывающего данный населенный пункт. Благодаря этому город на 25 тысяч жителей, затерявшийся среди льдов и снегов, будет располагать зелеными парками и открытыми бассейнами с теплой водой. Впрочем, полная «климатизация» городов Сибири предусматривается лишь в исключительных случаях.

Специалисты ЗНИЭП — Зонального научно-исследовательского института экспериментального проектирования — полагают, что, вообще говоря, опасно изолировать человека в условиях искусственной жизни и что целесообразнее создавать «климатизированные» крытые галереи, соединяющие жилые массивы с местами работы и коммунальными службами».

Проекты крытых городов, разрабатываемых, в частности, для Якутии, достаточно реальны и хорошо известны уже нашим читателям. Но какова судьба проектов-прогнозов, рассчитанных на более отдаленное время? В том числе и работ архитектора К. Пчельникова, о котором упоминает в своей статье Мишель Рагон?

Утопия, фантазия или реальность — то «города будущего», что видятся сегодня зодчим разных стран?

С этими вопросами мы обратились к одному из энтузиастов советского экспериментального проектирования — архитектору Константину ПЧЕЛЬНИКОВУ, статью которого предлагаем читателям «ЛГ».



Константин ПЧЕЛЬНИКОВ,
архитектор

ЗОДЧИЕ СМОТРЯТ В 2000 ГОД

В СВОЕЙ статье «Глобальный город» Мишель Рагон не скрывает чувства недоумения и горечи по поводу судьбы крупнейших футурологических изысканий в области градостроительства, блистательно осуществленных за последнее десятилетие в разных точках земного шара.

Некоторые из этих проектов-прогнозов знакомы советскому читателю по переведенной у нас книге того же М. Рагона «Города будущего», автор называет их и в своей новой статье. В среде архитекторов эти работы достаточно широко известны: «Пространственный город» Ионы Фридмана, «Интрапояис» Вальтера Ионаса, «Кибернетический город» Николаса Шеффера, «Подвешенный город» Поля Мэймона, «Тонно на море» Кензо Танге и т. д.

Футурологией городов увлечены сейчас многие архитекторы во всем мире. В смелых идеях нет недостатка. Скажем, японец Кумутане — один из авторов «плавучего города». Его соотечественник Нуромава задумал город, а основе которого гигантские винтообразные, спиральные башни. По мысли автора, их конструкция позволяет изолировать жилища, освободить их обитателей от «связи», то есть от вида противостоящих строений. Из этих жилищ открывалась бы широкая панорама. Нуромава предлагает также окружить старые районы Токио круговой сетью подвесных дорог односторонного движения.

По замыслу Ионы Фридмана пространственные структуры должны быть подняты над старым Парижем так, что последний оказывается как бы «зажатым» между их опорами.

Интересные идеи разрабатываются в США. В Миннесотском университете создан план экспериментального города, где целый район будет перекрыт прозрачным куполом. Бакминстер-Фуллер выступает даже с предложением о «воздушных городах», размещенных в геодезических сферах, подвешенных в воздухе. В Англии и Франции трудятся над проектами таких городов, которые будут постоянно видоизменяться.

Разумеется, все эти работы неравноценны и находятся в разной степени проектной готовности. Понятно, что они учитывают и географические, и демографические особенности своих стран. Например, «плавучий город», или «Токио на море» для перенаселенной Японии отнюдь не умозрительная идея.

В данной статье мне хотелось бы поговорить о судьбе тех проектов-прогнозов, которые разработаны достаточно полно — такие есть и у нас в СССР, и в других странах. Несмотря на их оригинальность, скрупулезность, инженерно-техническую воплотимость, несмотря на потребность в них уже сегодня, сейчас, они все еще остаются на бумаге, отношение к ним господствующей архитектуры полно скепсиса, а сама градостроительная практика опирается на скудный запас традиционных идей.

Что происходит? Как долго продлится разрыв между теоретическим мышлением и реальным строительством?

Архитектурная футурология — детище не только нашего века, а, пожалуй, всего исторически обозримого периода. Начиная с древнего Вавилона она является концентрированным выражением человеческих упований на возможность гармонического бытия. Она столь же естественна, как стремление людей к идеалу. Социалисты-утописты, смелыми чертами рисовавшие общество будущего, одновременно с философским были наделены и удивительным архитектурным прозрением. Их «города солнца» выглядят сегодня не бесплодными фантазиями, а пророчествами.

В двадцатых и тридцатых годах молодая советская архитектура удивила мир появлением необычайно яркой школы футурологов, которые подхватили предшествующий «утопический» порыв, стремящийся порвать с зашедшей в тупик архитектурной архаикой, перевести строительство на основы новейшей инженерии и техники. В короткий срок были сформулированы и обнародованы основополагающие идеи в градостроительстве и расселении, связанные с именами Н. Ладовского, Н. Леонидова, Л. Лисицкого и других авторов. Позднейшее — западноевропейское, американское, японское — архитектурное мышление, взорвавшее монолит традиционных представлений, во многом вдохновлялось работами наших соотечественников.

Те ранние проекты отличались свободой, романтизмом, безусловной верой в прогресс и науку. Однако инженерно - строительная база в ту пору едва выходила из «фазы обычного кирпича», робко осваивая металл и железобетон. И лишь зарождалась строительная инженерия преднапряженных конструкций, сверхлегких материалов, новых пространственных форм, которая в будущем должна была перекинуть мост от дерзких новаций к их воплощению. А пока разрыв между тем и другим оставался огромным. Проекты двадцатых годов, подобные «летающим городам» Георгия Крутикова, были причислены к несбыточным утопиям и до времени позабыты.

В отличие от них, козырь проектов последующих десятилетий в том, что они могут материализоваться сейчас, немедленно, ибо научно-техническая революция, охватившая мир, предоставляет для этого широкий выбор средств и решений. И промедление в этом связано отнюдь не с отсутствием инженерно-материальной основы, а лишь с высокой покуда стоимостью предлагаемых сооружений, с консервативностью господствующих архитектурных взглядов, а также с неясностью: как гармонично и безболезненно перевести существующий, за века сложившийся тип человеческого поселения — традиционный город — в новое качество и измерение. Эти три тормоза, на наш взгляд, и объясняют прозябание «градостроительства будущего».

Но несправедливо утверждать, что прогресс отсутствует полностью.

Широкая пресса, опередив специальные архитектурные издания, подхватила идеи «фантастов». И острейший интерес к ним публики вызван не одной сенсационностью предложений, а и той глубокой, подчас бессознательной неудовлетворенностью человека, помещенного в недра устаревших, архаических городов, вставших в противоречие с сегодняшними людскими потребностями. Интерес не попадает и поныне. Массовые издания самого различного направления и калибра усиленно пропагандируют идеи футурологов, подготовляя к ним сознание.

Постепенно имена «фантастов», часто даже и не архитекторов по образованию, что ставило их за пределы архитектурного клана, — постепенно их имена и идеи вошли в сферу интересов и официальной архитектуры. Их проекты, опубликованные в специальных изданиях, стали достоянием профессионалов. И сейчас мы наблюдаем начало интенсивного профессионального осмысления новых фундаментальных предложений. Они обсуждаются в дискуссиях, стали предметом исследований, обрастают статистическим материалом, входят в рабочие планы научно-исследовательских и проектных институтов и организаций.

И сама архитектурная практика, подчас незаметно, начинает пользоваться элементами новых воззрений, осуществляя их далеко не полностью, но в лоне существующих городских образований, тем самым подготавливая гармонический, а не болезненно-скачкообразный переход к новым структурам. И, по-видимому, возникновение их будет связано не с «истреблением» старых, а с постепенным, естественным угасанием одних и плавным возвышением других.

В свое время на страницах «Литературной газеты» (№ 40, 1970) была изложена одна из упомянутых М. Рагоном советских гипотез «города будущего» — «Кинетический город», — которая в полном своем объеме является гипотезой расселения.

Напомним кратко, в чем суть проекта. Сегодняшний город — это расползающийся во все стороны массив и прерывной маловысотной застройки. Недостатки его всем хорошо известны: он вытесняет природу, затрудняет передвижение, лишает жителей мобильности. Совершенно иную картину представляет собой предлагаемый «кинетический город».

Представьте себе высокие башни, которые нам бы «обволакиваются» низкими сооружениями разной этажности. «Обволакиваются» в том смысле, что непосредственно примыкают к ним, создают с башнями единое целое в структурном и композиционном отношении. Всю эту комплексную застройку можно назвать, пожалуй, разновысокой. Ядром ее становится комплекс полного общественного обслуживания, которым можно пользоваться, не выходя на улицу. А жилые ячейки обращены вовне — на свободное пространство, из окон можно будет увидеть широкую панораму: леса, луга, водоемы... Ведь вся соль в том, что очаги концентрации застройки (башни и «обволакивающие» их низкие структуры) чередуются с открытыми пространствами. Тут уже нет непрерывного города в нынешнем его виде. В таких «очагах концентрации» может быть несколько десятков тысяч жителей. А разрыв между «очагами» равен километру и более. Словом, вокруг каждого из этих «очагов» — природа, памятники культуры и архитектуры. При такой прерывной структуре создается возможность «раскрепостить» коммуникации, проложить скоростные трассы транспорта.

Конечно, это лишь в самом общем и упрощенное изложение особенностей нашего «кинетического города», проект предусматривает и много других решений, принципиально отличных от традиционных.

Судьба проекта — первоначальное обнародование через каналы массовой прессы, последующая экспозиция в павильоне СССР на Всемирной выставке «ЭКСПО-70» в Осаке, наконец, включение в поток профессиональных изданий и исследований — полностью роднит его с подобными же гипотезами. Но существует, на мой взгляд, и качественное отличие советских разработок от зарубежных.

Даже самые талантливые, изумляющие воображение людей проекты зарубежных зодчих тем не менее ограниченны, охватывают, как правило, локальный город. Известная «камерность» проектов объясняется невозможностью охватить общие, совершающиеся в масштабах государства процессы из-за их хаотичности, неуправляемости, что вообще свойственно буржуазному обществу. А также и тем, что в их странах процессы эти протекают в относительно локальных географических условиях, на сравнительно однородном природном ландшафте, «камерном» в своей основе.

СССР обладает гигантской территорией, чрезвычайно разнородной по природным ландшафтам, с разноязычным, этническим пестрым населением. Сегодняшние сдвиги, вызванные освоением новых земель в тундрах, целинных степях, пустынях, на склонах гор, борьба за ресурсы, миграция миллионов — приводят в движение невиданные людские массы, «концентрированно перемещает их по пространствам. Эти сдвиги, связанные с общим развитием социалистического общества, поддаются описанию, осмыслению, управлению. И в конечном счете выливаются в развернутую, научно обоснованную теорию расселения.

Архитектурная гипотеза — «Кинетическая система расселения» — охватывает не отдельный, локальный город, а всю динамическую картину приведенной в движение страны, с системами городов, коммуникаций, взаимодействующих областей. В основу ее положены принципы рационального хозяйствования, сохранение среды обитания, максимальная комфортность в условиях, часто мало пригодных для жизни: в пустынях, горах, на воде и т. д.

Можно колебаться в конкретно-видовых описаниях этой идеи, угадывая сроки ее осуществления. Но время, внося постоянные коррекции, движет нас к ее воплощению, и уже существует немало признаков, внушающих оптимизм.

***

Заголовок иллюстрирован фрагментом проекта «Кинетический город», экспонировавшегося в советском павильоне на Всемирной выставке «ЭКСПО-70» в Осаке (арх. К. Пчельников).

ДИПЛОМЫ И ПРЕМИИ

КОНКУРС НА ЛУЧШУЮ КРИТИЧЕСКУЮ СТАТЬЮ

Союзом архитекторов СССР был проведен конкурс на лучшую критическую статью по проблемам архитектуры, опубликованную в периодической печати в 1971—1972 годах.

Жюри решило присудить ДИПЛОМ ПЕРВОЙ СТЕПЕНИ и денежную награду восьми авторам. Все они архитекторы, их статьи публиковались в различных профессиональных журналах. Лауреатами стали: М. А. АЗИЗЯН, Л. М. БАВАЯН, Ю. П. ГНЕДОВСКИЙ, В. И. ЛОКТЕВ, В. Ф. МАРКУЗОН, Б. Н. СИМБИРЦЕВ, А. А. СТРИГАЛЕВ и С. П. ШМАКОВ.

Среди получивших ДИПЛОМ ВТОРОЙ СТЕПЕНИ (тринадцать авторов) также все архитекторы, кроме одного — нашего обозревателя,— журналиста А. Н. ЛЕВИКОВА, награжденного «за цикл статей по проблемам архитектуры, опубликованных в «Литературной газете». В этой группе есть архитекторы, хорошо знакомые нашим читателям по публикациям в «ЛГ»: М. Г. БАРХИН, Р. Г. МЕТЕЛЬНИЦКИЙ, Н. В. СОКОЛОВ, М. Я. ПОРТ. Трое из них получили дипломы за статьи, помещенные в других изданиях, а М. Я. Порт за статью «Четыре ступени к Олимпу» в «Литературной газете».

ДЕЙСТВИТЕЛЬНО, КТО?

НИ ОДИН архитектор нашего института не остался равнодушным к вопросу «Кто мы?», вынесенному в заголовок полемических заметок Р. Метельницкого. Впрочем, не столь уж и полемических — у нас не было особых споров об их содержании. Все единодушно поддерживают автора. И наше коллективное обсуждение этих заме ок вылилось в обычное «душеизлияние» по наболевшим вопросам. А вопросов столько — не выговоришься за один вечер...

Архитектор — тысячу раз прав Р. Метельницкий! — настолько ограничен в своих решениях различными регламентациями, что иной раз свободный выбор одного из двух вариантов окон (с форточкой или без форточки) становится чуть ли не потолком его творческих исканий. К примеру, этажность наших будущих зданий диктуется Госстроем, размеры окон и дверей — Министерством промышленности строительных материалов, которому принадлежат заводы... Если еще учесть, что даже указания зодчего по отделке фасадов и интерьеров игнорируются строителями из-за отсутствия у них под рукой нужных материалов, то нетрудно понять, почему девальвировался авторитет архитектора в представлении широкой публики. Да, пожалуй, — и у тех, кто непосредственно работает с зодчим. Если продолжить параллель Метельницкого, то выйдет, что архитектор сегодня подобен некоему незадачливому кинорежиссеру, потерявшему престиж даже у осветителей и пиротехников. Хороший ли получится у такого постановщика фильм?

Рабочее время архитектора растрачивается на согласования с заказчиком, строительными организациями, переговоры и переписку со специалистами по водоснабжению, теплоснабжению, вентиляции и наконец на сверку и проверку чертежей, согласование сметы. Спору нет, эта работа неизбежна и необходима, и переложить ее на чьи-то плечи нет никакой возможности. Но при этом сложилась парадоксальная ситуация. При огромной занятости архитектора в течение всего рабочего дня лишь незначительная часть его труда выражена непосредственно в чертежах.

Помимо вытекающих отсюда моральных и материальных последствий, это попросту означает, что собственно архитектурное проектирование становится для зодчего хобби, увлечением в часы досуга.

Возникает порочный круг: талантливого архитектора можно вознаградить лишь одним способом — повысив его в должности, а повышение в должности неизбежно влечет за собой увеличение административных обязанностей и сокращение времени на творчество. Да и возможно ли всех способных зодчих сделать руководителями групп, отделов и т. д.? Видимо, выход надо искать в изменении системы стимулирования творческого труда. Сейчас зодчий, в отличие от мастеров других областей искусства и литераторов, не получает за свое произведение авторского гонорара. Его зарплата зависит только и исключительно от занимаемой должности, а вовсе не от того, насколько он творчески активен. С этим трудно примириться.

Р. Метельницкий правильно увидел проблему в нерациональном использовании архитектурных кадров, на подготовку которых наше государство затрачивает огромные средства. Автор предлагает решить вопрос, сочетая гонорарную систему оплаты с системой окладов. Этот способ стимулирования творческого труда зодчих, не затягивая обсуждения его в различных инстанциях, следовало бы экспериментально проверить в ряде проектных институтов.

Так или иначе, но надо искать и искать способы активизации творческого процесса в архитектуре. И, может быть, в самом деле отменить запреты на совместительство? В таком случае архитектор в качестве автора мог бы участвовать в проектировании, независимо от конкретной должности, занимаемой в том или ином институте, архитектурно-планировочном управлении и т. д. Могут быть и другие предложения. Важно добиться одного: чтобы архитектор в полной мере был архитектором.

Право решать творческие задачи — огромный стимул и большая ответственность для зодчего. Умаление этого права может породить лишь безликость в архитектуре.

Л. ЗАЙЦЕВА, главный архитектор мастерской № 1 института «Владимиргражданпроект», В. СТРОГАНОВ, руководитель группы, А. РЕВЯКИН, старший архитектор, С. ЛИСИЕНКО, архитектор, Н. СЕДЫХ, архитектор, А. БОГАТОВ, руководитель группы, В. КОТОВ, руководитель группы, Ю. СПИЧЕВ, главный архитектор проекта, Р. САВИНА, архитектор, Е. ОВЧИННИКОВ, старший архитектор, Р. ЛЕБЕДЕВА, старший архитектор, и другие (всего двадцать подписей)
гор. ВЛАДИМИР

ВЕРНОЕ И СПОРНОЕ...

СТАТЬЯ архитектора Р. Метельницкого «Кто мы?» («Полемические заметки о таланте и должности») действительно является очень полемической. В ней содержится ряд правильных положений, но еще больше — спорных и даже необоснованных идей.

Прежде всего — о проблемах, поставленных в статье, которые на самом деле являются актуальными и важными для развития советской архитектуры. Перечислим их:

— повышение качества советской архитектуры;

— поиски способов «активного стимулирования авторского творчества в архитектуре»;

— необходимость разработки не «единственного», а нескольких соревнующихся вариантов проектов;

— защита авторских прав архитектора-творца;

— освобождение архитектора-автора от ряда трудоемких и механических работ, отвлекающих его от творческих задач при создании архитектурного произведения.

Эти вопросы в течение ряда лет, особенно после принятия известного постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по улучшению качества жилищно-гражданского строительства», находятся в центре внимания Госгражданстроя и Союза архитекторов СССР. Для их успешного решения уже осуществлен ряд серьезных практических мероприятий. В их числе можно назвать и упорядочение заработной платы архитекторов, в результате чего ликвидирована диспропорция в оплате труда архитекторов, работающих в столичных, республиканских, областных и городских проектных организациях.

Для крупных и ответственных объектов узаконена новая стадия проектирования — технико-экономические обоснования проекта (ТЭО), — позволяющая разрабатывать и сопоставлять несколько вариантов проектов на ранней, эскизной стадии проектирования.

Расширены права и повышена ответственность госстроев союзных республик, местных архитектурно-строительных органов, главных архитекторов городов, областей, краев и районов. Разработаны и распространяются большими тиражами проектные и методические материалы, облегчающие труд архитектора - проектировщика: каталоги типовых конструкций, альбомы нормалей планировочных элементов, альбомы типовых деталей и узлов и т. д. Значительно расширилась практика проведения открытых и закрытых конкурсов...

В последние годы многие выдающиеся произведения советской архитектуры были отмечены Ленинскими и Государственными премиями СССР, премиями Совета Министров СССР, республиканскими и другими премиями, стимулирующими творческие достижения зодчих.

Отмечая актуальность ряда проблем, названных Р. Метельницким, мы вместе с тем не можем согласиться с автором в двух его исходных положениях:

— утверждении, что архитектура является только «искусством, равным среди прочих муз»;

— делении работы архитекторов на два «качественно» отличных процесса — творческий и «разработки проектной документации».

Действительно, опыт тысячелетий говорит о том, что архитектура является искусством, но это искусство весьма специфическое, тесно связанное с созданием искусственной материальной среды для труда, быта, отдыха человека, что накладывает совершенно своеобразный отпечаток на характер деятельности архитектора.

Деление на «творческую часть» и «процесс разработки проектной документации» вызывает решительные возражения. От подлинного зодчего требуется творческое отношение ко всем стадиям разработки и осуществления проекта — от первых набросков и эскизов идеи сооружения до последней детали, выбора конструкции и материалов, составления сметы и проверки технико-экономических показателей. Вплоть до осуществления авторского надзора за строительством!

Глубоко ошибочным является пренебрежительное отношение автора статьи «Кто мы?» к массовому жилищному строительству — одной из важнейших творческих проблем современной советской архитектуры. Совершенно неправильно и его утверждение, что «строители могут сооружать дома и без зодчих». (То, что автор говорит это иронически, имея в виду якобы лишь «невыразительные типовые проекты», его отнюдь не оправдывает.)

Автор напрасно критикует Госгражданстрой в связи с трактовкой понятия «незаконного совместительства». Порядок совместительства в системе Госгражданстроя строго соответствует порядку, установленному в стране во всех областях трудовой деятельности.

Не известно, что имеет в виду автор статьи, упоминая о «шести томах строительного законодательства по шестьсот страниц каждый». Если замечание относится к Строительным нормам и правилам (СНиП), то Госстроем СССР в течение последних лет проводится большая работа по совершенствованию, упрощению и сокращению этих норм.

Конечно, еще предстоит сделать очень многое, чтобы добиться дальнейшего повышения творческого уровня советской архитектуры. Из числа вопросов, поднятых в статье архитектора Р. Метельницкого, Госгражданстрой считает первоочередной задачей подготовку совместно с Союзом архитекторов СССР следующих предложений:

1. Об авторских правах архитектора;

2. О расширении практики проведения конкурсов на разработку проектов крупнейших зданий и ответственных объектов;

3. О разработке соревнующихся вариантов проектов крупных зданий и сооружений.

С. ЗМЕУЛ,
заместитель председателя Государственного комитета по гражданскому строительству и архитектуре

«КТО МЫ?»

НА ВОПРОС АРХИТЕКТОРА Р. МЕТЕЛЬНИЦКОГО ОТВЕЧАЮТ ЕГО КОЛЛЕГИ ИЗ гор. ВЛАДИМИРА И ГОСГРАЖДАНСТРОИ ПРИ ГОССТРОЕ СССР.

Статья Р. Метельницкого «Кто мы» («ЛГ», № 41, 1972) имела широкий резонанс — в редакцию пришло много взволнованных откликов, состоялось обсуждение этого выступления и в Союзе архитекторов СССР. Все согласны, что статья поднимает важные вопросы организации и стимулирования творчества зодчих, взаимоотношений архитектора и общества, управления процессом архитектурного проектирования. Разговор этот нельзя считать оконченным, он носит принципиальный характер, и многие проблемы все еще остаются актуальными.

Мы публикуем коллективный отклик на статью «Кто мы?» группы архитекторов института «Владимиргражданпроект», а также мнение Государственного комитета по гражданскому строительству и архитектуре.

Работает градостроительный совет Москвы Фото А. УЗЛЯНА

ПРОДОЛЖАЯ НАШУ РУБРИКУ «КОНФЛИКТНАЯ СИТУАЦИЯ», МЫ ПУБЛИКУЕМ СЕГОДНЯ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ОЧЕРК ПИСАТЕЛЯ АЛЕКСАНДРА БОРИНА, ИССЛЕДУЮЩИЙ КОНФЛИКТ, ПОДОБНЫЙ КОТОРОМУ МОЖНО ПОДЧАС ВСТРЕТИТЬ И В РЕАЛЬНОЙ ЖИЗНИ.

ПАДЕНИЕ

КОНФЛИКТНАЯ СИТУАЦИЯ

Александр БОРИН

Исповедь директора НИИ

Директор НИИ М. П. Дроздов в своей статье утверждал: «Исследования заведующего лабораторией профессора А. А. Самарина глубоки, оригинальны и целенаправленны, они развивают одно из важнейших направлений научной программы института». А через три месяца после выхода статьи в свет М. П. Дроздов подписал приказ, где, в частности, говорилось: «Лабораторию профессора Самарина А. А. ликвидировать как не соответствующую профилю института».

Что произошло?

1.

Когда умер прежний директор института, ученый с мировым именем и мягчайший человек, которому, однако, никто никогда не смел перечить, мне предложили его кресло. Я согласился. А через год почувствовал, что мною... овладевает паника. Нет, ничего экстраординарного не произошло. Просто я переставал быть ученым. Всего-навсего. Я становился завхозом, комендантом, диспетчером, третейским судьей, финансистом, духовником... И только не ученым.

Вот сидит передо мной в кабинете мой старинный друг, друг моей семьи, профессор Ксения Рафаиловна Белкина, человек, которому я здесь больше всех, вероятно, обязан: когда-то, сразу после войны, она прочла в «Ученых записках» мою статью, вызвала меня из провинции, устроила в институт, в свою лабораторию, стояла у колыбели моей докторской диссертации... Ксения Рафаиловна—крикунья, охальница, остра на язык, любому, без исключения, режет в глаза правду-матку и этим, кажется, чуть-чуть кокетничает. Издавна, в течение многих лет, у нас повелось, что раз в неделю она должна высказать мне все свои неудовольствия... Оборудование завезли ей мерзкое, постоянно ломается; а издательство анархия и беспорядок, рукопись ее пятый месяц лежит без движения; пятерчатка в аптеках испортилась: раньше снимала головную боль, теперь не снимает...

Сегодня, как и прежде, Ксения Рафаиловна пришла пожаловаться... Но мне уже кажется, будто она жалуется сейчас по-другому, и, главное, я сам по-другому все это должен воспринимать... Я не могу уже просто-напросто сочувственно покачать головой. Я, директор, обязан действовать: схватить телефонную трубку, кого-то вызвать, что-то приказать, позаботиться, чтобы из строя не выходило оборудование, чтобы издательские не ели зря свой хлеб... Бесполезная пятерчатка в аптеке тоже вроде бы теперь целиком на моей совести... Но я не хочу, не могу на все реагировать. У меня есть свой внутренний лимит реагирования, и я не желаю расширять его до бесконечности.

Кому-то из сотрудников я сказал: «Каждого третьего собеседника директор должен уметь слушать и не слышать». — «Как так!» — «А так вот: не вникать по существу. А то лишняя информация тебя захлестнет и утопит...» Через некоторое время слова мои вернулись ко мне анекдотом: мол, у нас ставится опыт по выращиванию глухонемого директора...

Однажды наступил предел моему терпению: я узнал, что у нас в институте, за моей спиной, под прикрытием моего честного имени, совершается... уголовное преступление! Заведующая лабораторией, не имея средств на оплату внештатных консультантов, использовала для этой цели жалование подставных, фиктивных лиц. Я пришел в ужас. Срочно созвал расширенную дирекцию.

За час до начала ее в кабинет явилась группа сотрудников, один из них сказал: «Михаил Петрович, вы совершенно правы, так поступать нельзя. Но объясните, где еще могла взять денег заведующая лабораторией? Организация дела у нас хромает, безлюдного фонда нет до сих пор:.. Необходимо создать нормальные условия для работы». Я ответил: «Легче всего нарушения оправдывать объективными условиями».

На дирекции я, кажется, кричал. Впервые в жизни. Я спрашивал заведующую лабораторией: «Вы, что, решили нас всех в тюрьму посадить?»

Кончив, я потребовал: «Кто хочет выступить?» Все молчали. Это меня ожесточило: «Значит, некому и нечего сказать?»

Поднялся молодой человек. Старший научный сотрудник из лаборатории Ксении Рафаиловны. Он произнес внушительно: «Случившееся кладет пятно на весь наш коллектив. Подобные методы мы должны беспощадно искоренять...»

Я растерялся. Такого словаря прежде в нашем институте никогда не существовало. Это был чужой, непонятный нам язык. Я встретился взглядом с заведующей лабораторией, и на секунду мне стало стыдно. Но я подумал: поддержать молодого человека меня обязывают мой долг и мой пост. Когда он кончил, я проговорил: «Вполне с вами согласен».

Этого человека звали Сергеем Никифоровичем Прохоровым.

2.

Если бы только организационные неурядицы отвлекали меня от научных занятий! Может быть, всего сильнее от науки отвлекала меня... сама наука.

Собственная моя тематика занимала в институте примерно одну двадцатую всего объема исследований. Остальные области касались меня косвенно, слабо. Но ведь ими мне, директору, тоже приходилось каждый день заниматься! Участвовать в совещаниях, вести обсуждения, выслушивать доклады, председательствовать на симпозиумах... Особенно я не любил, когда по чужим, далеким для меня проблемам надо было представительствовать в Москве, в министерстве — давать бесконечные разъяснения, отвечать на вопросы... Чтобы уйти от сути обременительного разговора, я спешил обычно проявить покладистость, сговорчивость, пообещать, что угодно... Знаете, как срабатывает иной раз «защитный барьер покладистости»? Тебе говорят: «Михаил Петрович, голубчик, вам будет одно порученьице, надо сделать то-то и то-то...» Ты прекрасно понимаешь: все другие институты от этого «порученьица» отбились руками и ногами, отказались наотрез, и настоящей науке оно не имеет ни малейшего отношения — так, техническая поделка, не больше... Но чем затевать утомительную дискуссию, спорить, сопротивляться, ты предпочитаешь уступить. Убеждаешь себя: с министерством неразумно портить отношения, с министерством выгоднее сохранять мир и дружбу. К тому же собственной твоей лаборатории эта работа никак не касается... «Ладно, — говоришь, — давайте, сделаем, где наша не пропадала...»

Я прекрасно видел: в институте такие разовые «полунаучные» задания встречаются в штыки. Однажды в коридоре я поймал за своей спиной: «Постепенно мы превращаемся я магазин «Тысяча мелочей». Сделал вид, что не слышу, прошел мимо...

Наступил срок, и мне позвонили: «Михаил Петрович, помните, вы нам обещали...» «Да, да, — сказал я. — Проверю и завтра сообщу».

Я представил, какой сейчас разговор произойдет с сотрудником, на которого навешена эта тема. «Как задание?» — спрошу я. «А никак, — ответит он. — Я ученый, а не холодный сапожник». «Вы не правы, — возражу я, — это очень полезное дело». «Полезные дела делает все человечество, — ответит он. — А ученые обязаны заниматься наукой, нам за это зарплату платят».

Я вызвал секретаршу и попросил ее узнать, кому поручен такой-то вопрос. Через десять минут она сообщила: «Сергею Никифоровичу Прохорову». — «Пусть зайдет».

Он вошел и, ни слова не говоря, положил мне на стол отпечатанные страницы.

Это был уже готовый отчет по теме!

Я стал читать и не смог скрыть изумления. Позма! Настоящая позма ни о чем! Сам результат занял бы от силы страничку-две, но гладкие, наукообразные фразы вокруг подымали бездельку почти до уровня эйнштейновской теории относительности. В министерстве должны будут увидеть, какие мы старательные, ревностные, исполнительные...

«Послушайте, да вы же гигант», — сказал я Прохорову. Он невозмутимо промолчал. «Да вы же настоящий гладкописец», — сказал я. Он с интересом посмотрел на меня. В его взгляде я прочел гордость. Или, может быть, покровительственность? Или — затаенную насмешку? Я не стал разбираться. Мне было все равно. «Спасибо, — сказал я. — Вы нас очень выручили...»

Через месяц я назначил Прохорова ученым секретарем. Мне нужен был свой врожденный гладкописец.

3.

Ученый секретарь — должность совсем маленькая и очень большая. Все зависит от того, какими правами и обязанностями наделит его директор института. Я лично имел твердое намерение передать Прохорову большинство самых хлопотных и обременительных своих тягот. Я брал Прохорова на черную работу и не скрывал от него этого. Он, кажется, все понял и спросил только: «Надеюсь, вы не станете действовать через мою голову?» Я рассмеялся: «Напротив, Сергей Никифорович, рассчитываю, что вы будете действовать через мою...»

Очень скоро на Прохорова посыпались жалобы. Приходил, скажем, сотрудник и заявлял: «У меня готова диссертация, прошу утвердить оппонентом профессора М., но Сергей Никифорович не разрешает. Приглашаю Сергея Никифоровича. Тот является — серьезный, невозмутимый, аккуратный. Говорит: «Во-первых, диссертант не вправе выбирать себе оппонента...» «Но так всегда делается!» — горячится сотрудник. «Незаконно делается, — говорит Прохоров. — У нас так делаться не будет. Во-вторых, профессор М. живет в Новосибирске, и нам пришлось бы вызывать его командировкой». «Но он самый крупный специалист в моей области, — страдает сотрудник, — его авторитет непререкаем!» «А что, — спрашивает Прохоров, — у вас такая слабая работа, что просто специалист в ней не разберется?..» Или, скажем, другой сотрудник просит поставить его защиту на март месяц: потом в ВАКа начнутся каникулы, и диссертация пролежит до осени. «А вы полагаете, — спрашивает Прохоров, — до осени ваша работа устареет?»

Что говорить! Конечно, мы могли пригласить оппонента из Новосибирска, средства у нас были, и поставить защиту диссертации на март, план это позволял. Но я видел: все проблемы эти не стоят и выеденного яйца! Не профессор М.— другой оппонент тоже дест прекрасный отзыв, молодой человек успеет получить свой кандидатский диплом и годом позже. Пустые, детские переживания... Сергей Никифорович хочет хоть в чем-то проявить свою власть? Ну и пусть, на здоровье. Власть-то у него здесь, в институте, в сущности, мизерная, совсем пустячная. Постоянно под моим контролем... «Вот видите, — говорил я сотруднику, — выходит, вы не правы. В действиях Сергея Никифоровича есть своя логика. Давайте-ка, мой дорогой, прислушаемся к его соображениям...»

Но однажды — все так же спокойно, невозмутимо — Сергей Никифорович Прохоров потребовал, чтобы я изгнал из ученого совета моего старого друга Ксению Рафаиловну Белкину.

Вы пожимаете плечами? Напрасно. Прохоров, оказывается, никогда не затевал пустых, непродуманных шагов. Он знал, что делает.

Намечалось первоутверждение ученого совете. Хлопотная, неприятная процедура. Министерство давно уже настаивало на омоложении его состава. И было право: средний возраст членов совета приближался к шестидесяти годам...

В тот день, как обычно, после обеда, Прохоров вошел ко мне с папкой бумаг и протянул подготовленный список. В нем стояли все фамилии, о которых мы заранее договорились, кроме одной: Ксении Рафаиловны Белкиной.

Я не сразу возвратил листок Прохорову. Понял: нет, это не описка. В принципе в любой момент я мог ожидать выпада против Белкиной. Своей прямотой, острым языкэм она испортила отношения со многими сотрудниками института. В министерстве тоже с трудом переносили ее шуточки. Когда-то, еще держа Прохорова у себя в лаборатории, она не стеснялась лишний раз ему напомнить, что звезд с неба он не хватает... Но все ведь — и в институте, и в министерстве — отлично знали, как я к Ксении Рафаиловне отношусь. До сих пор это было для нее достаточной, надежной охранной грамотой...

Я вернул Прохорову листок. Сказал: «Я просил вас выполнить мое поручение, а не проявлять самодеятельность». Он спокойно сложил бумагу вчетверо, спрятал ее в карман. «Хорошо, — проговорил, — я зайду к вам завтра».

Он ходил ко мне неделю, две, месяц... Я его не слушал, обрывал, отчитывал... Однажды я спросил его: «Вы не можете простить Ксении Рафаиловне ее мнение о ваших научных способностях?» Он возразил совершенно спокойно: «Михаил Петрович, вы напрасно стараетесь меня оскорбить. Я человек необидчивый».

И, наконец, настал день, когда в душе моей шевельнулось нехорошее, недоброе чувство. Полагаете, к Прохорову? О, нет. О нем я тогда все еще очень мало думал. Я вдруг почувствовал неприязнь... к Ксении Рафаиловне Белкиной. Конечно, подумал я, это великое удовольствие, —не заботясь о последствиях, всем в глаза резать правду-матку, не стеснять свой острый язычок... Но в какое она меня ставит положение! Так себя можно вести, если твердо знаешь: что ни случись — тебя заслонят, защитят, выгородят... Положим, я действительно убежден, что Ксения Рафаиловна по-прежнему необходима в ученом совете. Но люди ведь иное скажут. Скажут: конечно, ей все дозволено, за нее директор. Скажут: другими старичками он спокойно пожертвовал, а ее не отдал. Скажут: в институте у нас расцветает кумовство, компанейщина. Пойдут разговоры, обиды, переживания, звонки... Мне во все это вникать, всем заниматься, все на себя вешать... Я подумал: а ведь и на самом деле Ксения Рафаиловна стара, дряхла, скоро за семьдесят, заседания ученого совета посещает через раз... Может, в глубине души она и рада бы поберечь себя, уйти на покой, да гордость не позволяет...

Я спросил Прохорова: «А в министерстве-то вы хоть посоветовались?..» Он оживился. «Я собираюсь в министерство, — быстро сказал. — Если вы не возражаете». Кажется, только этих слов он и ждал от меня. Кажется, одно ему было нужно: чтобы я опять, как всегда, устранился... У него лихорадочно заблестели глаза... Я перевел разговор на что-то другое...

Когда о выводе Белкиной из совета заговорили в институте, ко мне пришел Алексей Алексеевич Самарин, тоже один из самых близких мне здесь людей, и предупредил: «Ты не можешь так поступить, это нанесет невосполнимый урон институту». Я подумал: «Как легко тебе, миленький мой, командовать, не будучи командиром...» Жене я сказал, что на выводе Белкиной настояло министерство. Мне казалось, я не слишком и преувеличиваю...

4.

Вместо Ксении Рафаиловны членом ученого совета утвердили нового сотрудника— Клошина. Его усиленно продвигал Прохоров. Настаивал: молодой, энергичный, без пяти минут доктор...

Защита диссертации Клошина назначена была на конец месяца, а за две недели до того на семинаре выступил Алексей Алексеевич Самарин и объявил, что подозревает Клошина в подтасовках: результаты опытов, подтверждающие его гипотезу, Клошин указал, все другие — обошел молчанием.

Сам я на семинаре не присутствовал, о случившемся мне доложил Прохоров.

Я страшно разволновался. Нам только этого не хватало! «Он что, действительно подтасовал факты?» — грозно спросил я у Прохорова. Сергей Никифорович посмотрел на меня долгим, задумчивым взглядом. «Нет, конечно», — сказал он. «Вы в этом уверены?» — спросил я. Прохоров чуть заметно пожал плечами. «А зачем нам с вами это знать, Михаил Петрович?» — безмятежно и просто сказал он.

Я опешил. Мне показалось, что я его неправильно понял. Но Прохоров сказал то, что сказал.

Я пытаюсь сейчас припомнить все его длинное, уверенное рассуждение. Он говорил: работу Клошина уже обсудили на секторе. Значит, если затевать разбирательство, возможно, придется признать, что там сидят простофили либо жулики. На диссертацию Клошина пришло уже несколько положительных рецензий. Значит, их писали либо дураки, либо нечестные люди! Да и сможем ли мы доказать, что Клошин подтасовал факты! На все их ученые! А у него, понимаете, своя методика отбора, эти факты ему не нужны... «Вы, Михаил Петрович, лучше меня знаете: для того чтобы кого-то уличить в науке, часто приходится новую науку создавать... Гораздо проще будет Клошину обвинить Алексея Алексеевича в клевете, чем Алексею Алексеевичу Клошина — в недобросовестности...»

Я смотрел на Прохорова, будто впервые его видел. Не знаю, что меня больше всего поражало я тот момент: откровенная наглость Прохорова или его иезуитская, почти дьявольская логика. Да, да, логика! Я испытывал к нему презрение, брезгливость, но отказать ему а здравомыслия, в известном реализме я ведь не мог! Сегодня, правда, я себя спрашиваю: не мог или — не хотел? Возведя в себе «защитный барьер покладистости», не создавал ли я еще и «защитный барьер неведения»?

Он сказал: «Надо поставить вопрос на дирекции и указать Алексею Алексеевичу, что нельзя безосновательно дискредитировать молодые научные кадры...»

Тут я очнулся. Стукнул кулаком по столу. Крикнул: «Никакого вопроса о Самарине на дирекции не будет. Слышите? Это переходит всякие границы!» Я хотел было ему сказать, что второй Ксении Рафаиловны не допущу. В конце концов, я здесь директор, а не он... «Все, Сергей Никифорович, — сказал я. — Все. Разговор окончен...»

Он даже не пошевелился. Как ни в чем не бывало продолжал сидеть в кресле. «Хорошо, — произнес он после некоторой паузы. — Решать вам, Михаил Петрович. Но имейте в виду, Клошин должен защититься. Иначе такой подымется скандал, что погасить его я вам не обещаю...»

Он поднялся и, не оглядываясь, вышел из кабинета.

5.

Я велел секретарше не пускать Клошина ко мне на порог, встречаясь с ним в коридоре, я отворачивался... Но чем больше я думал, тем безнадежнее приходил к выводу: Прохоров опять прав. Отменив внезапно защиту Клошина, признав, что он подтасовал факты, мы так замараем институт, что вовек потом не отмоемся.

Я пригласил к себе Алексея Алексеевича и осторожно, в других словах, постарался ему пересказать доводы Прохорова. Самарин рассеянно взглянул на меня. «Миша, — спросил он, — признайся честно: у себя в лаборатории, в своей узкой научной области, ты бракоиьерства Клошина, наверное, не потерпел бы, проявил принципиальность?» Я подумал: а он, вероятно, прав. Но сказал: «Не будем заниматься психологией. Клошин работает не в твоей области тоже...» «Да, — согласился он, — но я спасаю наши с тобой головы». «Головы! — я очень удивился. — От кого же ты их спасешь?» «От карьеристов, — ответил он,— которым лично ты прокладываешь зеленую улицу...»

Знаете, что он имел в виду? Оказывается, опять магазин «Тысяча мелочей»... Он утверждал, будто, наводнив институт ненаучными темами, стерев границы между истинно научной работой и просто полезной, я уже... развязал руки безнравственным элементам...

«Глупости, — сказал я, — можешь считать, что я плохой организатор науки, — тяое дело, но ты не имеешь права обвинять меня, будто я потакаю карьеристам. Это ложь!» Он покачал головой. «Когда теряются критерии дела, — произнес, — обычно теряются и критерии людей». Я не понял. Он объяснил: «Посмотри, как у нас составляются годовые отчеты... Допустим, один из сотрудников откроет новую теорию относительности, а другой всего лишь повторит, что дважды два—четыре, в отчетах ты одинаково запишешь: «работы выполнены в соответствии с планом и программой...» «Но это же правда», — сказал я. «Что правда! — возмутился он. — Что неученый ровня ученому? Да это именно и хотят нам с тобой доказать Прохоров и Клошин. Ничего больше. Не умея сами приспособиться к науке, они науку пытаются приспособить к себе. А уж какими они добиваются того средствами — им видней. Теми, которые им всего проще и удобнее». «Ерунда, — сказал я. — В науке всегда были и будут важные и второстепенные работы, талантливые и не очень талантливые люди. Это закон». «Правильно, — согласился Самарин. — Но наука существует, пока вещи и люди называются здесь своими именами. Это тоже закон. — Он не дал мне ответить. — Помнишь, Миша, — сказал, — как о нас с тобой говорили когда-то? «Ученики Белкиной». А знаешь, как в институте сегодня говорят о Клошине? «Мальчик Прохорова»...»

Я его слушал и не мог отогнать от себя одну досадную, навязчивую мысль: ну почему всегда получается, что люди, которые мне дороги, мною любимы — Ксения Рафаиловна, Самарин, — так или иначе доставляют мне душевное неудобство, напряжение, разлад с самим собой, а Прохоров, человек совершенно чужой, далекий, неприятный и неуважаемый, напротив, постоянно с меня снимает гнет, тяжесть, освобождает для тихой, мирной научной работы? Почему к своим близким мне приходится то и дело испытывать раздражение, а к чужому Прохорову, наоборот, — невольное чувство благодарности?

«Алексей Алексеевич, — сказал я. — Все это, знаешь, мелкая философия на глубоких местах. Настоящему ученому одно необходимо: покой и тишина. Пока они есть — можно работать, не станет их — всякой работе конец... Так что, пожалуйста, пользуйся той тишиной, которую я себе и всем вам здесь обеспечиваю и не... — я поискал слово поаккуратнее, — не затевай бесполезных крестовых походов. Ни к чему хорошему они не приведут». Он пристально посмотрел на меня. Спросил: «А ты не боишься слишком дорого заплатить за вту тишину?» Я засмеялся. «Не волнуйся, — сказал. — Цену назначаю я сам. Не переплачу». Он недоверчиво усмехнулся. «Могу только сказать тебе, — добавил я, — когда у меня недавно попросили на блюде твою голову, я ее не отдал. И не отдам никогда». Он печально посоветовал: «Не кажи, Миша, гоп, не кажи гоп раньше времени».

6.

Вскоре после того разговора я написал для ежегодника большую статью о работах Самарина. Издание вышло в свет в конце января, а уже в феврале из министерства мне переслали письмо, начинающееся такой фразой: «Директор института т. Дроздов М. П. беспринципно, по-приятельски расхваливает работы т. Самарина А. А., которые на самом деле чрезвычайно далеки от нужд практики и не соответствуют профилю отраслевого научного учреждения...» Подписал письмр наш новоиспеченный доктор наук Клошин...

Можете представить себе мои ощущения!

Нет, на этот раз я не стал вызывать Прохорова. Сел а поезд и отправился в министерство.

Здесь на многое открылись у меня глаза.

За годы директорства я нечасто бывал я министерстве. Если выдавалась хоть малейшая возможность, сам оставался работать, вместо себя посылал в Москву Прохорова. Теперь приходилось пожинать плоды этого... Прохоров успел тут сделаться рупором института, ко мне относились—лишь как к его вывеске... В каждой комнате я слышал: «Лаборатория Самарина?.. Да, да, Сергей Никифорович нам говорил, что она не вписывается в ваш институт», «Сергей Никифорович объяснил нам, что работы Самарина сугубо теоретические...»

Вечером меня принял заместитель министра. Выслушал, не перебивая. Потом сказал: «Как понять вас, Михаил Петрович? Вы приехали мне пожаловаться на своего сотрудника?» Он был прав: я расписывался сейчас а собственной беспомощности. «Вмешательство извне, — сказал он, — может быть полезно, когда внутри коллектива созданы здоровые силы. Где у вас эти силы?» Что я ему мог ответить? Что секретарь парторганизации не раз настаивал на открытом общественном разборе поведения Прохорова, но я всегда отшучивался: худой мир, дескать, лучше всякого общественного разбора?.. «Могу одно вам порекомендовать, — сказал заместитель министра, — соберите ученый совет, выступите, докажите людям важность работ Самарина, поведите за собой людей... Воспользуйтесь демократическими формами, действующими в нашей науке...»

Возвратившись в институт, я так и сделал. Созвал совет. Выступил сам. Предоставил слово Самарину. Неугомонный человек, он не стал расхваливать свои работы, напротив, говорил, как далеко еще ему до молочных рек и кисельных берегов... Я попросил высказаться членов совета. Секретарь парторганизации поддержал перспективные исследования Алексея Алексеевича, сказал, что письмо Клошина свидетельствует о нездоровой обстановке в институте: «Напрасно директор не привлек к обсуждению этого вопроса широкую общественность». Еще несколько выступавших подчеркнули важность и ценность работ Самарина.

Но я уже видел: вряд ли мне удастся повести за собой весь совет. Поднялся один из присутствовавших, объяснил, что о работах Самарина он судить не может, это далекая от него область... Другой заметил: «Алексей Алексеевич сам же сейчас признал, что его идеи гипотетичны»... Третий предложил: «Может быть, передать лабораторию Самарина в теоретический институт?»

Я сидел, председательствовал, слушал... Когда-то эти люди приходили ко мне, чего-то от меня требовали: не взваливать всю вину за неправильную оплату консультантов на одну заведующую лабораторией, не превращать институт в магазин «Тысяча мелочей», не выводить из совета Ксению Рафаиловну Белкину, не проходить мимо подтасовок в диссертации Клошина... Но раз за разом, шаг за шагом, день за днем я постепенно приучил этих людей ничего от меня не хотеть, не ждать... Я сделал все, чтобы их от себя отучить — отучить и отлучить... Нет, никто сейчас не мстил мне, не сводил со мной счетов, никто даже не хотел зла Самарину — просто люди поступали сейчас так, как я поступал всегда: устранялись. Хотели для себя тишины и покоя и готовы были за эту тишину и покой заплатить столько, сколько с них попросят...

Я сидел, председательствовал, слушал... В министерстве Прохоров всех уверял, будто ученые института отворачиваются от работ Самарина, а здесь, в институте, нет сомнения, он успел уже внушить каждому члену совета, будто работы Самарина не поддерживает министерство... Простая до бесхитростности механика! Сперва себя выдаешь за выразителя общественного мнения, которого на самом деле не знаешь и знать не хочешь, потом — за полномочное лицо, хотя тебя никто и ни на что не уполномочивал... И тут, и там симулируешь перед людьми силу, которой не имеешь... Я подумал: вот встану и все это скажу... Но не встал. Не сказал. О чем бы я мог сказать? Как десятки раз сам давал убедительные доказательства этой несуществующей силы Прохорова?

И вдруг я осознал, что́ сейчас произойдет... Я сейчас останусь в меньшинстве, в изоляции... Выяснится, что я ничего не значу для своего ученого совете, не влияю на него... Я уйду отсюда на победителем — побежденным... Как же стану я после этого руководить людьми, институтом?.. Приказывать, решать?.. Я же немедленно превращусь в живой труп, в должностного мертвеца...

Я подумал: надо спасать положение. Хотя спасать я желал уже только самого себя... Поднялся со стула. Произнес: «Мне кажется, у нас состоялся интересный, содержательный разговор. Столкновение разных взглядов — вполне нормальное явление в жизни каждого научного коллектива... И поймите меня, товарищи, правильно: я тут высказал собственную точку зрения на работы Алексея Алексеевиче, готов под ней подписаться и сейчас... Но руководствоваться мы будем, конечно, коллегиальным мнением. Все вопросы в науке решаются демократическим путем, нравится это кому-то или не нравится...».

Внизу на лестнице меня ждал Самарин. Отвернуться я не успел. Он подошел ко мне и сказал сочувственно, с каким-то мучительным удовлетворением: «Вот видишь, Миша, : тебе говорил: не кажи гоп раньше времени...»

Болельщики Фото А. ГОСТЕВА

Бюракан. Строительство телескопа Фото А. НАГРАЛЬЯНА

Таежный десант Фото Л. ШЕРСТЕННИКОВА

В выставки, посвященной 50-летию журнала «Огонек»

ПИСАТЕЛЬ ЧИТАЕТ ПОЧТУ

ЭТОТ ДОЛГ ЗА НАМИ ВСЕГДА

Леонид ЖУХОВИЦКИЙ

ВСЕХ ПОИМЕННО!

Помню, лет восемь назад мы, группа советских литераторов, ходили по кладбищу в Варшаве — нашему воинскому кладбищу. И хоть ни у кого из нас близкие не погибли именно под Варшавой, мы все же вчитывались в фамилии на надгробиях и почему-то с особенно тревожным напряжением — в даты гибели. Чем выше поднимались они по календарю, тем сильней охватывали горечь и досада. Март сорок пятого, апрель, май... И всего-то недели не дожили! Тогда в Варшаве нам казалось, что больше всего не повезло именно этим ребятам, погибшим на излете войны. И вдруг — до сих пор помню чувство недоуменного возмущения — я прочел на сером надгробии непонятную дату гибели: июнь сорок пятого. Но и этим не кончилось — июль, август, октябрь...

Бывшие фронтовики из нашей группы объяснили причину: раненые умирали в госпиталях...

Газетный лист — не для лирических отступлений. Но я вспомнил раненых сорок пятого не случайно. Ведь кто такие инвалиды войны? Те же раненые. До конца своих дней — раненые.

Веками существует воинский обычай: сперва позаботиться о раненом, потом — о себе. Поэтому последний кусок хлеба — раненому, первая автомашина — раненому, самая удобная койка — раненому, лучшее в городе здание — под госпиталь. И хоть война кончилась почти тридцать лет назад, по-прежнему всех нас, военных и штатских, объединяет и связывает это благородное солдатское правило. Да и законы, охраняющие в нашей стране права, жизненный уровень и достоинство инвалида, основаны все на том же принципе: сперва — о раненом.

Закон авторитетен, от него зависит многое, даже главное. Но не все. Закон не может уступить человеку место в трамвае, помочь слепому перейти дорогу, выписать ордер на квартиру, сбегать в булочную, долгим одиноким вечером сыграть в шашки с инвалидом. Сделать все это могут только люди — я, вы, он, или, как принято выражаться официально, общественность.

Когда пять лет назад в «Литгазету» пришло письмо учителя из Удмуртии Иванова, трудно было предположить, что рассказанная им история о мытарствах в очереди у железнодорожной кассы вызовет такой отклик. Но обида, нанесенная одному инвалиду, возмутила тысячи самых разных людей. На письмо отозвались пионеры и маршалы, продавцы и министры, прославленные герои войны и молодежь, естественно, ее не видавшая. Причем откликались люди не только словами, но и делами.

Теперь инвалиды войны не стоят в очередях — ни на вокзалах, ни в кассах кино, театров и стадионов, ни в магазинах, ни в поликлиниках, ни в парикмахерских. По крайней мере, имеют право не стоять.

Были введены льготы на междугородный транспорт. Во многих поликлиниках инвалиды взяты на специальный учет. *Проще стало* получить льготный рецепт на лекарства. Молодые торговые работники обещали взять шефство над инвалидами войны — во многих местах, судя по письмам, это обещание выполняется. В Томском университете созданы специальные студенческие отряды, которые систематически помогают ремонтировать дома и квартиры инвалидов. В Могилевской области молодежь построила и отремонтировала более двухсот домов инвалидов и семей погибших. В Куйбышевском районе Москвы пионеры помогают инвалидам купить продукты и лекарства, убрать квартиру. В Смоленской области почти весь 1972 год проводилась операция «Забота» — целью ее была опять-таки помощь инвалидам.

Факты эти, конечно же, радуют. Но порой вызывают и некоторые вопросы. Прекрасно, что студенты Томска помогают землякам-инвалидам в ремонте квартир. Но разве инвалиды Тамбова или Рязани не заслужили такую же помощь? Отрадно, что в Куйбышевском районе Москвы за лекарствами для инвалидов бегают в аптеку пионеры из ближних школ. Но ведь инвалиды, увы, нуждающиеся в лекарствах, живут и в Перовском, и в Пролетарском районах Москвы. Словом, не пора ли операцию «Забота» распространять на все месяцы года и на всю страну?

Московские пионеры помогают раненым под лозунгом «Вспомним всех поименно». Давайте понимать эти слова буквально. Заботиться надо не о некоторых, не о многих — о каждом инвалиде без исключения. Не помню, кем сказаны хорошие слова: «Спешите делать добро». Полностью к ним присоединяясь, хотел бы все же выделить частный случай: второй — не спешите делать добро инвалиду! Не сделаешь сегодня — завтра можешь не успеть. Даже самые почетные боевые раны, увы, не способствуют долголетию...

Впрочем, если бы письма, пришедшие в редакцию, вызывали только такие вопросы и размышления, — это, как говорится, еще куда ни шло.

Бывает, к сожалению, и по-иному. В целом ряде случаев инвалиды войны не могут воспользоваться своими абсолютно бесспорными льготами, предоставленными им законом. Почему? Разные причины.

Вот вам конкретный случай.

На одной из московских улиц, во двора большого дома, райисполком выделил семи инвалидам участок для строительства гаражей. Почему во дворе? Да потому, что все семеро передвигаются с трудом (двое так и не оправились от тяжелых ранений, каждый из пяти оставшихся потерял на фронте ногу). У всех семерых — машины с ручным управлением. Для таких инвалидов ставить машину за километр от дома — все равно что вообще ее не иметь.

Словом, разметили участок, всемером наняли бульдозер и два самосвала.

Дальше начались странности.

На участке, отведенном под гаражи, собралась довольно солидная компания обитателей соседних домов. Это был как бы воскресник — только с обратным знаком. Бульдозерист и родственники инвалидов пытались вырыть котлован — обитатели его засыпали. Бульдозерист отгребал землю ножом — обитатели сгребали ее назад всеми частями тела. Некая активистка при ЖЭКе выразила свой протест непосредственно туловищем: легла под нож бульдозера. А какой-то Демосфен местного масштаба, до предела напрягая извилины, высказался в том смысле, что, если инвалиды не отступятся, вырытый котлован станет для них могилой. Причем все это мероприятие проводилось не безыдейно, а с целью высокой и благородной — в защиту детей. Несколько начинающих мамаш устроили маленький парад с детскими колясками.

Оно, конечно, детская площадка лучше, чем гараж! Хотя, с другой стороны, и собственные ноги несравненно лучше, чем костыли. Но ведь если бы сегодняшние инвалиды тридцать лет назад исходили из этого вполне справедливого соображения, не было бы сейчас ни гаража, ни детской площадки, ни мамаш с колясками, ни героической активистки при ЖЭКе, ни Демосфена с его натруженными извилинами, ни всего дома номер сорок один по улице Островитянова. Было бы только озеро на месте разрушенной Москвы, как это запланировал в свое время самый главный чиновник фашистского рейха. Ведь его не боги остановили — люди, просто люди, в том числе и те, чьи интересы сегодня так пунктуально защищает закон и так непреклонно — все наше общество.

История, рассказанная выше, настолько уникальна, что не стоило бы и тратить на нее газетную площадь. Я сделал это по единственной причине: людей жалко. Нет, не инвалидов — они в конце концов построили свои гаражи. Жалко обитателей дома номер сорок один. Таким, как правило, здорово не везет с детьми: уроки жестокости и тупого эгоизма, данные в детстве, помнятся долго...

Вдвойне неприятно, когда инвалидам войны портят жизнь люди, не только по совести, но и по должности обязанные заниматься вещами прямо противоположными — облегчать их жизнь. Не слишком хотелось бы об этом говорить, но из статьи факта не выкинешь...

Екатерина Васильевна Игнатьева в войну была санинструктором. Под Керчью оставила руку. Рана эта болит по сей день. Я имею в виду не фигуральные нравственные страдания, хотя их, как вы понимаете, более чем достаточно, — я говорю о ноющей, дергающей грубой физической боли. Мертвый хватает живого. Десять раз уже в мирное время Игнатьева ложилась на операционный стол, и десять раз давно оконченная война отхватывала еще по куску культи. На очереди одиннадцатая операция — так что пожелаем Екатерине Васильевне надежного нарколога и легкого на руку хирурга. Но это я снова в сторону — разговор не о том...

До 1968 года Игнатьева работала. Дальше трудиться не смогла, теперь живет на пенсию. Еще когда оформляла ее, в собесе спросила, сколько будет получать. Ответили с достоинством:

— Все, что положено.

В январе 1973 года оказалось: нет, не все. Одинокой женщине, инвалиду второй группы, с 1968 года положена еще десятипроцентная надбавка — по уходу. В собесе сокрушенно развели руками, велели написать заявление и пообещали впредь пенсию выплачивать полностью.

— А за прошлое? — опешила Екатерина Васильевна. — Ведь за пять лет недоплачено триста с лишним рублей!

В собесе прошлое порекомендовали забыть. Мало того, надбавку начислили не с января 1973 года, когда обнаружился этот печальный непорядок, а с февраля, тем самым сэкономив на инвалиде еще шесть целковых с пятачком.

Обычно в подобных бумажных историях виновника найти трудно. Однако в данном случае работники социального обеспечения быстро и решительно вскрыли причину досадной промашки. Пострадал инвалид? Значит, и виноват инвалид. Раньше надо было смотреть! А начальник сектора пенсий и пособий отдела социального обеспечения Краснодарского края товарищ Новиков письменно объяснил ошарашенной женщине, что это и есть самая что ни на есть справедливость в высшем ее понимании.

Лично мне это суждение представляется крайне дискуссионным. Я бы предложил на роль виновного кандидатуру более достойную. Например, товарища Новикова. Ведь это его ведомство за собственную керяшливость в работе наловчилось наказать рублем инвалида... Игнатьева могла и не знать о положенных ей льготах. А вот работники собеса обязаны были знать!

Думается, само понятие «инвалид войны» нуждается в некоторых уточнениях. Не стану выдвигать возможные формулировки — я не специалист. Лучше расскажу конкретный случай.

М. А. Шульгин во время войны был заброшен в тыл врага, был одним из руководителей партизанского отряда. В сорок третьем был ранен: пулями прошило обе ноги, причем в правой перебило седалищный нерв. Стопа так и осталась парализованной. В остальном повезло: не погиб и в плен не попал — товарищи вынесли из боя и сумели переправить к своим, через линию фронта.

Двенадцать с половиной лет Шульгин был на пенсии как инвалид второй, а затем — третьей группы. В 1956 году на очередное ежегодное освидетельствование не явился: с работой пошло на лад, заработка на жизнь хватало — решил не обременять государство пенсией. Лишь в 1970 году, в связи с обострением все той же фронтовой болезни, после длительного пребывания на больничном Шульгин снова был переведен на инвалидность — на год сроком. Как написано о том в официальной справке, «по причине ранения на фронте». На очередное освидетельствование Шульгин опять-таки не явился, ибо оформил пенсию по старости и в инвалидной пенсии не нуждался. То есть поступил, как всякий нормальный человек, который исходит из своих сегодняшних надобностей и не копит справки на всякий случай — а ну, как понадобятся?

Увы, охранительные эти грамоты понадобились ему довольно скоро — через год.

Началось все вполне оптимистически. Шульгин (он москвич) соблазнился вывешенным в Сокольническом РОСО объявлением и решил купить «Запорожец» с ручным управлением за наличный расчет. На этом оптимизм кончился, началась драма. В том же Сокольническом РОСО товарищ Любишкина заявила Шульгину, что покупать машины с помощью собеса могут только инвалиды Отечественной войны, а Шульгин-де к этой категории лиц больше не относится.

Шульгин опешил. Как не относится? Если он не инвалид войны — почему тридцать лет стопа парализована?

Тут-то и выяснилось, что, дважды отказавшись от права на пенсию, Шульгин поступил опрометчиво. Ведь в общей сложности он находился на инвалидности тринадцать с половиной лет. Находись пятнадцать — считался бы инвалидом пожизненно.

Пришлось опять идти на медкомиссию. Комиссия инвалидом Шульгина тоже не сочла, ибо «выявленные нарушения... не препятствуют обследуемому выполнять свою работу административно-хозяйственного характера».

С врачами никогда не спорил — и не буду. Им видней. Тем более что работу административно-хозяйственного характера можно выполнять и сидя. В принципе можно и лежа. Но вот добраться от дома до работы ни сидя, ни лежа нельзя. Почему же инвалид, даже потеряв право на пенсию, должен терять право на столь необходимое средство передвижения?

К тому же в данном случае Шульгин пенсию и не просил — он ее уже получает, и вполне достаточную. Он хотел одного — купить «Запорожец» за свои кровные, минуя общую, магазинную очередь. Неужели тринадцать с половиной лет инвалидности не могут обеспечить ему эту скромную льготу? Пока человек с костылем или палкой одолеет километр, мы с вами пройдем три. И пусть Шульгин наверстывает на «Запорожце» километры, потерянные за тринадцать лет законно оформленной инвалидности! Первая машина — раненому...

Вообще, мне кажется, вопрос о пенсии и о прочих льготах надо бы решать раздельно. И уж, как минимум, не отнимать у пожилых людей само звание инвалида. Пятнадцатью, десятью, семью ли годами страданий — но оно ими оплачено сполна!

Авторы многих писем, приходящих в редакцию, считают, что следует учредить нагрудный знак инвалида. Аргументы выдвигаются достаточно серьезные. Нашивки за ранение, выданные когда-то, давно истлели, но ведь *кровь, пролитая* в бою, тлению не подвластна. Есть у этого предложения обоснования и практические. Лишь у части *раненых* есть *явные* признаки инвалидности. И порой несколько раз в день инвалиду приходится документально доказывать, что *он* инвалид, — у касс кино и вокзалов, в магазинных очередях, даже в поликлиниках. Нагрудный знак избавил бы тысячи людей от этой малоприятной процедуры.

Существует несколько постановлений правительства, согласно которым инвалиды войны должны обеспечиваться жильем в первую очередь. Вряд ли есть нужда в новых решениях — достаточно добиться, чтобы выполнялись уже существующие.

Проблема жилья—по-прежнему одна из самых острых, так что трудности местных организаций в этом деле можно понять. Однако есть случаи, которые я лично понять так и не смог.

В сорок пятом году Илья Абрамович Попов вышел из госпиталя инвалидом второй группы. Близких — никого: жена умерла, сын погиб на фронте. В легких осколки. Где жить? Врачи направили в Сочи.

В Сочинском горисполкоме выдали матрац и одеяло, поставили на очередь на жилье. А пока с трудом устроился на квартиру — в бараке снял угол. У Александры Савельевны Примаковой на фронте было двое своих — муж и сын, вот и пустила инвалида на время.

Короткое это время растянулось на четырнадцать лет. Горсовет квартиру не давал, а уходить Попову было некуда. Наконец в 1958 году барак сломали. Примакову (ни муж ее, ни сын с войны не вернулись) переселили в однокомнатную тринадцатиметровую квартиру. По логике уж тут-то должны были дать жилье и Попову. Но что логика! В административном порядке, с милицией Попова вселили... опять к Примаковой, несмотря на яростные протесты обоих. Почему же снова свели под одной крышей совершенно чужих друг другу людей? Исполком Центрального района Сочи утверждает, что Попова вселили к Примаковой как... незарегистрированного сожителя! Кто придумал эту нелепость? Чья бюрократическая рука придала ей вид официальной формулировки?

В Сочи живет и Павел Иванович Кудрявцев. Он ушел в армию мальчишкой, шестнадцати лет. На фронте был сапером. Знаменитую поговорку помнил, старался не ошибаться. Но все же одна мина — не из спрятанных, из летающих — его нашла. Спустя срок вышел в штатскую жизнь с искалеченными ногами, тремя нашивками за ранения, пятью солдатскими наградами и инвалидностью второй группы. Тем не менее работал, и неплохо. Женился. Но свалилась новая напасть — тяжелая форма диабета. Теперь Кудрявцев — куда денешься! — человек при поликлинике: три укола в день. А поликлиника — в семи километрах от дома. Неблизко — особенно при изуродованных ногах. Квартира у Кудрявцева хорошая, однокомнатная, со всеми удобствами. Он и не просит лучшей. Ему бы те же метры, но поближе к поликлинике. Однако и с этой, не столь уж сложной просьбой исполком Центрального района разбирается вот уже семь лет! Здесь больше уповают на обмен: авось, кто-нибудь из жителей центра вдруг потянет на ту именно улицу, где живет Кудрявцев.

Но разве удобную койку раненому отдают в порядке взаимовыгодного обмена?

Не будем ханжами. Не станем утверждать, что те же работники жилотделов не хотят помочь инвалидам из одной лишь душевной черствости. Нет, у них свои резоны, и немалые. Например, городу нужен хороший специалист, а специалисту нужна квартира. Не дашь — уедет. А инвалид — куда он денется! Он и подождет.

Однажды некий товарищ — в другом городе и в другом случае — высказался на этот счет достаточно прямо: мы даем жилье не тем, кто в нем нуждается, а тем, в ком мы нуждаемся.

Однако применительно к инвалидам этот принцип порочен не только нравственно, но и практически. Мы нуждаемся в инвалидах. Нуждаемся не меньше, чем они в нас. Ведь каждый инвалид, окруженный заботой и почетом, ежедневно и ежечасно, самим фактом своего существования свидетельствует, что не только один за всех, но и все за одного, что и в самом деле никто не забыт и ничто не забыто.

Мы чтим память о солдатском подвиге в годы войны, ставим в честь него скульптуры и обелиски, сажаем парки, создаем целые мемориальные комплексы. Не будучи ни ваятелем, ни зодчим, я бы все же рискнул предложить еще один вид монументальной пропаганды: в каждом городе, где это необходимо, на лучшей улице построить жилой дом и отдать его инвалидам. Уверен, что воспитательное значение такого «памятника» будет не меньше, чем практическое: молодежь, не пережившая войны, еще раз с редкой наглядностью убедится в том, как благодарно помнит страна каждую каплю пролитой за нее крови.

ОФИЦИАЛЬНЫЙ ОТВЕТ

«ПРОГУЛКИ ЗА КАЗЕННЫЙ СЧЕТ»

В связи со статьей А. Рубинова «Прогулки за казенный счет» («Литературная газета» от 28 марта 1973 г.) сообщаем следующее.

Министерство торговли РСФСР считает правильной постановку газетой вопроса о необходимости усиления контроля за выполнением заданий лицами, выезжающими в заграничные командировки, более эффективного внедрения в практику работы торговых предприятий положительного зарубежного опыта.

Вопрос о повышении эффективности зарубежных командировок обсужден коллегией министерства, сделаны должные выводы и приняты необходимые меры к устранению имеющихся недостатков.

Обращено внимание заместителей министра и руководителей подразделений министерства на необходимость более тщательной подготовки предложений о командировании специалистов за границу, их инструктирования, своевременной подготовки отчета, разработке мероприятий, их утверждения и контроля за исполнением. Все отчеты о поездках и мероприятия в обязательном порядке будут рассматриваться технико-экономическим советом или коллегией.

По существу командировок в Югославию и ВНР.

В январе 1972 года специалисты министерства тт. Саруханов С. Е., Исагулиев И. П. и Ушаков А. А. выезжали в Югославию для изучения опыта внедрения прогрессивных методов продажи продовольственных и промышленных товаров и применения соответствующих видов оборудования.

С учетом их предложений закуплено в Югославии и ВНР холодильное и технологическое оборудование для 13 крупных продовольственных магазинов самообслуживания «Универсам» на общую сумму около 2 миллионов валютных рублей. Для оборудования ресторанов министерству выделено 400 тысяч валютных рублей на приобретение в Югославии 27 тысяч единиц мебели. Контракт подписан.

По чертежам и образцам, полученным во время командировки в Югославию, трест «Торгмеш» министерства освоил производство новых видов немеханического оборудования.

С учетом югославского опыта в учебные программы профессиональных торговых училищ министерства внесены необходимые дополнения в части подготовки контролеров-кассиров для магазинов самообслуживания.

Осуществляются также и другие мероприятия по внедрению положительного опыта, изученного в Югославии.

Другая группа специалистов — тт. Петриковская З. Т., Белов В. И., Хижняков Н. В.— была командирована в Венгерскую Народную Республику для ознакомления с эксплуатацией и ремонтом кофеварочных машин, так как в торговых предприятиях РСФСР применяется большое количество этих машин венгерского производства. Вопросы правильной их эксплуатации, текущего обслуживания и ремонта имеют для нас важное значение.

Материалы командировки использованы для организации ремонта электрокофеварок и охлаждаемых емкостей на 5 комбинатах треста «Росторгмонтаж», что уже дало экономию более 20 тысяч рублей.

Министерством контролируются сроки выполнения мероприятий по указанным командировкам.

С оценкой тов. Рубиновым результатов командировок в СФРЮ и ВНР как «прогулок за казенный счет» Министерство торговли РСФСР согласиться не может.

В. ШИМАНСКИЙ,
министр торговли РСФСР

Комментарий редакции

Отрадно отметить, что Министерство торговли РСФСР, которое подверглось критике в статье «Прогулки за казенный счет», «считает правильной постановку газетой вопроса о необходимости усиления контроля за выполнением заданий» теми, кто выезжает за границу в служебную командировку, что «сделаны должные выводы и приняты необходимые меры к устранению имеющихся недостатков».

Но ответ министерства содержит много неясностей. В самом деле, если первая группа представителей министерства побывала в Югославии, то при чем здесь закупки в «Югославии и ВНР» оборудования для 13 магазинов? Если группа, не побывав в ВНР, там не менее содействовала закупкам там оборудования, то, может быть, поездка в Югославию тоже была излишней? Цифра 13 образована путем вольного совмещения. Ведь в Югославии, куда ездили представители министерства, куплено оборудования только для двух магазинов, а в Венгрии, куда эта группа не ездила, гораздо больше — 11. Таким образом, закупки без командировки оказались гораздо масштабнее!

Далее министр сообщает о закупках ресторанной мебели. Но, судя по отчету о поездке, эта торговая операция к данной командировке никакого отношения не имеет: в главе «Выводы и предложения» нет и намека на предложение купить мебель для ресторанов.

В ответе не сказано и о том, что не все предложения оказались достаточно обоснованными. Так, по итогам поездки в Югославию группа рекомендовала «механографический способ оформления приема и выполнения заказов на поставки товаров». Но вот ВНИИ экономики торговли и систем управления считает, что этот способ не эффективен, о чем сообщил редакции директор института профессор, доктор экономических наук Б. И. Гоголь. Больше того, оказывается, механографический способ не получил распространения даже в самой Югославии и носит там экспериментальный характер.

Досадно, что министерство, видимо, не придало значения, может быть, самому главному месту в статье. В ней говорилось:

«Удивительнее всего, однако, другое: из рассказанного в отчете, пусть общеизвестного, уже банального, выводов сделано не было. Можно было полагать, что, увидев, как удобно, когда раскладывают по целлофановым пакетикам всякую мелочь, участники поездки предложат: надо и нам во всех хозяйственных магазинах завести такие пакетики на один-два гвоздика. И сделать, наконец, другие конкретные выводы. Добиться, скажем, того, чтобы в подземных переходах появилось столько-то и там-то удобных покупателю магазинов. Добиться, чтобы сначала в таких-то магазинах, а через год или два — во всех крупных продовольственных магазинах, были в наличии все товары первой необходимости из числа тех, которых вполне хватает, — а таких огромное большинство. Указать определенно, со сроками исполнения, чтобы сделано было все, как надо, — и с упаковкой, и с тележками в магазинах самообслуживания, и т. д... И это совсем нетрудно сделать, это никем не оспаривается и даже особых затрат не требует, а скорее обещает быструю экономическую выгоду. Но НИЧЕГО, НИЧЕГО этого нет в главе «Выводы и предложения».

Министерство и не опровергает упрека в том, что естественных выводов сделано не было, а принятые рекомендации выполнены далеко не все. Что же касается закупки оборудования, то и в самой статье отмечалось:

«Мне показалось, что при строгой оценке из пяти рекомендаций пока выполнена лишь одна: принято предложение о закупках оборудования».

Ничего не опровергает (но, к сожалению, и не подтверждает) министерство в связи со второй командировкой. Рекомендации этой группы не осуществлены. Напомним их:

«Провести повсеместное обучение торгового персонала, занимающегося эксплуатацией венгерских электрокофеварочных машин, с выдачей соответствующего документа — срок IV квартал 1971 г.».

Не сделано.

«Рассмотреть вопрос о возможности замены силиконовой смазки — срок IV квартал 1971 г.».

Не сделано.

«Рассмотреть возможность возврата имеющихся в большом количестве (на сумму более 50 тысяч рублей)... неходовых деталей к венгерским кофеваркам — срок август 1971 г.». (Речь идет о возврате, видимо, ошибочно закупленных деталей.)

Не сделано.

Таким образом, о 50 тысячах выброшенных на ветер рублей в письме министерства не говорится ни слова, а о другой сумме — об экономии 20 тысяч рублей — упоминается.

Читатель, знакомый теперь и со статьей, и с ответом на нее, вероятно, удивится, что в ответе министерства обойдено молчанием и много других вопросов, поднятых в газете:

почему участники заграничных поездок не знают, выполнены ли их рекомендации? (Это относилось к обеим группам.);

почему вторая группа не выполнила программу, которая сформулирована в официальном задании;

почему редко где работают купленные за границей на валютные рубли кофеварки? (в статье приводилось несколько конкретных адресов);

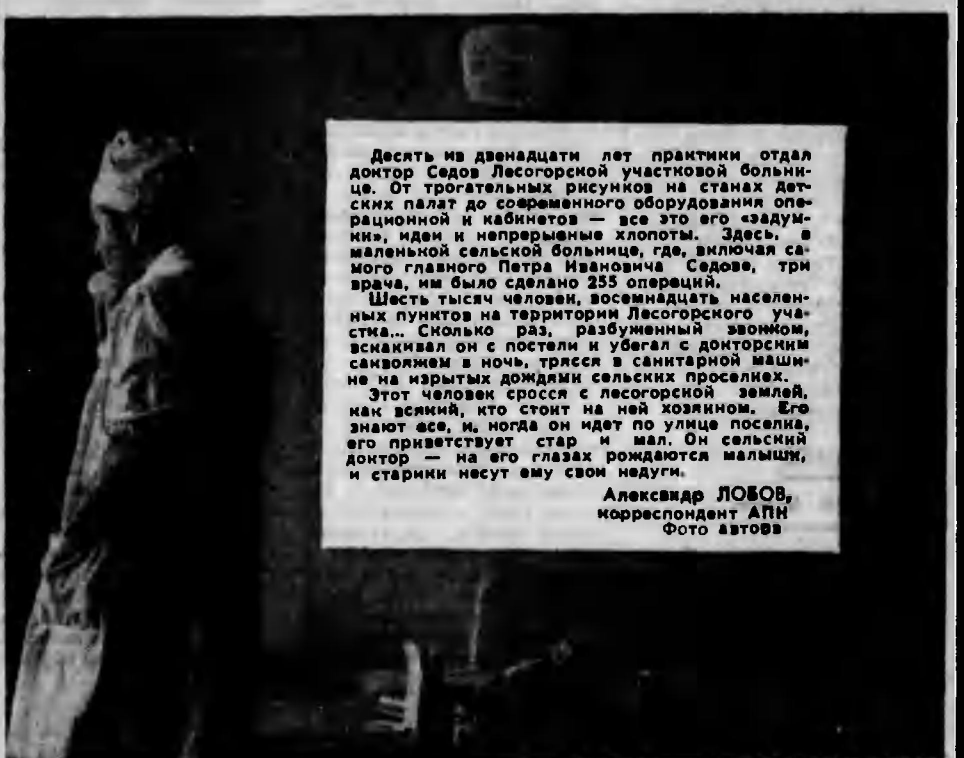
почему даже действующие венгерские кофеварки работают так мало (в Будапеште они смалывают в день 14 килограммов, те же машины у нас — в лучшем случае 4 килограмма? Почему там они служат 10 лет, а у нас намного меньше?);

почему, хотя признана целесообразность работы магазинов до поздней ночи, в Москве, например, дежурные «Гастрономы», наоборот, стали работать на час меньше?

И т. д. и т. п.

С учетом всего этого трудно признать ответ министерства полностью удовлетворительным. Что же касается слов «прогулки за казенный счет», то это не оценка двух поездок уважаемых работников торговли, а полемически сформулированная задача: не допускать бесполезных, ненужных стране, малоэффективных заграничных командировок.

ЖИВЕТ НА СЕЛЕ ДОКТОР



Десять из двенадцати лет практики отдал доктор Седов Лесогорской участковой больнице. От трогательных рисунков на стенах детских палат до современного оборудования операционной и кабинетов — все это его «задумки», идеи и непрерывные хлопоты. Здесь, в маленькой сельской больнице, где, включая самого главного Петра Ивановича Седова, три врача, им было сделано 255 операций.

Шесть тысяч человек, восемнадцать населенных пунктов на территории Лесогорского участка... Сколько раз, разбуженный звонком, вскакивал он с постели и убегал с докторским саквояжем в ночь, трясся в санитарной машине на изрытых дождями сельских проселках.

Этот человек сросся с лесогорской землей, как всякий, кто стоит на ней хозяином. Его знают все, и, когда он идет по улице поселка, его приветствует стар и мал. Он сельский доктор — на его глазах рождаются малыши, и старики несут ему свои недуги.

Александр ЛОБОВ,
корреспондент АПН
Фото автора

ПЕРЕОЦЕНКА ЦЕННОСТЕЙ

История гражданина ФРГ, решившего не оставаться в долгу перед истиной

— Я НЕ ХОЧУ, чтобы вы расценили мой рассказ как раскаяние проигравшего. Суть происшедшего гораздо серьезнее. Речь идет о переоценке ценностей. И не только для меня... Это не просто. Ведь до сих пор многие спрашивают себя: не является ли чувство реальности грехом?..

Человек, который произносит эти слова, не новичок в политике. Несколько лет назад Вильгельм Герхардт был членом земельного парламента от ХДС. Сейчас с головой ушел в дела: он директор издательской фирмы. И хотя его имя больше не значится в списках членов ландтага, он, по собственному признанию, на всю жизнь «заболел политикой» и свое свободное время делит между семьей и партией.

Меня познакомил с ним старый приятель, баварский журналист, в день начала визита товарища Л. И. Брежнева в ФРГ. Последний раз мы виделись с баварским коллегой год назад в Москве, во время советско-американских переговоров на высшем уровне. Тогда у него была масса вопросов: «Я хочу разобраться в том, что думают русские о начале диалога с американцами». В пресс-центре в гостинице «Интурист» мы вели долгие беседы на эту тему. Теперь была моя очередь спрашивать. Скажем, как оценивают на Рейне значение происходящего в эти дни?

— Для меня визит Брежнева — логическое завершение многолетних усилий по установлению взаимного доверия. Но я ведь с самого начала одобрял политику Вилли. А ты знаешь, что три года назад ситуация в ФРГ была иная: противники и сомневающиеся составляли почти половину. На мой взгляд, тебе стоит встретиться с тем, кто был в рядах скептиков, а сейчас не скрывает, что ошибался. Только тогда можно понять, насколько серьезен сдвиг в настроениях людей. Поговори с Вильгельмом Герхардтом, и ты поймешь, почему для большинства западных немцев имя Брежнева стало синонимом разрядки напряженности.

...И вот мы сидим с моим новым знакомым на открытой террасе кафе на берегу Рейна. Свежий ветер разносит терпкий запах скошенной травы, только что подстриженной под зеленый ежик.

— Немцы в ФРГ, — говорит мой собеседник, — еще не так давно не были избалованы хорошими вестями об отношениях с соседями на Востоке. Долгие послевоенные годы, перефразируя Ремарка, у нас горько шутили: «На восточном фронте без перемен».

— Но ведь фронт был открыт не нами, — говорю я. — Мы не раз предлагали прежним правительствам ФРГ нормализовать отношения...

— У нас все эти годы утверждалось обратное. Я и сам долгое время верил этому. И не только верил, но и убеждал других...

Я слушаю В. Герхардта и понимаю, что он говорит искренне, хотя мы знаем друг друга всего несколько дней. Беседовали с ним на приемах и после встречи товарища Л. И. Брежнева с представителями деловых кругов. Но сегодня выдалось время «потолковать вплотную», как выражается мой баварский коллега. Мы знаем кое-что друг о друге и договорились выкладывать все начистоту. Иначе разговор не имеет смысла. Ведь тема его особенно актуальна сейчас. Среди противников «восточной политики» усилился раскол. И я прекрасно понимаю, что для моего собеседника — он ведь член ХДС — ситуация сложилась очень и очень не простая.

ПОСЛАНЕЦ ДОБРОЙ ВОЛИ

— Если вы спросите, чем больше всего поразил меня Брежнев, я скажу: открытой доброжелательностью и достоверностью своих слов и действий. Он вызывает доверие всем своим обликом, жестами, манерой говорить, даже короткими репликами. Думаю, что для многих западных немцев, так же как и для меня, встреча с Брежневым на Рейне была поистине радостным открытием. Благодаря телевидению первый человек Советского Союза целых пять дней был гостем у нас в каждом доме. Я знаю по собственной семье и то же самое слышал от соседей и знакомых: люди внимательно, я бы даже сказал, жадно вглядывались в гостя, хотели поскорее познакомиться с ним как с человеком. Вам ли не знать, сколько всякой ерунды писалось и говорилось у нас о Советском Союзе и его руководителях все эти годы?! Даже люди, искушенные в политике и знающие цену правой прессе, вольно или невольно испытывали на себе воздействие всякого рода клеветы, сочинявшейся в Гамбурге или Мюнхене. А каково было человеку с улицы, который политически просвещается, читая главным образом бульварную «Бильд-цайтунг»! Вот почему столь неизгладимое впечатление теперь произвела на нас сама личность Брежнева. Вряд ли можно себе представить лучшего посланца доброй воли, чем Леонид Ильич Брежнев.

...Вильгельм Герхардт старательно выговаривает необычное для него сочетание имени и отчества. Он старательно раскуривает трубку и продолжает:

— Уже накануне визита, вечером 17 мая, многие из нас открыли для себя необычного собеседника. Западногерманское телевидение транслировало интервью с Генеральным секретарем ЦК КПСС.

Я никогда не считал себя чересчур эмоциональным человеком, но в этот момент был взволнован. Может быть, потому, что в голосе Брежнева звучали подкупающая искренность и убежденность. Говорил представитель страны, которая испытала столько несчастий от фашизма. Говорил человек, который сам прошел войну с первого дня до последнего. Люди, сидевшие у телевизионного экрана, не были равнодушными зрителями. Многие из них тоже прошли войну, но, в отличие от ваших соотечественников, здесь она оставила не у всех одинаковый след: чувство вины — у одних, злую горечь поражения — у других...

Меня лично, как и многих других, Брежнев покорил достоинством и простотой. Потом мы еще не раз наблюдали его по телевидению. Никакой нарочитости, чопорности, чванства. Не знаю, как для вас, а западным немцам эта деталь очень многое говорит о человеке.

Еще до своего приезда в ФРГ Брежнев завоевал здесь широкие симпатии. И речь идет не только об идеологических единомышленниках. После заключения Московского договора в августе 1970 года, после заключения четырехстороннего соглашения по Западному Берлину, после встречи с канцлером ФРГ в Оранде в сентябре 1971 года многие западные немцы стали прямо связывать с его именем, с провозглашенной им Программой мира позитивные изменения в Европе. Даже журналисты органов прессы, не симпатизирующих вашей стране и ее политике, не могли отрицать личный вклад Брежнева в нормализацию международной обстановки.

Вы, конечно, знаете, что у нас вышла его книга на немецком языке. Я издатель и могу профессионально сказать: сам факт публикации в ФРГ речей и выступлений Брежнева о политике Советского Союза и международном положении говорит о серьезных сдвигах в нашей стране. Или другое, весьма заметное событие. Митинг в честь визита Брежнева, который проходил в Бонне. Собралось более 50 тысяч человек. Это очень много для Бонна. Я стоял и слушал, о чем говорят люди. Конечно, там были коммунисты. Но с ними пришли и другие, очень разные люди. У меня до сих пор перед глазами плакат, который держала группа студентов: «Мы не коммунисты, но нам нравится, что Брежнев в Бонне».

ДЕТИ «ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ»

— Иногда я задаю себе один мучительный вопрос, — продолжает В. Герхардт. — Почему, действительно, должно было пройти так много времени, чтобы нормализация отношений с Востоком стала возможной? Мой сын Филипп, которому исполнилось 25, часто с иронией говорит мне: «Я не твой ребенок. Я дитя «холодной войны». Если вдуматься, он прав. Филипп родился, когда самым модным было выражение «железный занавес». В тени этого «занавеса» выросло целое поколение. Правда, многие из них чувствовали фальшь в нашей аргументации, но были бессильны перед лицом антикоммунизма, возведенного в ранг государственной доктрины.

Как складывались человеческие судьбы? Пример мой не так уж нетипичен. Я вышел из семьи мелких служащих. Отец всю жизнь гордился тем, что дал мне университетское образование. И самый большой подарок, который я ему преподнес, — это звание корпоранта и шрам от шпаги. Я был фуксмайором Цоллеров (фуксмайор — руководитель младших в студенческой корпорации. Цоллеры — одна из многочисленных студенческих корпораций, приверженцы императорской династии Гогенцоллернов. — В. Л.). А потом стал майором вермахта. Война закончилась для меня английским пленом. Затем два года безработицы. Я не думал тогда о политике, но о ней твердил Аденауэр. Он обещал процветание и союз с Западом. После длительного периода, в течение которого западный немец набрасывался на все, чего был лишен во время и непосредственно после войны, удовлетворенный, если не пресыщенный, он стал делать сбережения. После бума «экономического чуда» пришел бум «политического высокомерия». Процветание, которое вызывало зависть у соседей, лишь резче оттеняло политическое прозябание.

Но многие верили тогда Аденауэру. Временами казалось, что он осознает жизненную необходимость улучшения отношений с Востоком, но гораздо чаще он демонстрировал неодолимую склонность действовать наперекор логике событий. Дверь на Восток была закрыта. Об этом у нас в те годы шумели на каждом перекрестке, упаивая, однако, что мы сами закрыли ту дверь, а ключи от нее выбросили в Атлантику. — Вильгельм Герхардт вздохнул и задумчиво постучал остывшей трубкой о край стола...

— Да, во мне говорит горечь. Я знаю, что кое-кто в партии упрекнул бы меня сейчас. Но это горечь от сознания, что мы потеряли так много лет. Мы слишком долго были в плену собственных заблуждений. Ни сам Аденауэр, ни его непосредственные преемники не захотели отказаться от порочной позиции непризнания итогов второй мировой войны. И хотя в конце своей жизни Аденауэр был вынужден сказать, что Советский Союз стремится к миру, на большее, чем это признание, его не хватило.

Довольно распространенным является мнение, будто «наследие Аденауэра» пустили по ветру те, кто пришел вслед за ним. На мой взгляд, это слишком упрощенное толкование. Конечно, и Эрхард, и Кизингер правили в тени «великого старца» и их преследовал комплекс неполноценности, который особенно болезненно проявился у Барцеля. Но суть не в этом. «Великое наследие» оказалось дутым, ибо покоилось на фальшивой основе, если хотите, на иллюзии, будто ФРГ может успешно развивать свою внешнюю политику при односторонней ориентации на Запад и конфронтации с Востоком.

При такой политике ФРГ, естественно, не могла рассчитывать на позитивное отношение к ней восточных соседей. И такая политика не могла не вызывать недовольство внутри страны. Недовольство это принимало последовательно разные формы: непонимание, раздражение, протест. У ХДС стала исчезать база. Партия начала терять сторонников.

— Вы имеете в виду выборы в бундестаг?

— Не только. Выборы, конечно, — важный, в известном смысле решающий показатель. Но есть и другие глубокие симптомы. Например, популярность партий среди населения. Так, опросы общественного мнения неизменно показывают, что симпатии к ХДС опускаются ниже 30-процентного уровня. А к СДПГ, напротив, идут вверх от 40-процентной черты (такие данные были опубликованы в газете «Дойче цайт» 18 мая 1973 года. — В. Л.). Этот процесс заметно ускорился после 1970 года.

С ДОСТОИНСТВОМ И ИСКРЕННОСТЬЮ

— После долгих сомнений я убедился: вы были искренни в своих предложениях о нормализации. Вы были искренни, когда говорили, что социалистические страны хотят улучшения отношений с ФРГ. Сегодня, когда инициативы социалистических стран зафиксированы в виде Московского и Варшавского договоров, четырехстороннего Соглашения по Западному Берлину, Договора об основах отношений между ГДР и ФРГ, мы видим, что вы оказались правы. Но в 60-е годы слишком многие, особенно в ХДС, полагали, что это тактические уловки Советов, которые хотят лишь односторонних уступок. Однако речь шла не об уступках, а о признании границ, в которых уже десятилетиями жила Европа.

Постепенно жизнь открывала нам глаза. Рядом росла и крепла Германская Демократическая Республика. В приступе самонадеянности наши прежние политики пытались игнорировать ее. Но что это изменило? ГДР превратилась в одну из самых развитых индустриальных стран мира. Доктрина Хальштейна стоила нам немало денег и поссорила нашу страну с многими государствами.

Парадоксально, но факт: у лидеров политическое чутье оказалось хуже, чем у рядового бундесбюргера. И в тот ноябрьский день 1967 года, когда канцлер Кизингер патетически воскликнул: «Если бы я сейчас признал границу по Одеру — Нейсе, то в глазах западных немцев я был бы предателем!» — он уже не выражал настроения широких слоев. Алленсбахский институт демографии, который провел опрос населения, пришел к выводу: 60 процентов граждан ФРГ — за признание послевоенных границ.

За пять с половиной лет, прошедших с тех пор, процесс нормализации и взаимопонимания значительно продвинулся вперед. Вы знакомы с результатами последнего опроса этого института, который был проведен накануне визита Брежнева в ФРГ? — спросил меня Герхардт.

Да, данные опроса уже были опубликованы во многих изданиях ФРГ. На вопрос об отношении западных немцев к визиту Л. И. Брежнева абсолютное большинство опрошенных заявило, что считает визит Генерального секретаря ЦК КПСС в ФРГ «желательным и чрезвычайно полезным для своей страны».

— Так вот, — продолжал Герхардт. — Я тоже принадлежу к тем западным немцам, которые приветствуют приезд Брежнева в Бонн.

Чем объяснить успешные результаты визита? У нас много пишут о том, что Брежнев испытывает к Брандту чувство симпатии. Что же, я нахожу это вполне закономерным. Брандт — первый западногерманский канцлер, который в молодости был страстным противником нацизма, а в зрелом возрасте нашел в себе мужество признать послевоенные реальности. Конечно, я понимаю, что главное — в логике исторического развития, которая неумолимо привела нас к признанию положения в Европе таким, каким оно является на самом деле. Своей настойчивой политикой активного миролюбия вы заставили нас сделать единственно разумный вывод. Но ведь это могло случиться раньше или позже. И вот даже противники Брандта не могут не признать его роль в нормализации отношений с Востоком. Брежнев хорошо сказал на приеме 18 мая: «Для достижения позитивных результатов необходимы желание и твердая политическая воля деятелей, формирующих политику государств».

Своим успехом визит Брежнева обязан точной, гибкой политике СССР и в то же время, конечно же, личному вкладу самого Брежнева.

Брежнев олицетворяет для нас новый тип советского государственного деятеля, который вызывает уважение и доверие. Он не стучит кулаком по столу. Ему не нужно повышать голос, чтобы быть убедительным.

Точно сказано: если кто-то однажды начал войну, кто-то должен начать мир. В общеевропейском масштабе это первым сделал Брежнев. И люди будут всегда признательны ему за это...

Вильгельм Герхардт на мгновение умолк...

— Возможно, в устах западного немца, да еще к тому же члена христианско-демократического союза, все это звучит несколько неожиданно. Но вот что я вам скажу: на честную политику я отвечаю честным признанием. Да, я не верил в возможность такого развития событий. Ваша страна и ее руководитель заставили меня заколебаться. Переоценка ценностей была долгой и трудной. Но зато теперь я больше не в долгу перед истиной.

Владимир ЛОМЕЙКО,
специальный корреспондент АПН — для «Литературной газеты»

БОНН. (По телефону)

ПИТТСБУРГ ГОВОРИТ «О'КЕЙ!»

АМЕРИКАНЦЫ О ПЕРСПЕКТИВАХ ПРОДОЛЖЕНИЯ ДИАЛОГА США — СССР

ВЕСТЬ о предстоящем в июне визите Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева в США с большим удовлетворением встречена американской общественностью. Американцы, представляющие самые различные круги, надеются, что этот визит приведет к дальнейшему ослаблению напряженности в отношениях между двумя странами, начало которому было положено во время прошлогодней встречи советских и американских руководителей в Москве.

В своем последнем внешнеполитическом послании президент Никсон, указывая на важность советско-американских контактов, заявил: «На встрече в верхах с советскими руководителями в мае 1972 года был достигнут целый ряд значительных соглашений... Открылись новые области для будущего сотрудничества и переговоров. В целом был достигнут важный прогресс».

Предстоящая встреча на высшем уровне, как подчеркивают здешние политические обозреватели, позволит сделать еще один шаг в этом направлении. В официальных кругах к числу особо важных относят разработку новых мер по дальнейшему ограничению стратегических вооружений и расширению экономического сотрудничества. По мнению вашингтонской газеты «Ивнинг стар энд дейли ньюс», есть все основания надеяться на успех переговоров по этим вопросам. Другие газеты пишут в эти дни о продолжающемся «мирном наступлении» Советского Союза, отмечая большой личный вклад Л. И. Брежнева в разработку и осуществление конкретных внешнеполитических решений, оказывающих существенное влияние на улучшение международной обстановки. Цель Брежнева, пишет, например, «Вашингтон пост», комментируя визит в ФРГ и предстоящий визит в США, — прочный и длительный мир. Имя Брежнева, подчеркивает газета, навсегда будет связано с процессом ослабления напряженности в отношениях между Востоком и Западом.

Точку зрения прессы дополняют высказывания американцев о предстоящем визите Л. И. Брежнева в США Сотрудник одной из самых влиятельных профсоюзных газет «Юнайтед электрик ньюс» Джеймс Лернер говорит: «Наши рабочие возлагают большие надежды на улучшение отношений. Мы считаем, что это скажется самым положительным образом на жизни трудящихся. Сократятся непроизводительные расходы на военные нужды... Мы приветствуем поэтому приезд Л. И. Брежнева и надеемся, что переговоры, которые он будет вести, откроют новый этап мирного сотрудничества наших стран, в чем все мы искренне заинтересованы».

Такие настроения рядовых людей превращаются в важный фактор воздействия и на политическую жизнь страны. Даже деятели консервативного толка уже не могут их больше игнорировать.

Вспоминается любопытный эпизод. На предвыборном съезде республиканской партии я попросил одного делегата — он оказался из Техаса — ответить на ряд вопросов о советско-американских отношениях. Поколебавшись, тот отказался. А потом откровенно сказал: «Знаете, в душе я антикоммунист. Но мне не хотелось бы говорить публично о своих взглядах. Я думаю попытать счастья на выборах в сенат».

Конечно, далеко не все люди, придерживающиеся подобных убеждений, прикусили языки. Но слушателей у них становится с каждым днем меньше и меньше. Есть в Америке священник-мракобес Карл Маккинтайр. Года три назад ему еще удавалось собирать на свои проповеди-митинги до 40 тысяч человек. Но вот недавно он попытался организовать в Вашингтоне очередной «марш». Были затрачены немалые средства. Выделены специальные автобусы. А в результате собралось всего несколько сот человек. Да и те, развалясь на травке около памятника Джорджу Вашингтону, нежились на весеннем солнце, забыв и про плакаты, которые им всучили, и про речи, которые произносил с трибуны Маккинтайр.

Да, времена меняются, и меняется быстро. Особенно это заметно в области торгово-экономических связей.

Недавно мне пришлось побывать в Питтсбурге, крупнейшем по значению промышленном центре Соединенных Штатов. Питтсбург величают «всемирной мастерской». Доля правды в этом есть. В небоскребах, за последние два десятка лет возведенных на месте трущоб, размещаются штаб-квартиры многих ведущих американских корпораций. Принадлежащие им заводы и фабрики, расположенные и в самом городе, и вокруг него, и во всех концах Америки, да и чуть ли не по всему свету, производят разнообразную продукцию, начиная от кружевной отделки к свадебным нарядам и кончая ядерными реакторами. В настоящее время боссы этих корпораций активно нащупывают пути для развития делового сотрудничества с нашей страной.

Интересная беседа состоялась у меня с Уильямом Верити, председателем совета директоров питтсбургской «Армко стил корпорейшн». Чтобы встретиться со мной, он специально прилетел на самолете, принадлежащем его фирме, из другого города, где проводил совещание. Вошел, извинился за опоздание («Плохая погода, пришлось сделать лишний круг над городом»), сбросил пальто с цепочкой-вешалкой, сказал, что располагает всего 10—15 минутами, и проговорил полчаса.

«Прежде всего, — сказал Уильям Верити, — я очень рад, что наши страны начинают снова торговать друг с другом. История доказала, что когда идет торговля, люди не помышляют о войне. И поэтому очень важно, чтобы мы расширяли сотрудничество. Мне кажется, что такого рода связи явятся нашим вкладом в дело укрепления мира».

На вопрос, что он думает о необходимости ликвидировать все еще существующие барьеры на пути развития советско-американской торговли, глава «Армко стил корпорейшн» ответил:

«Я надеюсь, что скоро они будут ликвидированы. Ведь существует взаимный интерес. Хотя Соединенные Штаты, на мой взгляд, имеют сильную экономику, развитие советско-американской торговли будет способствовать разрешению таких трудных проблем, как внешнеторговый дефицит, инфляция, безработица. Мне кажется, — на прощание добавил Уильям Верити, — что русский и американский народы в душе всегда испытывали чувство уважения и дружбы друг к другу. Проявлению этих чувств мешали существовавшие на протяжении многих лет всякого рода барьеры между нашими странами. Я рад, что времена меняются, что теперь создаются реальные условия для развития хороших отношений и обмена между Советским Союзом и Соединенными Штатами в различных областях».

Так думает один из руководителей «Армко стил корпорейшн». А находящаяся в Питтсбурге фирма «Суинделл-Дресслер», принадлежащая другой крупной компании «Пульман инкорпорейтед», уже заключила контракт на разработку проекта и поставку оборудования для одного из цехов строящегося на Каме завода по производству тяжелых грузовиков. Заказчики — группа советских специалистов — на месте проверяют ход работы над проектом, знакомятся с оборудованием. Руководители фирмы довольны ходом совместной работы и надеются на дальнейшее расширение сотрудничества.

Президент «Суинделл-Дресслер» Дональд Морфи полагает, что ныне появились реальные возможности для развития торговли, и чему американский деловой мир, по его словам, давно стремился.

«Конечно, потребуются еще настойчивые и обоюдные усилия, — подчеркнул Дональд Морфи. — Но и думаю, что результаты будут. Ведь экономическое сотрудничество — это не просто обмен материальными ценностями, но и важное средство для улучшения взаимопонимания, для развития уважения друг к другу, совершенно необходимых, несмотря на различие в системах и в идеологии».

И все же в Соединенных Штатах по-прежнему действуют силы, которым не по нутру нормализация отношений между двумя странами. Из тех, кто проявляет особое рвение, можно назвать конгрессмена Джона Эшбрука. Недавно он выступил с докладом «Советская угроза американской безопасности», в котором со всей серьезностью доказывал, что главный враг Америки — это будто бы ее «торговая политика в отношении России». Слушателями Эшбрука были делегатки съезда консервативной организации «Дочери американской революции». Но, насколько можно судить по прессе, даже и они не восприняли его бредовые идеи всерьез.

За отмену дискриминационных мер, препятствующих торговле с Советским Союзом, выступают, однако, многие влиятельные деятели конгресса — председатель бюджетной комиссии палаты представителей Уилбур Миллс, лидер республиканцев в сенате Хью Скотт и другие. Но такова и позиция американских деловых людей. «Мы, — заявил в беседе со мной президент Национальной ассоциации промышленников Дуглас Кеннан, — предпримем необходимые меры, чтобы доказать конгрессу целесообразность ликвидации барьеров, мешающих развитию торгово-экономических связей между нашими странами».

Так думают бизнесмены, так думают и реально мыслящие политики. А какова точка зрения простого американского рабочего? Даже американским журналистам, да еще с телевизионной аппаратурой, попасть на промышленное предприятие в США чрезвычайно сложно. Любая фирма тщательно охраняет секреты производства и старается не допускать посторонних на свои заводы. Но хозяева пригласившей меня корпорации были настолько любезны, что без всяких затруднений пропустили на вагоностроительный завод «Пульман». Трудовой ритм здесь довольно напряженный, и выкроить свободную минуту не так-то просто. Но для разговора с нами у группы рабочих такая минута нашлась.

— Что вы думаете о советско-американских отношениях?

— Надо, чтобы они были лучше.

— Торговля — дело хорошее.

— Мы — за.

Таковы были ответы. И как заключительный аккорд:

— Мы за то, чтобы был мир, мы за добрые отношения между нашими странами.

Юрий СОЛТОН,
собственный корреспондент Советского телевидения и радио — специально для «Литературной газеты»

ВАШИНГТОН. (По телефону)

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ФЕСТИВАЛЬ В КАННЕ

ВОСЕМЬ СЮЖЕТОВ ОДНОГО ФИЛЬМА

На второй неделе Каннского международного кинофестиваля в центра внимания были фильмы, созданные режиссерами с давно определившимися кинематографическими репутациями. Это «Американская ночь» Франсуа Трюффо, «Крик и шепот» Ингмара Бергмана и «Счастливый человек» Линдсея Андерсона. Именно — были, но не оставались, потому что не оправдали возлагавшихся на них надежд. Особенно это верно в отношении фильма Трюффо. Действие его «Американской ночи» ограничено кинематографической средой, и все треволнения, огорчения, даже драматические ситуации, в которые попадают персонажи картины, объясняются сугубо локальными, так сказать, профессиональными причинами. Название фильма обманчиво. Оно означает только одно — герои Трюффо собираются что-то снимать не эту тему.

В картине Бергмана герои тоже живут в замкнутом круге. Главные действующие лица — три сестры, — казалось бы, полны взаимного сострадания и любви, но бессильны помочь в несчастье друг другу.

На пресс-конференции после просмотре фильма режиссер разъяснил, что в современном буржуазном мире его глубоко тревожит отчужденность людей, я в этом источник их страданий и бед. Искусство призвано хотя бы в какой-то мере помочь человеку преодолеть его одиночество...

Более примечателен английский фильм «Счастливый человек». Герой этой картины, по определению режиссера, — современный вариант Кандида. Перед ними развертываются похождения доверчивого, наивного парня, которого никакие неудачи в жизни не могут обратить к благоразумию, то есть к сознанию того, что зло, царящее в мире, изменит по-своему все его добрые намерения.

В картине дана острая сатира политических и нравственных норм современной Англии. Но сатира эта как бы вне идеала, с расплывчатых, абстрактных гуманистических позиций. Ведь и сам герой показан режиссером в ироническом свете.

В минувшее воскресенье на фестивале шел фильм (он сделан по инициативе американских кинодеятелей), на титрах которого обозначены имена восьми известных режиссеров разных стран: Артур Пенн (США), Кон Итикава (Япония), Джон Шлезингер (Англия), Клод Лелюш (Франция) и другие. От Советского Союза в создании картины принимал участие Юрий Озеров. Картина посвящена Олимпийским играм в Мюнхене, где каждый из режиссеров снял по сюжету, — фильм так и называется: «Взгляд восьми».

Нет, это не хроника Олимпиады, не документальное свидетельство всего, что там происходило, что видели зрители с трибуны и на экранах телевизоров, хотя идущая около двух часов картина и отражает многие технические, как говорят спортсмены, показатели состязаний в Мюнхене. Перед нами даже не спортивная жизнь с ее триумфами и поражениями, а жизнь человека — в боренни страстей, в неотступном движении к цели, напряженнейшем, отчаянном стремлении превозмочь себя. Характерно, что почти вся картина снята в крупных планах. Чаще всего мы видим лицо атлета, слышим его дыхание и, кажется, биение его сердца. Ряд самых разных проявлений человеческих характеров застигал проницательный глаз кинокамеры, сладивший за состязанием штангистов. И вот последний кадр этого сюжета. Жесткие губы Василия Алексеева расплываются в улыбка — победа!

Большая часть сюжета, названного «Женщины», посвящена нашим спортсменкам, и прежде всего гимнасткам — в упоении борьбы они необыкновенно грациозны, изящны, обаятельны. А сюжет, снятый Итижевой, тщательно отражает психологические (иногда тонкие) нюансы финишного забега на сто метров, где победил Валерий Борзов. Заучащие с экране аплодисменты Мюнхене сливаются с рукоплесканиями в зале Каннского дворца фестивалей.

Создателей фильме восхищают в спорта воля, мужество, благородство — в равной мере победителя и побежденного, все лучшие качества человеческой натуры. Не экране то бурное ликование или сдержанная радость победы, то слезы досады или исступленные крики отчаяния... Эту часть фильма с добродушной, а кое-где и с колкой иронией снял Клод Лелюш.

Наивно, конечно, сопоставлять «Взгляд восьми», демонстрировавшийся в документальной программе фестиваля, с фильмами основной, художественной программы. Однако в поисках ответа на вопрос, почему именно «Взгляд восьми» собрал наибольшее число зрителей, — зал Дворца фестивалей был переполнен, как никогда раньше, — не хотелось бы услышать только категоричное: спорт, мол, зрелище самое массовое, разве можно сравнивать картину о спорте с таким, например, утонченным фильмом, как «Крик и шепот»? Ведь «Взгляд восьми», собственно, не о спорте, а о безграничности человеческих возможностей, о силе духе и радости победы, о честности и бескорыстии — такое гуманистический смысл олимпийских девизов.

Е. КРИВИЦКИЙ,
специальный корреспондент «Литературной газеты»

КАНН. (По телефону)

ПИСАТЕЛИ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАН НА СИБИРСКИХ СТРОЙКАХ

КРАЙ СИЛЬНЫХ И СМЕЛЫХ

Сибирь! Прекрасный и суровый край, где живут смелые и сильные люди. Неисчерпаемы его природные богатства — ценнейшие породы руды и нефть, естественный газ и пушнина. Для освоения сибирских земель потребовались не только отвага и мужество, но и огромная организаторская работа партии, четкое и точное планирование.

Воспетая в стихах и прозе Сибирь продолжает привлекать внимание писателей. Они часто встречаются с сибиряками, каждый раз находя новые темы для творчества.

Прошлым летом Дни советской литературы проходили в Тюмени — центре нефтяной Сибири. Вместе с шестьюдесятью прозаиками, драматургами, поэтами, очеркистами и критиками, представляющими различные республики СССР, в писательскую бригаду входили коллеги из Болгарии, Венгрии, ГДР, Польши и Чехословакии. Зарубежные писатели побывали у нефтяников, геологов, газовиков, строителей, хлеборобов и рыбаков. О своих встречах, о трудовом героизме советских людей наши друзья рассказали на страницах газет и журналов социалистических стран.

Януш Красинский в польском еженедельнике «Культура» говорит об огромном интересе и любви сибиряков к литературе. Это ярко проявилось в день открытия памятника знаменитому сказочнику Петру Ершову в его родном Тобольске.

«На площади Тобольского Кремля,—пишет Красинский, — собралось множество людей... Выступили почти все присутствовавшие советские писатели и мы, гости из братских стран. Я прочел свои стихи. Игорь Сикирицкий, переводчик сказки Ершова на польский язык, рассказал о популярности «Конька-Горбунка» в Польше и прочел несколько строф своего перевода. С этой минуты наш польский поэт стал одним из героев Дня советской литературы. Ведь «Конек-Горбунок» для читателей здешних мест — сибиряк; им было приятно услышать о его популярности в Польше».

Первый заместитель главного редактора болгарской газеты «Литературен фронт» Серафим Северняк встретился в небольшом городке Ханты-Мансийске, ставшем теперь центром нефтедобычи, с первым секретарем райкома партии тов. Кудрявцевым.

— Мы очень хотели преподнести вам цветы, — сказал болгарскому гостю тов. Кудрявцев, — но наша суровая природа не позволила нам выполнить это желание. Примите вместо цветов кедровые и березовые ветви.

«И в эту минуту, и позже я завидовал своим советским друзьям, — пишет Северняк, — завидовал, увидев, как по-сибирски (не могу подобрать более образного выражения) здесь воспринимают их слово, ценят их творчество. Какая-то непередаваемая, особая близость связывает писателей и читателей-сибиряков. Повсюду в этом суровом крае — в палатках геологов и на буровых вышках — книга самый большой друг».

Чешский литератор Милослав Стингл побывал в хантской деревне Угут. «Что давал раньше хант? — пишет Стингл в журнале «Литерарни мнесичник». — Медвежьи шкуры. Что теперь ханты дают стране? Тысячи, миллионы тонн нефти и естественного газа, вложив в это свой героический и славный труд».

Эгон Рихтер, опубликовал в газете «Остзее-цайтунге», выходящей в Ростоке (ГДР), семь очерков под общим заголовком «Я видел Сибирь»: «Тобольск, где мы присутствовали на открытии памятника Ершову и встрече писателей с читателями, — это родина еще одного великого человека — Менделеева, родина химии. Тобольск становится крупнейшим химическим центром Советского Союза. Заложены фундаменты крупнейшего в Сибири нефтеперегонного завода и предприятий, которые смогут использовать побочные продукты перегонки нефти. Разве это не лучший памятник великому ученому?»

Огромное впечатление произвел на немецкого писателя город Тюмень, где за небольшой срок построены современные кинотеатры, дома культуры, школы, концертные и выставочные залы.

Писатели посетили большой животноводческий совхоз недалеко от Тюмени, проехав по современной асфальтовой автостраде.

«Совхоз занимает площадь в 16 тысяч гектаров, и работают в нем 900 человек, — пишет Рихтер. — Помимо высокой заработной платы, каждый рабочий получает премиальные — два-три месячных оклада в год. Природа здесь суровая: долгая зима, температура достигает 30—40 градусов ниже нуля. И частые наводнения. Лишь в конце апреля, когда вода отступает, можно начать обрабатывать землю. И в этих условиях урожай с гектара составляет от 27 до 30 центнеров пшеницы! Молодежь любит свой совхоз, не тянется в город, хотя он расположен поблизости. Совхоз растет с каждым годом. Уже построено 300 новых квартир... Семьи тут большие — у каждой по двое, по трое и более детей. В центре совхоза — радиотелефонный диспетчерский узел, он облегчает связь с теми, кто работает в поле. На широкой главной улице — дом культуры, школа, музыкальное училище.

Наша встреча с читателями происходила на поляне. На разных языках звучали стихи. Писатели делились со слушателями своими планами и замыслами. Слушали их с огромным вниманием».

Петер Госсе, писатель из ГДР, назвал свои два очерка в газете «Нойес Дойчланд» «Бахирев, Бахилов и другие». В них рассказывается об истории освоения Сибири, о подвигах героических нефтепроходчиков и строителей новых городов, о секретаре Нижневартовского райкома КПСС В. В. Бахилове.

«На груди у Бахилова—Золотая Звезда Героя Социалистического Труда. Об этом человеке здесь рассказывают легенды. До Нижневартовска он работал в Сургуте. В ту пору главным препятствием для строительства была непролазная грязь, в которой тонуло буквально все. Дорог не было, улиц тоже. Бахилов мобилизовал все силы на строительство улиц и дорог. Теперь в Сургуте — один из лучших сибирских аэродромов, и в этом также заслуга Василия Васильевича. Он внушил людям такой энтузиазм, такую веру в свое дело, что аэродром был построен в кратчайший срок.

А когда в Сургуте все было налажено, Бахилова решили перевести в Нижневартовск. И уже через две недели не было ни одного человека, который не знал бы о новом месте Василия Васильевича. «Вот это настоящий секретарь!» — говорят о нем люди».

Петер Госсе пытался расспросить секретаря райкома, как ему удается делать так много. Но В. Бахилов не любит говорить о себе. Излюбленные темы его разговора — строительство электростанции (она будет работать на естественном газе), а также — строительство железной дороги, которая свяжет Сургут и Нефтеюганск с Тобольском, Транссибирской магистралью и остальной частью страны.

Очень интересной была беседа немецкого писателя с Володей Лакупчиком, дорожным мастером из Саратова. Госсе хотел узнать, что заставило молодого татарского паренька приехать из родных краев в далекую Сибирь. Может быть, деньги? Высокие оклады, которые платят на Севере?

«Нет, — ответил Лакупчик. — Те, кто гонится за длинным рублем, быстро уезжают отсюда, а я здесь уже несколько лет. Я просто хотел попробовать свои силы». Этот ответ поясняет многое, ибо все, что сделано здесь, — дело рук людей, которые попробовали свои силы и убедились, что им все по плечу».

Впечатления писателей братских социалистических стран о поездке с трудом вмещаются в рамки газетных и журнальных статей. Можно надеяться, что Советская Сибирь займет достойное место в будущих книгах наших друзей из стран социализма.

Литературная общественность Югославии отметила юбилей известной поэтессы Десанки Максимович.

В Москве в Доме дружбы с народами зарубежных стран состоялся вечер, посвященный 75-летию со дня рождения поэтессы.

Ниже мы публикуем стихи Д. Максимович из книги «Стихотворения», выпущенной издательством «Художественная литература».

Десанка МАКСИМОВИЧ

Урок истории

Вчера лишь
в смиренных одеждах
букашек
тянулись ко мне
несмышленые дети.
Спасительный колышек
так оплетают
вьюнка беззащитные,
слабые плети.

И так на уроке
глаза их горели!
Как будто в театре,
в торжественном зале,
они на скамьях
замирали порою,
они просветленно
и радостно ждали,
что истину я
перед ними открою.

И я говорила
с надеждой и жаром.
И я призывала.
И я убеждала.
И, словно свеча,
перед ними сгорала.
Но все о чужом,
неизведанном, старом,
чего я сама
никогда не рождала,
за что я ни разу
не умирала.

Не нынче
великое чудо свершится!
Земля, ты ждала
этой светлой минуты.
Вот школьник на кафедру
смело выходит.
А старый учитель
за парту садится
и слушает жадно
урок о свободе.

Я ваша смиренная ученица.
Откройте мне
истины светлые двери.
За вами пойду я
послушно и робко
туда, где известна
вам каждая тропка,
как день ваш,
как собственной жизни
страница.

Сто рук ваших пусть меня
в небо поднимут,
даруют мне зренье
острее и резче.
Пусть все ваши подвиги,
все ваши взлеты,
все битвы, что лягут потом
в переплеты,
сейчас предо мною,
как лезвия, блещут!

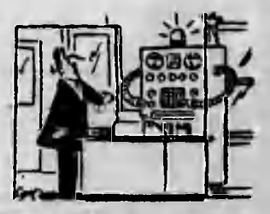
Ведите меня
к поднебесным вершинам,
где зреют весенние
сильные воды.
За вами пойду я
все выше и выше.
Откройте мне тайну
рожденья свободы
и смех ее первый
заставьте услышать.

Пускай ваша радость
молвы не боится.
Пускай вызывает она
изумленье.
Пускай в нашем классе
впервые свершится
мечты долгожданной
святое явленье.

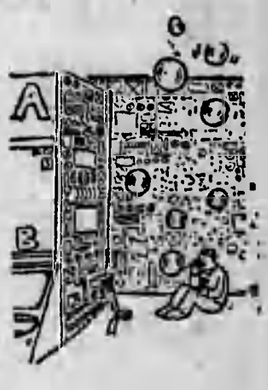
Перевела Т. МАКАРОВА

ЗАРУБЕЖНАЯ КАРИКАТУРА

ЧТО ОНИ ДУМАЮТ О «ДУМАЮЩИХ» МАШИНАХ

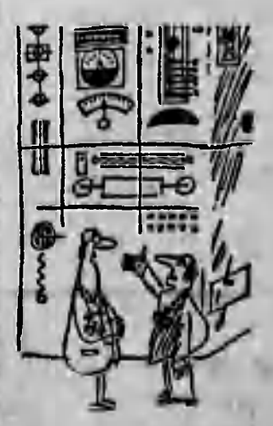


— Здравствуйте, господин директор. Я ваша новая секретарша.



Без слов

«Электронная» гадалка



— Знаешь, в чем разница между нами и машиной? Она мыслит!

ДЕЛОВАЯ АМЕРИКА:

НОВОЕ В УПРАВЛЕНИИ

Б. МИЛЬНЕР,
профессор, доктор экономических наук, заведующий отделом систем управления Института США АН СССР

Совершенствовать управление хозяйством — одна из важнейших задач, поставленных в повестку дня научно-технической революцией. Для успешного ее решения полезен критический анализ современной зарубежной практики. С таким анализом выступает автор этих заметок.

В одной из рекламных передач американского телевидения была показана такая сцена: за огромной, высотой с трехэтажный дом, катящейся монетой бежали, сбиваясь с ног, респектабельные мужчины, озабоченные женщины, стремительные юноши и девушки, страдающие одышкой старики, дети. Ничто не могло отвлечь их от цели, к которой они стремились, — доллара.

Это в общем-то не новая сцена, рекламировавшая в данном случае выгодность пользования кредитными картами, стала в известном смысле символичной для многих новых явлений современной деловой жизни в США. Мне часто приходилось вспоминать о ней во время поездки по Америке.

Буржуазные теоретики управления пытаются изобразить современный американский капитализм резко отличающимся от капитализма начала века. Наиболее распространенный прием — затушевывание сути капиталистической системы хозяйства. Оно якобы руководствуется уже не погоней за максимальной прибылью, а другими целями, имеющими «общественно полезный характер».

Но даже сами эти теоретики вынуждены делать признание, развенчивающие апологетичность новейших концепций. Один из них — Томас Петит, профессор университета штата Аризона, — в книге «Моральный кризис в управлении» пишет: «Прибыль является традиционным этическим стандартом ведения бизнеса в капиталистических системах. В соответствии с ним бизнесмен принимает решения только на основе того, какой из вариантов будет обеспечивать большую прибыль. Единственная оценка, рассматриваемая им, — это та, которая может быть выражена в денежной форме».

И в малом, и в большом— соперничество из-за доллара.

Доллар выступает и как критерий крупных качественных изменений в управлении компаниями, когда приходится разрушать привычные представления, методы, подходы.

«МАЛЕНЬКИЙ ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ДИРЕКТОР»

В последние годы в структуре управления американскими промышленными компаниями появились новые фигуры — «программные руководители», или «руководители проектов». Их задача — управлять по горизонтали.

Рядовой исполнитель попадает под контроль сразу двух боссов: по административной линии — менеджера своего подразделения, по стоимости и графику выполнения конкретной программы — руководителя проекта. Руководители проектов — это «маленькие генеральные директора», действующие наряду с линейным и функциональным руководящим персоналом.

— Как это согласуется со старым американским правилом о том, что один работник не может иметь двух боссов? — не раз спрашивал я специалистов по управлению и самих менеджеров компаний.

Профессор Робертс из Массачусетского технологического института, известный консультант американских корпораций, ни минуты не задумываясь, ответил так:

— Вам нужно знать нашу психологию: пусть названия меняются, пусть концепции меняются, лишь бы это было практично и выгодно.

Еще более определенно высказался по этому поводу руководитель проекта из крупной бостонской фирмы г-н Барановский:

— Если правило перестает давать прибыль, мы его выбрасываем в окно.

Руководители проектов по неписаному закону подбираются преимущественно из числа тех, кто имеет не менее чем двадцатилетний опыт работы в разных должностях, по разным функциям управления. Ценится именно опыт в разных сферах руководстве: ведь новое дело носит межфункциональный характер, да к тому же связано во многих случаях с многомиллионными программами, ночно, «выловить» немало ценных предложений, новых решений и идей, но вовсе не безразлично, каким путем это достигается...

Весьма широко распространено сейчас в США и «научное антрепренерство», когда для изучения определенной проблемы создается целевая группа специалистов из разных институтов, компаний и университетов. Во главе такой группы может стоять ученый, а чаще администратор-антрепренер. Нередко такие группы создаются только для того, чтобы распространять (с учетом специфики конкретных условий) уже добытые научные результаты. Типичным случаем является, например, «передача технологии» из военных отраслей в гражданские.

Формируясь по принципу создания временных театральных групп для постановки какого-либо спектакля, такие коллективы собирают «исполнителей» разных научных «ролей» и добиваются финансирования от федеральных органов, от частных фирм или от определенных ассоциаций и фондов. В ряде случаев сами эти организации подыскивают «научных антрепренеров» и поручают им формирование подобной группы. Так поступает, например, Национальный научный фонд — правительственная организация, субсидирующая исследования во многих перспективных отраслях науки.

Предметом исследований стала и сама фигура антрепренера. Мне довелось, в частности, присутствовать на семинаре в Слоуновской школе управления, темой которого были требования к кадрам антрепренеров и методы оценки эффективности их деятельности.

Речь шла и об их среднем возрасте (предпочтительно 30—40 лет), и об образовании (какое важнее — техническое или в области делового администрирования), и о коммерческой ориентации, и о психологических особенностях и мотивах (воля, намерения, способность к риску, умение наладить нормальные отношения с группой, склонность к выдвижению новых идей и т. п.). Предлагалось немало и других более детальных критериев и требований, которые все вместе объединялись одним понятием—умение «делать деньги» на научной ниве.

Обращало на себя внимание и то, что с фигурой организатора науки связывалась, так сказать, «человеческая сторона» исследований. Он должен ориентироваться не столько на саму научную проблему, сколько на ученых и специалистов, занятых ее решением. Встречи, личные контакты и неформальные коммуникации, кратчайшие пути передачи информации, предельная конкретизация ответственности, регулярные самоотчеты исполнителей — эти и многие другие приемы включались в арсенал «умений» руководителей научных групп.

МЕНЕДЖЕРЫ И КОМПЬЮТЕРЫ

Много говорят и пишут сейчас в США о «психологическом барьере», который существует между управляющими и электронно-вычислительной техникой, активно проникающей в разные сферы деятельности. ЭВМ ломают старые представления о методах руководства, требуют аналитического подхода к постановке задач, тщательного отбора информации, многих структурных новшеств в организациях.

Всякий раз неотвратимость этих изменений, пусть даже на второстепенных участках, вызывает противодействие традиционных управляющих, привыкших в течение многих лет к определенной «технологии» своей работы.

Как же преодолевается «психологический барьер»? Мне часто приходилось задавать этот вопрос, встречаясь со специалистами, учеными, управляющими. Ответы были самыми разными, но почти все сходились на том, что проблема эта очень деликатная и что отсутствует какой-либо универсальный рецепт для ее решения.

Один из самых распространенных принципов в создании информационно - вычислительных систем — это «идти от малого к большому», шаг за шагом накапливать опыт и убеждать управляющих на примерах конкретной выгоды.

— Многие не понимают, что ЭВМ могут сделать, потому что начинают с большого, — говорил мне профессор Несс в Слоуновской школе управления. — Надо сначала изменить немногое, сделать то, что реально помогает. Комплексная, всеобъемлющая информационно-вычислительная система требует многих лет. Поэтому, — продолжал он, — приступая к внедрению ЭВМ на фирмах, мы говорим управляющим: «Дайте нам 3 тысячи долларов, и мы сделаем для вас то, что вы поймете. Потом вы сами будете давать нам значительно больше денег на эти цели».

«Платой за обучение» назвал эту постепенность в накоплении опыта, в переходе от одной небольшой системы к другой Карл Хаммер, один из директоров фирмы «ЮНИВАК», крупного производителя ЭВМ в США. Фирма «ЮНИВАК» выпустила самую первую в США электронно-вычислительную машину, Карл Хаммер был участником этого проекта.

— Я знаю сотни примеров неудач в использовании ЭВМ на фирмах, — говорил он во время беседы в Вашингтоне, — когда специалисты не считались с психологическим (да и организационным) фактором, когда они стремились сразу добиться полноты, комплексности, быстрых результатов.

Вот почему в отличие от недавних времен «электронного бума» ориентиром сейчас становится не сама система, а нужды управления, реальные запросы руководителей, не мода, а дело. Непременным правилом становится то, что управляющие разных рангов не просто привлекаются к созданию информационно-вычислительных систем, но возглавляют эту работу и несут за нее личную ответственность. Не специалисты по системам, а управляющие, пользуясь консультациями специалистов, пишут руководства, правила, инструкции, определяют сферы, характер и этапность в использовании ЭВМ. Кто будет пользоваться системой, кому она действительно нужна, тот и лично отвечает за ее создание — таков принцип.

На стадии создания важны нужды, которые должна удовлетворять система, и здесь опыт и знания управляющих незаменимы. На стадии же эксплуатации системы важным становится и промежуточное звено между ЭВМ и руководителем. Профессор Массачусетского технологического института Шейн, специализирующийся на психологических аспектах использования ЭВМ, считает, например, что «сам менеджер вряд ли будет взаимодействовать с ЭВМ, и в ближайшем будущем ситуация не изменится». Ссылаясь на свой опыт консультанта многих промышленных компаний, он рассказывал, как пришел к убеждению, что нужно остерегаться перегрузки руководителей информацией в условиях уже налаженной информационно-вычислительной системы. Когда руководитель располагает слишком большим объемом информации, он начинает заниматься деталями. Это мешает его работе. К нему идет информация интересная, но не нужная для специфических функций общего руководства. Вот почему возникает проблема помощников и ассистентов, стоящих между ним и ЭВМ.

— Не мой взгляд, — говорил профессор Шейн, — важнее не переподготавливать руководителей в области ЭВМ, а добиваться от них того, чтобы они сделали ясными, классифицировали решения, которые им следует принимать. Главное, что они должны знать, — это какие вопросы они хотят и могут ставить перед ЭВМ, имея в качестве посредников своих ассистентов. Какие вопросы задавать машине — в этом, я бы сказал, великая миссия и незаменимая роль руководителей...

Вместо безудержного лозунга «Кто владеет информацией, тот владеет властью» появился сдержанный, экономный, расчетливый — «20 процентов информации для 80 процентов решений».

Один из самых молодых и популярных в США специалистов по системам, профессор Мортон сказал мне:

— Сейчас меньше, чем когда-либо, ясности насчет того, как ЭВМ влияют на психологию руководителей и поведение фирм. Если я отвечу на этот вопрос, то смогу уйти на пенсию. Но вряд ли это случится в обозримое время.

ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ ЭКСПЕРИМЕНТЫ

Высший уровень управления организациями стал сейчас предметом особого внимания, объектом поиска новых форм распределения задач, ответственности и полномочий.

В структуру управления компаниями все чаще вводится фигура, не облеченная властью и не несущая ответственности за какой-либо участок работы. Это советник президента фирмы или генерального управляющего, «независимый эксперт», который может посмотреть на положение дел в компании не с позиций какого-либо одного подразделения или службы, в широком стратегическом плане, так сказать, «свежим взглядом».

В отличие от специалистов, привлекаемых из консультативных фирм по управлению на основе контрактов, к такому эксперту высшее руководство относится доверительно, он посвящен во все намерения и секреты, касающиеся долгосрочной стратегии и ближайшей тактики. Над ним не довлеют бремя текущих дел и оперативной работы, груз прежних традиций и ошибок, он не стеснен узкими рамками карьерной лестницы. От него ждут объективных оценок, «горькой правды», дерзких советов, смелых рекомендаций крупного масштаба, которые могут существенно повлиять на положение компании.

Одна из разновидностей такой независимой экспертизы — включение в советы директоров компаний ученых, специализирующихся по вопросам экономики, рыночных отношений, финансов, капиталовложений, управления. Такой ученый, постоянно работающий в университете или научном центре, является в то же время одним из директоров компании. Не отвечая за определенный участок работы и не будучи связанным с какой-либо отдельной функцией, он имеет возможность оказывать влияние на все принимаемые меры и характер решений высшего руководства.

К числу новинок последнего времени относится и такое: несколько президентов в промышленной компании с одинаковыми правами по всем вопросам деятельности. Корпорация «Дженерал электрик» имеет сейчас трех равноправных президентов, компания «Кодак» — двух. Каждый из этих президентов — не куратор какой-то определенной области деятельности, группы функций или вида выпускаемой продукции. Он обладает полномочиями по руководству всеми делами компании в целом. Вместе с тем три или два президента одной компании — это не коллегиальный орган, а носители единоличной исполнительной власти, получаемой от коллегиального органа.

В чем же усматривается смысл такой формы управления?

Мне говорили об идее физической разгрузки высшего уровня руководства, о возможности в два-три раза расширить «мозг, слух и зрение», увеличить способности одновременно быть в центра и на местах, принимать не в порядке очереди, а сразу весь круг необходимых решений. Говорили и об объективной необходимости расширить круг лиц, которые думают о делах компании в целом. Каждый из двух-трех президентов имеет власть и несет полную ответственность за итоги деятельности всей организации как единого целого. Они могут принимать одинаковые по характеру решения, но, чтобы избежать дублирования в работе, используют разные формы координации своей деятельности — совместные совещания один-два раза в неделю, телефонные переговоры и т. п. Координация осуществляется по самым общим, принципиальным вопросам.

Свыше ста крупных корпораций в США создали отделы организационного планирования и развития в составе своего центрального аппарата управления. Эти отделы подотчетны непосредственно председателю правления, или президенту компании, или ее вице-президенту по административным вопросам либо по вопросам персонала.

Руководитель такого отдела электротехнической компании «Эдисон» в Детройте Уильям Долл в беседе подчеркнул, что «первостепенное значение придается системе обучения, развития и использования квалифицированных кадров специалистов и руководителей разных рангов».

В этой компании установлен порядок, согласно которому один раз в год руководители всех подразделений совместно с каждым подчиненным рассматривают состояние и уровень выполнения возложенных на них функций и обязанностей, а также намечают определенные цели на предстоящий период. Каждые два года в компании проводится официальная всеобщая оценка выполнения работниками порученных им функций и их потенциальных возможностей. Материалы такой оценки служат основанием для принятия высшим руководством компаний решений о перемещениях и назначениях работников.

(Окончание следует)

Печатается с сокращениями. Полностью заметки проф. Б. Мильнера «По дорогам деловой Америки» будут опубликованы в №№ 6, 7 журнала «США: экономика, политика, идеология».

НЕСЧАСТЛИВОЕ ЧИСЛО

А. КАРПУХИН

За ОКНОМ ворковали голуби. Заседала конкурсная комиссия...

На пороге экзаменационной комнаты появилась тщедушная фигура с заплаканным лицом.

— Провалился, — еле вымолвила фигура и зарыдала в голос.

— Следующий! — негромко послышалось из комнаты.

Наступила моя очередь. Я побледнел, но мужественно преодолел порог. В комнате за длинным, как луч звезды Бетельгейзе, столом, покрытым зеленым сукном, восседала комиссия. Машинально я пересчитал экзаменаторов: «Тринадцать. Чертова дюжина!».

— Прошу вас, э-э, молодой человек, берите билет, — милостиво выговорил председатель, представительный старик в строгом темно-синем костюме.

Дрожащей рукой я вытащил белый листок.

— Тринадцатый, — пробормотал я.

— Тэ-экс, тринадцатый. Что у нас на тринадцатом? — председатель порылся в потертой тетрадке. — М-м-м, тринадцать вопросов. Прошу вас отвечать без подготовки. — Его глаза ласково взглянули на меня из-под золотого пенсне: — Как вы знаете, у нас особые требования. Итак, начнем. Первый вопрос. Перечислите, пожалуйста, основные различия, естественно—по химико-физическим параметрам, между простой и тяжелой водой.

Запинаясь, подавляя естественное экзаменационное волнение, я перечислил и довольно полно, на мой взгляд, охарактеризовал различия.

— Тэ-экс, — председатель ободряюще заулыбался. — Дальше. Поподробней, пожалуйста, о технологии изготовления стекла. В широком аспекте.

Я рассказал.

— Напишите формулы известных вам минералов-силикатов.

За час я исписал формулами всю доску.

— Перечислите основные работы А. Эйнштейна.

Я перечислил.

— На английском языке, пожалуйста, — томным голосом, слегка картавя, попросил один из членов комиссии, обладатель большого портфеля из скрипучей коричневой кожи.

Я перечислил на английском.

— На немецком, пожалуйста, — устало добавил он.

Я перечислил на немецком.

Прошло четыре часа. У меня засосало под ложечкой. Тринадцать вопросов я разгрыз, как семечки.

Председатель отложил в сторону потертую тетрадку и повел розовой ладошкой в сторону моих экзекуторов:

— А теперь, пожалуйста, дополнительные вопросы.

Долго уговаривать членов комиссии ему не пришлось. Дополнительные вопросы посыпались на мою голову, как щелчки турникетов метро в час «пик».

— Состав лунного реголита?

— Названия парнокопытных Африки?

— Созвездия Южного полушария, естественно, с альфа, бета и так далее звездами?

— Корень пятой степени из пи в кубе?

— Биографии художников-передвижников и их произведения?

— Исполнить на любом музыкальном инструменте «Болеро» Равеля.

— Исполнить без коньков «школу» в одиночном катании на коньках...

Рубашка и галстук на мне взмокли. Запонки жгли кожу. Поражаясь собственной эрудиции, я отвечал налево и направо, сыграл на расческе Равеля и без коньков исполнил «школу» (правда, сломав при этом правый каблук новых ботинок).

Наконец члены комиссии устало умолкли.

Молчаливый член комиссии перехватил взгляд председателя и мотнул головой.

— Слухай, паря, — глухо сказал он, — раз ты шуруешь на ефту работу, сгутарь нам без фиглей-миглей статьи УК по енному прохфилю.

«Амба, — леденея, подумал я. — Зарезал!» К этому вопросу я не был готов.

Шатаясь, двинулся я к выходу и за порогом сразу же попал в теплые, сочувствующие объятия прочих соискателей. Кто-то усадил меня на стул. Кто-то подал стакан воды. Мои зубы застучали по стеклу.

— Ну?!

— Несчастливый билет, — простонал я. — Провалился.

По толпе соискателей прошел глухой ропот.

— Следующий, — негромко послышалось из комнаты.

За окном ворковали голуби. Заседала конкурсная комиссия на замещение вакантной должности продавца в пивной ларек нашего жилмассива...

ЛЕНИНГРАД

Йоганна и Гюнтер БРАУН
(Западный Берлин)

СОЛНЦЕ И ВОЗДУХ

МИСТЕР Пайперхаус, директор и совладелец известной бумажной фабрики Миллер, Пайперхаус и К°, обожал природу.

Сегодня, после того как он подписал несколько деловых писем, ему снова захотелось отдохнуть на лоне природы. Он зевнул, захлопнул папку, взглянул на часы и нажал кнопку звонка. Появился молодой человек в пастушеском одеянии.

— Десять минут, Билли, — сказал мистер Пайперхаус.

Оба отправились в соседнюю комнату, где царил полумрак. Мистер Пайперхаус опустился на пол. Как он жаждал насладиться природой! На полу была зеленая лужайка, столь же зеленая, как и везде, разве что — и в этом состояло ее преимущество — сделана она была из хлопка и потому никогда не увядала и была чище обыкновенной. Мистер Пайперхаус снял пиджак, потянулся и воскликнул:

— Включи солнце!

Билли включил мощное горное солнце. Небо, лазурным колоколом висевшее под потолком, засняло ярчайшим светом. Ни единое облачко не омрачало радости. «Это небо всегда голубое,— подумал мистер Пайперхаус, — в отличие от обычного, которое то серо, то покрыто облаками, то безоблачно».

— Приглуши солнце, — сказал он затем. — Становится слишком жарко.

Билли повиновался. Щелкнул рычажок, и зажужжал вентилятор. Прохладный ветер обвевал затылок любителя природы.

— Довольно воздуха, — произнес через минуту мистер Пайперхаус. — Теперь немного лесного аромата.

Вентилятор смолк. Билли покопался в ящике, затем зашипел распылитель, и по комнате распространился смолистый лесной запах. Мистер Пайперхаус с наслаждением вдыхал его. Над его головой раздавались — в магнитной записи — птичье щебетанье и шелест елей. Вдали прозвучал лесной рожок.

«Много радости дал нам господь», — подумал мистер Пайперхаус и бросил взгляд на часы:

— Можешь выключать, Билли.

Снова очутившись за письменным столом, мистер Пайперхаус сдунул с рубашки пылинку, напряг мускулы и развернул биржевые ведомости.

Перевел с немецкого
Вал. МАЛАХОВ

ФЕЛЬЕТОНЧИК

СКАЖИ-КА, ДЯДЯ...

НЕ СЕКРЕТ, что администрация «Клуба ДС» располагает преданным ей авторским активом, призванным всемерно сотрудничать на 16-й странице «ЛГ» и всячески попустительствовать, грубо говоря, ее расцвету. Не случайно поэтому активисты— частые, а многие из них желанные гости администраторов «Клуба 12 стульев». Бывает, забежит иной активист на огонек с бутылочкой доброго престарелого армянского, да и засидится с администраторами за чашкой чая, беседуя по вопросам, представляющим взаимный интерес.

Вот в недавно известный широкому читателю автор 16-й страницы товарищ Д. заскочил в «Клуб ДС», имея в руках высокую, узкую, прямоугольной формы картонную коробку, расписанную под панораму знаменитой Бородинской битвы. По высоте эта коробка совпадала с высотой пол-литровой посуды от коньяка, а сверху спадала медаль на цепочке, замаскированной под золото. На медали—профиль фельдмаршала Кутузова М. И. Когда коробку поворачиваешь вокруг ее оси, то перед глазами развертывается сражение на полях Подмосковья. И, наконец, чтобы окончательно удовлетворить любопытство читателя, добавим, что над панорамой стоит надпись «Коньяк». Сначала

Пейзаж после битвы...

подумалось, что ребята с ликеро-водочного предприятия сочинили новый сорт коньяка под названием, скажем, «Бородино». Или «Кутузов». В пику французам, имеющим неплохой коньяк марки «Наполеон». Однако французские виноделы могут быть спокойны. Дальше картонно-батальной упаковки наша фантазия не сработала. Ну, может быть, в смысле медали мы утерли нос заграничной коньячной олигархии. А вообще в этой сногсшибательной военно-панорамной коробке находились обычные пол-литра московского розлива армянских «трех звездочек». Просто панорама с пошлой медалькой удорожила напиток еще на шестьдесят три копейки.

И вот смотришь на эту картонную панораму, на медаль, на опустевшую посуду — и с невольной грустью думаешь про дядю, главнокомандующего изготовлением и торговлей исторической упаковкой. А в голову сами по себе лезут стихи:

Скажи-ка, дядя,
ведь не даром?..

В. РЕЗНИКОВ,
дежурный администратор
«Клуба ДС»

Анатоль ПОТЕМКОВСКИЙ

ОЗАБОЧЕННОСТЬ

НА ДНЯХ мы познакомились в кафе «Кокос» с неким печальным субъектом. Он грустно глядел вокруг себя и казался чем-то озабоченным.

— Мучит меня сознание моего гражданского долга, — ответил он на вопрос о причинах его подавленности.

— С этим нужно бороться, — посоветовала баронесса Соловейчик. — Временами каждого из нас что-нибудь мучит. Не следует поддаваться минутному настроению.

— Это не минутное настроение, — сказал печальный субъект. — Меня это уже беспокоит давно. У меня есть идея, которая принесла бы огромную пользу стране, к сожалению, у меня нет средств для ее реализации.

— А не пробовали ли вы обратиться с этой идеей к властям? — заинтересовался Беспальчик. — Если идея хорошая, то деньги найдутся.

Печальный гражданин отрицательно покачал головой.

— Пробовали? — переспросила баронесса.

— Это не простое дело, — сказал он. — Еще никто до меня об этом не думал.

— Каждый новатор встречается с трудностями, — сказал пан Куця. — Нужна большая выдержка, чтобы преодолеть консерватизм, бюрократизм, непонимание и все прочее.

Печальный гражданин кивнул головой.

— Вы уверены, что осуществление вашей идеи принесло бы реальную пользу? — спросил магистр Канульчиняньский.

— Ни малейшего сомнения, — ответил озабоченный. — Я пришел к этой мысли еще несколько лет назад, когда работал на обувной фабрике, и с каждым годом во мне зреет уверенность, что с государственной точки зрения моя идея полезна.

— Это имеет отношение к производству обуви? — спросила баронесса. — Обувь наша действительно не на высоте.

Печальный гражданин скривился:

— Я работал когда-то в гарантийном отделе обувной фабрики, и в мои задачи входило объяснять клиентам, что их рекламации подрывают в коллективе веру в собственные силы и не служат делу прогресса. Я добивался того, что покупатели признавали мою правоту. Но моя идея не относится к обувному производству. Теперь я работаю в бюро разных идей.

— И у вас там действительно бывают идеи? — спросил Беспальчик.

Озабоченный печально кивнул головой:

— Девать некуда. Большинство из них мы реализуем, поскольку от количества реализованного зависит наша прогрессивка. Но мучит меня мой гражданский долг. Я чувствую, что обязан осуществить свою идею.

— В чем же она состоит?— спросила баронесса Соловейчик.

— Моя идея состоит в том, что я должен бросить работу, — сказал печальный незнакомец. — Это принесло бы огромную пользу всем.

— Так почему же вы не осуществите свою идею?! — воскликнули мы хором.

— Увы! Я не могу оставить работу. Я должен на что-то жить...

— Стоит ли из-за этого волноваться? — сказал Беспальчик. — Не вы один в таком положении.

Перевел с польского
Н. ЛАБКОВСКИЙ

ПЕРЕВОДЫ

СТЕНГАЗЕТА КЛУБА

РОГА И КОПЫТА

● **«ЖЕНЩИНА-ЗМЕЯ»**

—так назвал свою жену Б. Б. Аникеева водопроводчик 23-й ЖЭК А. А. Аникеев.

● **ОБЪЯВЛЕНИЯ**

Учу жить.

* * *

Гражданина, случайно увезшего из моей квартиры новую пишущую машинку, прошу срочно зайти за футляром.

● **ЭТО ИНТЕРЕСНО**

Интересно покататься на колесе обозрения, приятно посидеть в ресторане над рекой, хорошо совершить прогулку на лодке или посмотреть новый фильм в современном летнем кинотеатре.

К сожалению, ничего этого нет в гор. Тихове.

● ● ● ● ● ●

ФРАЗЫ

● *Один ГУМ хорошо, а два лучше!*

И. ДАНИСИНИ

● *Человек дела, которое никогда не совпадает со словом.*

● *В литературу вошел, а из графоманов не вышел.*

Александр ФЮРСТЕНБЕРГ

● ● ● ● ● ●

ТОФС «Клуба ДС»

Сметать все на своем пути — убирать тротуар.

Татьяна ВАТЬКАЛОВА
КИЕВ

Захребетник — человек, живущий по ту сторону горного хребта.

Вл. САПРОНОВ
Тульская обл.

Этажерка (друж.) — соседка по лестничной клетке.

Степан ЧУПРУНОВ

Столетник — горец средних лет.

Иван ВОЛДЫРЕВ
МУРМАНСК

Л. ИЗМАИЛОВ

Я ЛЮБЛЮ ТЕБЯ, ЛЕНА!

ВОТ говорят, что сейчас любви настоящей нет. Что, дескать, раньше из-за любви чего только не делали, а теперь все лишь бы как. В связи с этим я вам расскажу одну грустную историю. Значит, один молодой человек, имени называть не буду, чтобы вы ни о чем не догадались, влюбился в одну девушку. Красивенькая такая девушка. Ну и он парень тоже ничего. И так он в нее влюбился, что сил никаких нет. А она вроде на него ноль внимания, фунт презрения. Он уж ей и цветы носил, и письма посылал. И чего только не делал. И с работы встретит, и на работу проводит. До того дошел, что прямо на асфальте у ее дома написал: «Я люблю тебя, Лена». Чтобы она каждый день эту надпись видела.

Вода камень точит, и он потихоньку своего добился. Стала она на него внимание обращать. И стали они встречаться. Провстречались так некоторое время. Ну что между ними было, этого я рассказывать не буду. Не наше это дело о том рассуждать. Меня это не касается и вас тоже, но только дело уже к женитьбе шло.

И вот так получилось, что из-за чего-то они поссорились. То ли настроение у нее плохое было, то ли у него что случилось, но только слово за слово, и поругались.

Знаете, как бывает, просто кто-нибудь скажет «глупый ты» — и ничего. А как от любимого человека такое услышишь, так нет сил терпеть. Ну, в общем, он ей говорит: «Раз так, — говорит, — я тебе докажу, какой я», — и ушел. И вот началась у них не жизнь, а мука. Каждый боится гордость свою уронить, и каждый молчит. Ей бы подойти к нему, сказать: «Хватит тебе», дескать, и все, или ему то же самое. А они нет. Вот он около ее дома походит, походит, а зайти не может. Она утром на работу идет, а там на асфальте надпись — люблю тебя, дескать, и все. Был, значит, здесь да весь и вышел.

И она так же: допустим, день рождения у него случился. Она ему открытку в ящик, и ходу.

Время идет, а он ей все доказывает. И вот ведь человек какой, на одни тройки учился, в тут взял и институт с отличием закончил. Ему бы подойти, показать диплом да и помириться. А он нет — гордый. Другой бы на его места уж с пятой познакомился бы и ту бы из головы выкинул. А он и этого не может. А тут еще так случилось, в метро он ехал. Вдруг смотрит, она в вагон заходит с молодым человеком. Так он не то что поздороваться. Ему как будто кто под дых ударил. Остолбенел аж. И у нее то же. Смотрят друг на друга. Глаз оторвать не могут. Она чуть в обморок не падает. Еле до остановки доехали. Он выскочил тут же и, неизвестно с чего, в другую сторону поехал. Вот дела какие.

После этого им бы созвониться, поговорить бы, выяснить все. А он, видишь, как думал, что она сидит дома и ждет его. А она девушка молодая, красивая. Ухажеров разных полно. Разве дома усидишь. Тем более ей уже казаться начало, что возраст поджимает. Ей к тому времени 22 стукнуло. А тут подруги замуж все повыходили. Ну вот она так подождала, подождала да и вышла за кого-то замуж. А добрые люди, они всегда и йдутся, конечно, ему об этом и донесли. Тут он света божьего невзвидел. Пролежал на диване неделю, не ел, не спал, мучился. Потом взял и диссертацию защитил по какой-то научной теме.

И вот защитил он диссертацию, денег прикопил, купил машину и на этой машине к ее дому прикатил. Давно об этом мечтал.

Гладь, а она с ребенком гуляет. И вот стали они друг против друга. Шагах в двадцати. Он рядом с машиной, она с ребенком. Смотрят друг на друга. Глаз отвести не могут да и подойти боятся. Взял он тут осколок кирпича и написал на асфальте: «Люблю тебя, Лена». Сел в машину и укатил. Она стоит и плачет. Может, тут бы ей хоть плюнуть на все, позвонить бы ему и объясниться. А она опять нет. Может, ей и не нужно это было. А тогда чего плакала. А он прождал звонка-то ее, сел и какое-то такое открытие сделал, что ему через год доктора дали безо всякой защиты. И тут ему совсем плохо стало. И начал он по телевизору выступать, чтобы она видела. Ему бы не по телевизору выступать, ему бы жениться на ком другом, а он нет, не может. И все свое доказывает. И вот уж он совсем знаменитым стал, вся грудь в премиях. Да все вы его, может, знаете, почему я его имени не называю.

И вот умирать ему уже время пришло. И приехал он к ее дому. Взял осколок кирпичный и пишет на асфальте: «Люблю я тебя, Лена». А тут и Лена вышла, с внуками уже. Смотрит, как он пишет это. Он глаза на нее поднял, а уж самому подняться трудновато. Помогла она ему и говорит: «Доказал? Доволен теперь?»

А он ей и отвечает: «Ничего мне, дескать, не надо. Мне бы, говорит, видеть только тебя, разговаривать бы только с тобой».

А она ему только волосы погладила, а там уж все они седые.

Вот так вот. «Глупый ты»,— говорит.

А он-то всю жизнь доказывал ей, что это не так, а теперь взял да сразу с этим и согласился. Сели они на лавочку, и он ей говорит: «Все бы, говорит, премии отдал, только бы эти внуки моими были». А она и вообще двух слов связать не может. Слезы ручьем.

Он после этого, конечно, и умирать совсем передумал. Так вот каждый день на лавке этой и сидят. Говорят все между собой, как будто и не расставались никогда. А чего говорить-то. Раньше говорить надо было. Вот и история вся. И я гляжу на них иной раз и думаю. А женись он тогда на ней, может, ничего доказывать не надо было. И, может, он открытий никаких бы не сделал.

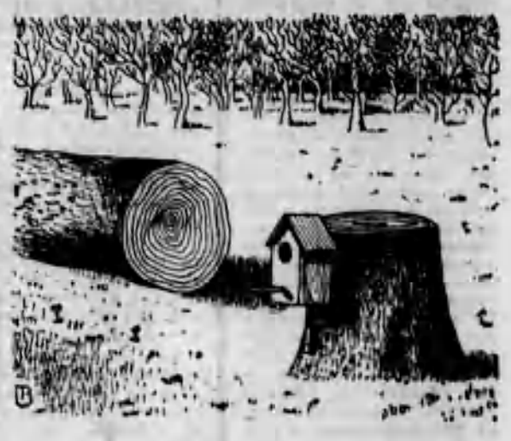
И вот теперь взять, к примеру, меня. Я, допустим, с подругой поссорился. Что теперь делать? Доказывать начать, а может, помириться, и дело с концом!

ЧУДАКИ

Очередной дубль

В. ДУБОВ

В. КУЦИЯ (ТБИЛИСИ)



В. ПЕСКОВ

Рекордное количество писем (более пяти тысяч) вызвала фотография А. Тульчинского («ЛГ», № 16, 1973), на которой изображены часы без стрелок. Очевидно, проблема времени волнует наших сограждан. Волнует она и администрацию: из-за того, что приходится вскрывать тысячи конвертов, не остается времени для культурного досуга во время работы. Администрация еще раз обращается с нижайшей просьбой — присылать открытки, а не письма.

Теперь по существу дела. 30 процентов ответов — «Счастливые часов не наблюдают». Примерно 20 процентов — «После кампании по сбору металлолома» и «Памятник убитому времени». Но самый верный ответ прислали В. Наумов из Казани и А. Литвинов из Севастополя. Со всей ответственностью и бескомпромиссностью они заявляют, что «эти часы без стрелок».

Правильно, товарищи. Очень тонкое наблюдение. Из наиболее интересных ответов администрация отмечает такие:

«Точное время закрытия «Фотоателье» (А. Чулоков, Нижний Тагил и С. Цветков, Москва). «Монумент вечности» (А. Кинноген, Петрозаводск). «Место первого свидания Евг. Сазонова» (З. Бужинский, Калуга), «Безвременно ушедшие» (Л. Степанова, Москва). «Остановилось мгновенье? Ну и прекрасно» (Ю. Иванов, Харьков). «А на кладбище все спокойненько» (Е. Таубкина, Москва). «Птичку жалко!» (Ж. Крылова и В. Муравьева, Ленинград). «Воспоминание о будущем» (В. Садовская, Ленинград). «А может, они звуковые?» (В. Запольнов, Москва). «Четвертое измерение» (М. Аракелов, Москва) «Борьба с излишествами» (М. Лебедев, Москва). «Стоянка для влюбленных» (А. Щекочихин, Ленинград). «А стрелки дошлем в следующем квартале» (А. Черников, Одесса). «Психологический практикум: который час?» (И. Островский, Донецк). «На страже времени» (В. Христов, пос. Сарата Одесской обл.). «А ветлаки они тикают» (Н. Суменко, Ростов-на-Дону). «Завещание часовщика» (З. Фетисов, Свердловск). «У времени в плену» (Т. Щербатых, гор. Куйбышев). «Ноль часов местного времени» (А. Валесный, Минск). «Вот что значит недоплатить 3 руб. 02 коп. часовщику» (Л. Степанов, гор. Калинин). «Примерно в это время был написан роман века «Бурный поток» (О. Поздеев, Омск). «Кто-то опять пытался остановить мгновенье» (К. Солдатов, пос. Солнечный Хабаровского края). «Уж Герман близится, а полночи все нет» (М. Водоволов, Одесса).

Администрация благодарит всех клиентов «Фотоателье» за внимание и обращается к ним с вопросом: «Время делает свое дело, а вы, товарищ?»

Что бы это значило?

Фото К. МАШКОВА
(КАЗАНЬ)

ВЫХОДИТ ПО СРЕДАМ
Цена 15 коп.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

АДРЕС РЕДАКЦИИ 103654 ГСП Москва Ц. Цветной бульвар 30. Телефон для справок: 295 00 00 доб 63

А. ЧАКОВСКИЙ (главный редактор).
Редакционная коллегия: Ч. АЙТМАТОВ, В. ГАЛАНОВ, В. ГОРБУНОВ (отв. секретарь), Г. ГУЛИА, Е. КРИВИЦКИЙ (зам. главного редактора), Г. МАРКОВ, Г. МЕРКУЛОЧЕВ, С. НАРОВЧАТОВ, Л. НОВИЧЕНКО, С. ПРУДКОВ, Р. САМАРИН, В. СУББОТИН, В. СЫРОКОМСКИЙ (первый зам. главного редактора), А. ТЕРТЕРЯН (зам. главного редактора), А. ХАКИМОВ.

А—07637 Типография «Литературной газеты»: Москва К-51, Цветной бульвар, 30 Зак. 326 ИНДЕКС 60087